

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Непросто Мария, или Огонь любви, волна надежды

Мы благодарим за оказанную помощь Елену Глинскую, Светлану Исайкину и Марию Коломиец. Старая гвардия не сдаётся!

Все, что ни делается, – делается к лучшему. Можно поспорить, если выживешь!

Пролог

По извилистой улице русского провинциального городка шла, спотыкаясь, красивая стройная девушка, зябко кутаясь в тоненькую кожаную куртку.

«За что? Почему... так?» – Каждый шаг отдавался режью в глазах. Хотелось набраться до беспамятства, упиться так, чтобы навсегда забыть.

В ушах гулко стучала кровь. Пьяно кружилась и дико болела голова. Перед мысленным взором в разноцветных искрах мучительной боли вставали недавно увиденные картинки. Сознание взбрыкивало, будто ретивый конь, отчаянно отказываясь верить.

Вскоре мысли приняли другое направление: «Почему? В чем я плохая? Что сделала не так?» – И снова шаги в никуда и без цели.

Редкие прохожие невольно обращали на нее внимание и провожали недоуменными взглядами. Еще бы! Спутанные каштановые волосы, потерявшие блеск. Тусклые серо-зеленые глаза, полные слез. И, невзирая ни на что, редкая красота. Но и та не все решает, по-видимому.

Прошло две недели, как ее бросили. Вышвырнули, словно надоевшую детскую игрушку, будто стоптанный ботинок, смятую обертку от съеденного мороженого.

Солнечный луч ее нынешней жизни пришел и сказал, неловко пряча виноватые глаза:

– Знаешь, я твердо решил, что нам нужно расстаться. Так что ты больше мне не звони. Отныне каждый сам по себе. Вещи потом верну, сама не приходи.

Хотя... почему «неловко» и «виноватые»? Потому что ей так хотелось? Вины в них не было ничуть. Чувство внутреннего превосходства, непоколебимая уверенность в собственной правоте и безгловое желание, чтобы этот неприятный мелкий эпизод скорее остался в прошлом, – вот что в них тайлось, в его глазах. А все остальное она себе придумала.

И на том всё. Ни объяснений, ни разборок. Ничего. Сегодня нужна – хорошо. Завтра не нужна – брысь отсюда, сгинь с глаз моих!

«Сволочь! Надменный сукин сын!» – гневно слетело с языка, а сердце истекало любовью. Как дальше жить без него? Как?!

Она шла, и ей казалось, что она падает в бездну. Все кончено. Как же пусто сейчас внутри! Первая боль все выжгла, уничтожила. Жизнь сложилась словно карточный домик и рухнула к его ногам с шелестом бумаги.

Душа корежилась в оглушающей боли, корчилась в смертных муках, плавилась во внутреннем аду. И эта боль вытянула на улицу, она жестоко выламывала тело в любви без взаимности, гнала под окна любимого человека. Нужно, жизненно необходимо взглянуть, просто удостовериться, что с ним все в порядке, что все хорошо!

Удостоверилась.

Другая девушка сидела рядом с ним на скамейке у подъезда, и звучали те же слова, что он говорил когда-то, таким же темным вечером ей. Про красивые глаза, духовность и полеты к звездам. Про ветер надежды, про неземные черты. Про дьявольскую удачу встретиться с такой изумительной девушкой и безумное желание защитить от всех опасностей мира.

Прочь! Прочь отсюда!

«Чего ты от меня хотел, любимый? – шептали непослушные губы. – Увидеть перед собой на коленях? Сломленной, униженной, побежденной чувством к тебе? Не смог сломить окончательно, слишком гордая, или просто надоела? Что, что во мне не так?!»

А перед глазами стояло...

Те же заученные жесты и паузы. То же картинное разламывание незажженной

сигареты. Те же бумажные стаканчики с красным вином и жадные поцелуи. Точно такой же хмельной взгляд влюбленной и очарованной девушки. Словно увидела фильм о своем недавнем прошлом!

«Только сейчас поняла: не нужны тебе моя привлекательность, душа, любовь... для тебя они пустые слова. И верность тоже ни к чему. Она тебе как дырявый носок; нечто весьма постыдное и неприличное в уважаемом обществе. Все, о чем мечтаешь, к чему стремишься, – теплое и хлебное местечко под боком статной директорской дочки. Карьера, успех, процветание. Женитьба на Лизе Миловановой – чертовски выгодное мероприятие... Пока ты учился, всего лишь переживал со мной время. Пользовался в свое удовольствие. И мечты – твои, не мои! – мечты альфонса, дорогой проститутки. Ты проговаривался, часто. Просто я не замечала, глядя на тебя глазами влюбленной дуры. А теперь...»

Внезапно нахлынула паника. Чуть утихшая боль вернулась с новой силой, скрутила внутренности, потребовала выйти наружу.

И снова отчаянный бег по ночным улицам города. В никуда, лишь бы прочь отсюда.

– Куда бежишь, красотка? – Дорогу заступила группа парней, от которых сильно несло алкоголем.

– Пропустите! Пожалуйста... – слабо пискнула девушка, прекрасно понимая, насколько они опасны, и не надеясь на спасение. Ее принц в это время охмурял другую лошадь.

– Не торопись, крошка! – произнес один из зашедших сзади. Гопник наклонился, дыша перегаром. – Повеселимся?

Она была против, но кто ее спрашивал? Девчонку затащили в машину и отвезли на пустырь.

Они изгалялись над ней, как хотели, жадно вколачиваясь, буквально врываясь в неподатливую плоть. Но откуда-то изнутри поднималось жгучее чувство обиды на весь мир и желание жить. Любой ценой. Выжить и счастливо жить дальше.

Этому не суждено было случиться. Так же как и выжить всем соучастникам преступления.

Когда парни вдоволь натешились и бросили девушку замерзать на холоде, последние слова, которые произнесли ее синеющие губы, были:

– Чтоб вам вечно гореть синим пламенем!

И пришло пламя. Охватило лежащую как сломанная кукла девушку и насильников. И не затронуло больше никого и ничего.

– Ты моя! – ревел огонь, протягивая пышущие жаром руки. – Ты нужна мне!

– Твоя! – изогнулось в пламени хрупкое тело. – Бери!

Несколько мгновений, всего только несколько мгновений!

Глубокая ночь. Тишина. Плотно зашторенные испуганные окна соседних хрущоб. Едкий запах горелого и невесомые кучки серого пепла. Легкий ветерок. И тонкая фигурка, лежащая на заиндевевшей траве.

Глаза девушки открылись. Теперь в них поселилось пламя.

Глава 1

Основы пластической хирургии: снаружи ангел, внутри бес.

Средняя полоса России, недалеко от Москвы.

Июль. Утро

На запыленных тополях весело чирикали воробьи. Клочки тумана уже почти полностью растаяли в придорожной канаве. Городские жители бодро трусили вдоль заборов, следуя на рынок или выгуливая мелких шавок и громадных псин.

Я уже минут десять наблюдала из машины за чуть обрюзгшим, начинающим лысеть мужчиной, переминающимся с ноги на ногу у газетного ларька на автобусной остановке. Он то поглядывал на часы, поддерживая рукав голубой рубашки, то доставал из кармана черных, слегка помятых брюк телефон.

Так вот ты какая, золотая рыбка!

Все еще импозантен. Или пытается произвести таковое впечатление. Но годы, годы... они беспощадно высвечивают то, что в юности прячется на самом дне.

В самом деле, чрезмерно резвый юноша, когда ему стукнет за сорок, кажется дешевым клоуном. У драчуна агрессия проступает на лице грубыми чертами обезьяны. А у бабника, склонного к пустопорожнему пафосу и чисто павлиньему пусканию пыли в глаза, на лице остается...

Первое впечатление после многих лет – слизняк. Второе – исключительно нецензурно. Третье... Я помедлила еще немного, хватаясь за любую возможность отвлечься от предстоящей встречи и нервно поглядывая по сторонам.

В этот ранний час он стоял в ожидании один. В нескольких метрах левее остановки пристроились бабушки с цветами, семечками и пластиковыми стаканчиками с земляникой и черникой.

– Ближе, – велела я своему шоферу и телохранителю с красивым именем Диего, экзотической внешностью мачистого испанца и чисто русским выговором.

Черный блестящий «мерс» сорвался с места и подъехал к тротуару.

Пора! Я глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, опустила стекло, сдернув темные очки, и лучезарно улыбнулась.

– Вас подвезти?

– Вы мне? – возрился на меня рыжеватый блондин с намечающимися залысинами. Тонкогубый, с нездоровым румянцем, свидетельствующим о не слишком правильном образе жизни и частом употреблении горячительного.

– Безусловно, – еще шире улыбнулась я. – Такой представительный мужчина не должен опаздывать. К тому же это чудесный повод познакомиться.

Охмуряемый объект расправил плечи, колыхнул пивным брюшком и почувствовал себя пупом земли.

– Это было бы весьма кстати. Если я вас не затрудню...

– Ну что вы, – пропела я, накручивая на палец локон рыжеватого-золотистых волос и делая глаза лани, влажные и зовущие. – Мне будет приятно, – подавая знак Диего.

Шофер вышел из машины и открыл дверцу, предлагая моей мышке сесть в салон к готовой его поймать кошке.

Блондин оторопел, покрепче сжал ручку слегка потрепанного кейса известной фирмы неизвестного производства и, надувшись как индюк, обошел «мерседес».

Я поспешно нацепила свои очки от солнца, готовясь к битве. Вооружена и очень... прекрасна. Извините, опасна.

Рядом с Диего этот... это недоразумение смотрелось именно недоразумением. Но меня сей факт полностью устраивал.

Мужчина плюхнулся на кожаные подушки сиденья, показав мне коричневые носки, и расцвел в сексапильной улыбке донжуана... как он думал. Или крысы... как думала я. Но вслух свое мнение не озвучила.

- Вы меня так выручите!

Я приняла правила игры и закокетничала, внутренне содрогаясь от отвращения.

- Это вы меня выручите, если по дороге разделите со мной чашечку кофе.

- Разве можно отказать такой красивой женщине... - Его это так раздулось, что в салоне стало тесно. Еще немного - и лопнет! Он протянул руку и представился: - Вольдемар!

Меня чуть не снесло с сиденья. Какой пассаж, а смотрелся обыкновенным Вованом! Я мысленно поблагодарила свои черные очки, скрывающие глаза. В данную секунду мои органы зрения имели форму как минимум октагона.

Справившись с собой и положив ладонь на его руку, я прощепетала, старательно изображая упившуюся тормозной жидкостью идиотку:

- Какое у вас громкое имя! Вам оно так подходит! А я - Мария!

Русый блондин вальяжно обмусолил кончики моих пальцев, заставляя владелицу остро пожалеть об отсутствии одноразовых (а лучше - толстых хирургических!) перчаток, и высокопарно выдал:

- Восхитительное имя для прекрасной женщины! Звучит как музыка! Мария Магдалина!

Я задохнулась, причем отнюдь не от восторга. Диего пригнулся над рулем и тихо хрюкнул.

- В кофейню! - велела я, мучительно соображая - выйду ли я из образа блондинки с силиконовыми мозгами, если серьезно обижусь?

Вольдемара же понесла нелегкая по просторам избитого, в колдобинах, типично местечкового псевдоинтеллигентского флирта:

- Мария - это исконно русское имя! Оно звучит словно песня, будто легенда, сказка, как...

Я внимала, внутренне морщась, и вспоминала, как один тип двадцать лет назад без малейшего пиетета произносил это имя как Машка, Манька, Маруська или сокращал до банально-кошачьего - Муська.

- Вы так поэтичны! - выдавила я из себя, пытаюсь проделать два дела одновременно - остановить безудержный словесный поток, направляя его в другое русло, и освободить свою руку, пока мне ее не раздавили в порыве страсти к философии до состояния лапты.

Мы покрутились немного по однотипным улочкам городка. Машина остановилась возле моей любимой кофейни «Ароматы Востока», уютно устроившейся в тихом переулке.

Мы вышли из авто и отправились пить кофе. Надеюсь, я все же сдержусь и не подсыплю яда в благородный напиток. Не хотелось бы портить хорошим людям бизнес.

Диего предусмотрительно открыл дверцу, помог мне выйти и придержал массивную дверь. Правда, телохранитель неловко отпустил створку, когда подошел Вольдемар. Видимо, от сознания собственной неполноценности перед лицом такого бесподобного, напичканного комплексами чисто мужского превосходства экземпляра.

Вольдемар яростно зыркнул на Диего, словно ошеченный пес. Без особого результата. Мой телохранитель безлично сверкал стеклами «хамелеонов», которые он всегда

надевал вне машины, и понять его истинное выражение лица под зеркалами очков непривычному человеку довольно сложно.

Дверью Вольдемара все же приложило. По дряблему сидищу. Мужчина от неожиданности споткнулся и уцепился за статую Ходжи Насреддина у входа.

- Люди не одиноки, они - едины; в этом - самая глубокая истина нашего совместного бытия! - прошептал мне на ухо Диего, напоминая изречение Ходжи. Обычно по-русски мой телохранитель говорит абсолютно чисто, словно исконно русский, но вот когда волнуется, появляется легкий иностранный акцент, в чем-то довольно приятный. Во всяком случае, для моего уха. Так вот, сейчас Диего почему-то волновался.

- Дорогу осилит идущий... - не осталась я в долгу, опять начиная щебетать, как безмозглая гламурная курица-блондинка: - Ах, вы, наверное, ушиблись! Вам нигде не больно? - И глазками по мужику - огонь, пли! Длинными очередями.

Для пущего эффекта даже очки сняла, чтобы броситься на эту потрепанную жизнью амбразуру. Только, к сожалению, такое можно заткнуть исключительно чем-то большим. Например, противотанковой миной.

- Ему должно быть больно за бесцельно прожитые годы! - поддел меня цитатой из Островского телохранитель, помогая встать на ноги пострадавшему Вольдемару.

- Вы головой не ударились? - продолжила я, больно наступая Диего на ногу туфелькой.

- Нельзя ударить то, чего нет, - тихо пробурчал телохранитель. Я стиснула зубы и смерила его надменным взглядом. Не хватало, чтобы Диего мне весь план работ насмарку пустил!

- Мужчина, э! - вырулил из подсобки хозяин Ашот. - Статуй тут для красоты стоит, да?! Себя положи на стул, а статуй оставь людям, пусть удовольствие получают. Э?

- Со мной все в порядке, - со скрипом выпрямился блондин. Слащаво, с придыханием: - Просто я загляделся на неземную красоту Марии.

Я слегка запунцовела от комплимента, внутренне отплевываясь, и стрельнула глазками в сторону Ашота.

- Вы же не будете нас ругать?

- Нэт! - расцвел хозяин. - Такой красивый девушка нельзя ругать, можно поить кофе и коньяком!

- Ага, - вполголоса поддакнул Диего, иронически ухмыляясь. - Напоить - и спать уложить.

- Завидуешь? - прошипела я сквозь зубы.

- Открываю тебе глаза, - не согласился телохранитель.

- Давай заходи! - хлопнул Вольдемара по плечу Ашот. - А статуй оставь тут, он каменный - кофе-коньяк не пьет!

- Спасибо! - пропела я, протаптывая народную тропу на мокасинах Диего. Тот даже не поморщился. Силен мужик!

- Слушай, красавица, - громким шепотом сказал мне Ашот, деликатно придерживая за локоть. - На какой помойке ты вот это подобрала, а? Давай я тебя с настоящим джигитом познакомлю?

- У нее есть свой джигит, - немедленно вмешался сердитый Диего, оттесняя Ашота.

Мы вошли в полутемный зал.

Мне нравится это место. Низкие каменные своды из красного кирпича прекрасно гармонируют с такими же стенами, увешанными связками алых перчиков и декоративными шальями. Уютный полумрак, кое-где освещаемый горящими свечами.

Пахнет куркумой, перцем и специфической смесью чисто восточных специй. Запах огня и юга. Мой любимый.

– Здравствуйте, Мария, – приветствовал меня бармен Сережа, темноволосый кареглазик лет двадцати, с азиатской внешностью. – Вам как обычно?

– Да, спасибо! – кивнула я. – Мой столик свободен?

– Как всегда, – широко улыбнулся студент. Обратился к моим спутникам: – А вы что будете?

– Эспрессо, – бросил Диего, внимательным взглядом профессионала сканируя кофейню.

– Я хочу... – начал блондин.

– Можно я угадаю? – влезла я, широко улыбаясь и оказывая всевозможные женские знаки внимания стоящему рядом мерзавцу. Только что на руки ему не запрыгнула.

Вольдемар почувствовал себя маленьким гигантом большого секса и уверенно распрямил все еще широкие плечи, самодовольно кивая.

– Такой представительный мужчина, – кудахта я, стараясь ненароком не брызнуть ядом. – Скорее всего должен любить... американо!

Угу. Попала! «Угадай мелодию», приз в студию!

– Как вы проницательны, Мария! – расплылся в улыбке блондин и цапнул меня за руку.

Диего сделал неумовимое движение, стараясь помешать Вольдемару допустить в отношении меня какие-либо вольности, но я остановила незваного защитника скептически заломленной бровью.

– Вы волшебница! – пел курской жабой мой подопытный, провожая меня к столику. Я пожалела, что предварительно не зашла в аптеку и не купила себе какой-нибудь «Аэрон». Без него выживать рядом с этим ходячим атавизмом будет крайне трудно.

А насчет моей колдовской проницательности... Хм. Конечно, волшебница! Память у меня уж точно волшебная. Помню все. До мельчайших подробностей.

– Принесите наш заказ на столик, Сережа, – обернулась я, ловко манипулируя спутником и подводя того к своему любимому столу около дальней стены зала.

Здесь никого днем не бывает. Нам гарантировано уединение.

Диего занял соседний стол, сев лицом к залу и цепко обозревая окрестности. Судя по напряженной линии рта, телохранителя что-то сильно обеспокоило, хотя моя внутренняя сигнализация почему-то молчала...

В дальнем углу кофейни за столиком устроились двое мужчин. Несмотря на полумрак, оба находились в помещении в темных очках. Экспрессивные собеседники так сильно жестикулировали, что сторонний наблюдатель издали мог бы предположить: здесь сидят глухонемые.

– Смотри-ка, – ухмыльнулся шатен с вкраплениями огненных прядей в шевелюре и широкой татуировкой-браслетом на правом предплечье. – *Ni ja de puta!* Наша красotka уже попала в расставленные сети.

– Ты думаешь, сработает? – усомнился второй, отпивая кофе и откидывая с лица густую золотистую челку.

– Гарантирую, Ким, – оскалился первый. – Я затратил массу усилий и задействовал все нужные связи, чтобы она получила именно это задание. Пришлось кой-кому даже кое-что пообещать, но я не внакладе. Я никогда не проигрываю.

– А вдруг она все-таки устоит? – все еще сомневался Ким, с недобрым прищуром

наблюдая за привлекательной золотоглазой девушкой, флиртующей с мужчиной. – Это у нее далеко не первое задание...

– Но первое, где задействован личный интерес! – насмешливо пояснил шатен, аккуратно поправляя край джинсовой безрукавки. – Тем более что она подошла к грани очень близко.

– Смотри, как хранитель напрягся, – усмехнулся Ким. Он, в отличие от джинсового винтажа собеседника, щеголял брюками и рубашкой от Ив Сен-Лорана, с элегантными запонками в виде рубиновых скорпионов. – Зараза, а ведь этот поганец, кажется, нас умудрился почувствовать даже сквозь нерушимый блок!

Второй недовольно хмыкнул. Сверхчувствительность Диего ему была знакома не понаслышке, но здесь проявила себя весьма некстати.

Светловолосый продолжал откровенно восхищаться:

– А он молодец! Виртуоз! – Без перехода: – Как ты думаешь, Рамон, он в нее влюблен?

– Скорей всего, – скупно пожал плечами собеседник. – Он никого еще так не пас. Но это не затмит его чувства долга. У Диего оно развито потрясающе. Если она пересечет грань, то хранитель, даже любя, все равно мгновенно уничтожит огненную – и рука не дрогнет.

– Ты великий комбинатор, Рамон, – хмыкнул Ким, не то восхищаясь, не то скрыто не одобряя. – Только одного не пойму – чем она тебе так насолила? Поделишься, брат?

– Это уж мое дело! – сжал зубы шатен, нервно затягиваясь и откидываясь на оббитую тканью спинку угловой лавки. – Мои мотивы останутся при мне, для тебя главное – итог, который совпадает с моим желанием.

– И тебе не жалко такую красотку? – спросил Ким, откровенно рассматривая девушку. Он залюбовался шикарной копной вьющихся светлых волос, достигающих тонкой талии. Отметил про себя точеное лицо с удивительными золотыми глазами, утонувшими в черных длинных ресницах; загляделся на пухлый рот с чуть капризным изгибом и легкой загадочной полуулыбкой.

– Нет, – решительно покачал головой хмурый Рамон. Глаза его полыхнули злым огнем. Яростно: – Я предлагаю лишь однажды, а потом уничтожаю. По возможности – чужими руками. Нам пора уходить! Время.

И пара растаяла в полумраке, как будто и не было их. Только на столике остались стоять две чашки и оплывшая свеча.

По моему позвоночнику пробежал холодок опасности, заставивший содрогнуться и передернуть плечами. Что-то явно происходит...

Я напряженно раздумывала, не забывая кивать собеседнику и расточать сладкие улыбки, пока он нес всякие глупости на грани пошлости.

– К сожалению, мне пора, – сообщил мне Вольдемар. – Работа, заботы.

– Вас подвезти? – расстроилась я. – Мы могли бы еще поговорить. Вы такой интеллектуальный собеседник!

– Вот мои номера телефонов, – достал блондин визитку. На обороте написал дополнительную цепочку цифр. – Это личный. Ну, вы понимаете...

– Конечно! – обрадовалась я. Натужно ослабилась. – Это так приятно. Значит, я могу быть уверена, что мы с вами еще встретимся?

– В любое время! – надул грудь упитанным индюком блондин, расцветая сальной улыбочкой. (Могу поспорить: в своих фантазиях он сейчас Ален Делон и Бред Питт, не меньше!) – Но не в рабочее! Тогда я, увы, занят. А теперь прошу меня простить. – Он

припал к моей руке. – Удаляюсь. Нужно еще поймать машину.

Диего скорчил кислую физиономию и шутовским жестом приложил руку к сердцу так, чтобы видеть его ужимки могла только я.

– Я обязательно позвоню! – пришлось пообещать пронафталиненному ловеласу.

Вольдемар заверил меня в своем пламенном ожидании и ушел, бодро помахивая кейсом.

Я еле дождалась, пока он покинет зал, и стерла с лица улыбку слащавой идиотки, доставая телефон. Нажала кнопку быстрого набора. Когда ответили, сказала:

– Привет, Лёна. Найди все на Владимира Юрьевича Петрякина, дата рождения – пятое апреля семьдесят четвертого года. Да, прошлого века, шутница ты наша! Место рождения – город Н-ск. Остальные данные скину по электронке. Жду.

Мой телохранитель Диего бесцельно послонялся по заведению, подошел к уютному столику в сторонке, где стояли забытые официантами чашки кофе с блюдцами, и зачем-то сунул средний палец в одну из них. Словно обжегшись, отпрянул и вернулся хмурый и встревоженный.

На ровном месте найти на свою голову горячий кофе? Мазохист! Причем со стажем.

Глава 2

Кто имеет информацию, тот имеет всех!

Как только я запихнула в карман телефон, за моим столиком очутился Диего. Телохранитель положил на столешницу сцепленные в замок руки и негромко, с нажимом сказал:

– Откажись от него!

Такое поведение было так непохоже на Диего, что я вопреки обыкновению не фыркнула и не отправила его по всем знакомому адресу, а заинтересовалась:

– В смысле? От Вольдемара или задания?.. В чем причина?

– Это дело смертельно опасно, – напрягся мужчина. Он умолк, каменея скулами, и явно не собирался полностью вводить меня в курс дела.

– Основание? – подняла я брови.

– Интуиция, – на полном серьезе ответил он.

Для Диего, скрупулезного даже в мелочах, необычно вдвойне. Сколько его знаю – твердокаменный профессионал. Бесед насчет пресловутой интуиции, «чуйки» и тому подобного не вел за все время ни разу. Ни разу! Только аргументы и факты, причем железно проверенные и сто раз подтвержденные.

– Весомо, – кивнула я, быстро набирая сообщение для Лёны на планшете. – Но уже поздно... – И если бы ты знал НАСКОЛЬКО!

– Для кого? – Сильные руки сжались до побелевших суставов.

– Для меня, – ответила, не отрываясь от пересылки информации. – Это мой шанс избавить мир от еще одного редкостного подлеца.

– Это твой шанс избавить мир от себя! – взорвался телохранитель. – Ты испытываешь к нему чувства! Малейшая ошибка – и...

– И?..

Он сглотнул. Руки расцепились из замка и легли на стол ладонями вниз, параллельно:

– Ты хоть представляешь, сколько в архивных схронах лежит дел с резюме «Сгорел на работе»?

А ты представляешь себе, умник, что, в отличие от тебя, у меня нет выбора?! По своей воле исполнителями не становятся. Если я хорошо одета и живу в относительном достатке, это вовсе не означает, что я в восторге от однажды навязанной роли. Отнюдь. Такой мерзостью ни одна нормальная женщина добровольно не занимается. Хотя... бывают приятные исключения. Как вот в этом случае.

– Диего, меньше слушай дурные офисные байки, – не выдержала его напора. – Я и к тебе испытываю чувства, – хмыкнула я, касанием пальца отправляя письмо. – Разные...

– Мы говорим о личном! – не сдавался мужчина. – Ты вступила на скользкую тропу!

– Да? – фальшиво удивилась, убирая планшет в сумочку. – Придется посыпать песочком, а для кого-то и наждачную шкурку положить, чтобы до финала доехали только уши гада!

– Разумные доводы на тебя не действуют? – Диего в раздражении стащил очки и уставился на меня аквамариновыми глазами.

– На меня никакие доводы не действуют... если я на работе, – спокойно ответила я, любуясь великолепным образчиком мужской красоты. Чисто эстетически. Уже много лет к мужикам я не испытывала никаких чувств, кроме азарта погони. Именно поэтому была одной из лучших в своем деле.

- Ты не понимаешь... - снова завелся телохранитель.

«Скажи мне правду, атаман!» - звучно заорал телефон.

- Извини, - сказала я без капли сожаления. Ответила: - Да. Да, буду. Полчаса.

К столику подошел Сережа:

- Вам что-то еще принести?

- Нет, - рявкнул разозленный моим отказом Диего, расплачиваясь и оставляя щедрые чаевые. Через секунду резко передумал: - Да! Новые мозги для этой, - кивок, - дамы!

- Для блондинки это лишнее. Никому не нужна роскошь, - с достоинством парировала я, улыбнувшись студенту. - Спасибо! Потом повернулась к Диего: - Поехали!

Мы вышли из кафе. Галантный телохранитель в сердцах чуть не зажал меня дверцей машины.

- Ты повторяешься, - спокойно заметила я. - Это становится скучным.

- Повторение - мать!.. - кратко проинформировал меня мужчина, садясь за руль.

- Мать чего?.. - проявила я любознательность. Если кому-то сильно хочется сразить меня знаниями, то зачем мешать человеку пребывать в иллюзиях?

- Просто мать! - рявкнул телохранитель.

Кстати, давно заметила: для испаноязычного наш Диего удивительно физически малоэмоционален. Практически не жестикулирует, как все добропорядочные южане. Если бы точно не знала, решила бы, что он подкидыш. Или англичанин!

- Куда едем?..

- В офис, к Лёне, - фыркнула я, удивленная его выходками. Никак съел с утра что-то несвежее? Так вроде на рассвете от него упорхнула молоденькая шатенка. Вот и верь после этого глазам своим...

Машина резко рванула с места.

- Если ты не прекратишь вредничать, - безмятежно сказала я, тщательно расправляя золотистую шифоновую юбку, - то кроме копии повестки в суд за неуплату алиментов на троих несовершеннолетних детей я буду показывать твоим пассиям фотографии твоих трех тещ в состоянии аффекта!

Мы еле вписались в поворот. Поскольку я была по своему обыкновению не пристегнута, меня ощутимо приложило о дверцу.

- По-моему, - пробормотала я, изо всех сил цепляясь за ручку, - твои предупреждения вкупе с гласом интуиции здесь ни к чему. Ты меня угробишь гораздо раньше!

Диего неожиданно съехал на обочину, остановил машину и развернулся ко мне, сверкая разъяренными глазами.

- Так это ты испоганила мне личную жизнь?! Ну ты и...

- А были другие предположения? - лукаво поинтересовалась я, ничуть не впечатленная силой его гнева.

- Были! - рявкнул телохранитель.

- Тогда подозревай их дальше, - мирно посоветовал главный объект подозрений. - Иначе мне придется показывать твоим дамам следы плетки, других побоев и по секрету рассказывать о чьих-то пристрастиях к очень жесткому сексу... в одежде из латекса.

- Мария, не доводи до греха! - От рева у меня заложило уши. - И пристегнись!

Давно я не проходилась по больным местам этого самоуверенного самца. И вот результат, дожили: на меня орет мой собственный подчиненный!

Я вызверилась:

– И вообще, мистер Фрост, хочешь, чтобы тебе по утрам радовались, – купи себе аксолотля! Он будет тебе нежно улыбаться за одну-две креветки, а мне будет приятней и спокойней! – Но пристегнулась. Не хватало, чтобы он взялся за мой ремень безопасности самолично. Есть шанс, что припилит та-ак... я потом дышать не смогу!

Опять он на меня уставился, как монахиня на стриптизера! Того и гляди крестить начнет!

– Ты – чудовище! – безнадежно заявил Диего. – И не предлагай мне мучить несчастную зверушку!

– Надеюсь, от слова «чудо»? – невинно полюбопытствовала я, устраиваясь поудобнее и раскрывая свою сумочку в поисках пудреницы и блеска для губ.

Невнятное рычание подтвердило мое предположение. Дальше мы ехали в молчании.

Остановившись возле практически полностью стеклянного офиса с крутящимися дверьми, Диего повернулся ко мне еще раз и тихо спросил:

– Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной?

– Нет, – ответила я честно.

– Тогда зачем ты это делаешь? – не отставал мужчина.

– Потому что мне доставляет удовольствие издеваться над твоими подружками, – призналась я. – Слишком уж восторженными выпархивают они из твоей комнаты.

– И чем это плохо? – удивился Диего, осторожно поглаживая мои пальцы на спинке сиденья. Мне почудилась в этом скрытая нежность.

На фиг, на фиг! Обойдемся без экстрима!

– Это плохо именно тем, – осторожно высвободила я руку, – что ты только что сделал.

– Ты ясно дала мне понять мое место в твоей жизни. – Красивый мужской рот исказила кривая усмешка. – Ты поменяла свое решение?

– Нет, – улыбнулась я, чувствуя себя макакой, которой не разорваться. – Я предпочитаю не смешивать личные и рабочие отношения. – Стиснула руки на коленях. – Но и твоих одноразовых девушек терпеть не буду!

– Они одноразовые твоими стараниями, – оскалась почище уссурийского тигра, злобно укорил меня телохранитель. – Каждый раз, когда я кому-то звоню вторично, мне сообщают дрожащим голосом, что я ошибся номером и тут нет никакой Оли, Раи, Вали. И вообще... это говорит автоответчик.

– Значит, моя тактика себя оправдала! – с удовлетворением заметила я, вылезая из «мерса».

– Собственница! – обозвал меня уязвленный Диего, следуя за мной. – Пожалуй, я сниму себе квартиру.

– Попробуй, – не стала я его отговаривать. Зачем? Мало заметный подъем брови: – Только не удивляйся, если милейшие бабушки у подъезда будут считать тебя маньяком со стажем и террористом с гранатометом в штанах.

Пребираясь и переругиваясь, мы дошли до офиса Лёны, расположенного в дальней части здания и имеющего большой внутренний дворик.

– Тук-тук, – стукнула я костяшками пальцев об косяк. – Здесь ли моя любимая, легендарная, известная своим коварством и лютой непримиримостью к врагам подруга?

– Заходи уже, припаленный паяц! – раздалось недовольное глубокое контральто. – Тебе нужно на паперти юродствовать – обогатиться.

– Меня оттуда уже выперли, – повинилась я, вплывая в кабинет. – Сказали, что моральным калекам у них не подают. Привет, Лёна.

– Здоровались уже, – хмыкнула невысокая, чуть полноватая шатенка с золотисто-каштановыми вьющимися волосами. Наше информационно-аналитическое и передаточное звено, а порою, и не так уж редко – рука помощи в трудную минуту.

– Чем порадуешь, солнышко? – плюхнулась я в давно облюбованное кресло около ее рабочего стола. У стола приятно обвеивал кондиционер, напротив сиял неоновыми красками псевдоаквариум-монитор с движущимися коралловыми рыбками и прочей морской фауной.

Хорошо тут сидеть. Расслабляет.

Офис у Лёны обставлен известным дизайнером. Это заметно с первого взгляда, при входе сразу начинаешь проникаться атмосферностью его работы. Огромный круглый ковер, кажется, созданный из оттенков сливок, синего и цвета темного дерева. Пузатые кожаные диваны со стоящими рядом напольными лампами, один против другого, пара примыкающих столиков розового дерева. Белоснежные фактурные кресла. Акварели на сливочно-белых стенах, что-то из видов набережной Марселя.

Игра светлых и приглушенных темных цветов и оттенков. Днем – ярко и небанально, при электрическом освещении – уютно. В полумраке, когда включены только настольные лампы, преследует странное ощущение, словно находишься в пещере: тени по углам и отблески мягкого света.

Вдоль стен несколько бюро и стеллажей с эстетичными мелочами – классическими статуэтками, изящными безделушками и прочими изысками.

В таком зале президента не стыдно принимать.

– Ноги не закидывай, – строго предупредила меня сероглазая юристка, запихивая в ящик стола незаконченную вышивку. С мягким горловым смешком: – Не создавай у меня комплекс неполноценности.

– Чего стоишь пирамидой ацтеков, – обратилась Лёна к застывшему у двери Диего. – Садись уже!

– Из уст юриста слышать такие слова чревато нехорошими последствиями, – осветил белозубой улыбкой кабинет мой телохранитель. – Я лучше так постою. На свободе.

– Тогда присаживайся, – велела девушка. – У нас будет очень долгий и серьезный разговор. – По ее тону стало понятно: всплыли весьма интересные сведения.

К сожалению, специфика моей работы не позволяет просто перекрыть клиенту кислородный баллон и сказать сакраментальное: «Hasta la vista, baby!» По законам и правилам клана Огненных, следует поймать преступника на «горячем», сделать пламенное внушение с порицанием, затем уже мягким вразумлением попробовать вернуть провинившегося на стезю моральной чистоты. Ага.

Звучит занимательно и выглядит правильно. Практически идеально.

Вот только на моей памяти такого не случилось ни разу. В основном все заканчивалось на «сделать пламенное внушение»... До «мягкого» вразумления клиент обычно не доживал. Ну, по крайней мере, умственно неповрежденным.

Внутри стал нарастать смех. Что поделать... огненные, они такие огненные...

– Смотри, – переправила мне Лёна толстую папку. Сухо уведомила: – Учти, здесь только часть. Интересный экземпляр, однако, попался. Понятное дело, не самая большая шишка, но...

Я внимательно изучила душещипательное содержимое, просмотрела фотографии

и с удовлетворением сообщила:

– Какая обширная у человека деятельность! Феномен. За двадцать последних лет объект успел навертеть на свою карму как минимум пять пожизненных. А то и все десять!

Диего огорченно вздохнул и завозился. Он меня слишком хорошо успел узнать. Понимает: из шкуры вылезу, кишки себе на руку намотаю, но живым подобного подонка не выпущу!

А я продолжила спектакль одной актрисы персонально для воинственной Испании в его лице.

– Уникум! Куда там некоторым маньякам! – Лицемерно вздохнула. – И моя прямая обязанность помочь ему облегчиться!

– Облегчить душу, полиглотка! – поправила меня подруга. Замерла. Просканировала меня взглядом до мельчайших атомов, просеяла сквозь сито аналитически острого разума и гневно резюмировала: – Мария! Ты его знаешь!

– Была когда-то... мне-э-э... знакома, – поправила я ее в свою очередь. – Очень-очень давно.

– Это против правил! – вспыхнула Лёна, вскакивая и начиная носиться туда-сюда, от окна к рабочему месту и обратно.

Я демонстративно припудрила носик.

Лёна воззрилась с укором на невозмутимого Диего, сидящего с каменной рожей поодаль и сосредоточенно взмахивающего крылышками кинетической игрушки-браслета, лично им привезенной аж из Канзаса.

– А ты куда смотрел?

– В ту же сторону, – мрачно огрызнулся мужчина. – Кто бы только прислушивался? Если не ко мне, так хоть к голосу разума!

– У меня нет шизофрении, – сообщила я им, задумчиво накручивая локон на палец и обдумывая дальнейшую наступательную стратегию.

– Ты обязана отказаться! – повернулась ко мне Лёна. – Первое правило огненных – никаких личных контактов! Или я доложу наверх!

– А первое правило воздушных... – рассматривала я свои ногти с необычным французским маникюром – тонкой полоской страшиков и 3D блесток по краешку. – Никаких вмешательств! Только помощь с информацией и наблюдение за исполнением.

– Ты погибнешь! – сменила тактику Лёна, переходя от прямых угроз к настойчивым уговорам. Амплитуда метаний увеличилась, она уже носилась по офису, словно маленький метеор, цепляясь каблучками за ковер и задевая провода мониторов. – Это опасно!

Мой резкий смех диссонирующими колокольчиками прокатился по комнате.

– Жить тоже опасно, – с ухмылкой заявила я, отрываясь от разглядывания ногтей. – От жизни всегда в конце умирают, знаешь? – Сменила тему: – У тебя пилочки нет?

– Твою тупую башку даже бензопила не возьмет! – рявкнула командирским голосом милая дама-юристка. – Давай сама оторву, а?

– Не стоит, – напрягся Диего. – Она все еще под моей защитой.

– Надолго ли? – скептически усмехнулась Лёна, переводя цепкий многозначительный взгляд то на меня, то на телохранителя. – Сам ведь знаешь, как все быстро вверх дном переворачивается в наше время...

Диего ссутулился и помрачнел. Даже игрушечными крыльями размахивать перестал.

Юристка обратилась ко мне:

- Сколько за твою карьеру у тебя помощников сменилось?

Я закатила глаза:

- При чем тут это?

- И все же? – пристала юридической пиявкой верная подруга. Или вредная?

- Мигель, Иван, Матильда, Денис, Максимилиан, Тони, Джема, Луис... Хм. Восемнадцать, – подсчитала я, загибая пальцы. – Диего – девятнадцатый.

- Странно, – делано удивилась девушка. – И чего это они так от тебя быстро сбежали, а? Не подкажешь?

- Так работа шибко нервная, – невозмутимо пожала я плечами. – Молока за вредность хотели. Но я ж не корова, чтоб доиться...

- Значит, в среднем по одному на год, – скрупулезно подытожила Лёна. – Круто! Еще одного сменить – и наступит юбилей!

Глаза моего бодигарда невольно вспыхнули, но он тут же взял себя в руки и перевел взгляд на рыбок.

- Не-а. – Я все же нашла в недрах черной дыры, именуемой дамской сумочкой, пилочку и стала подпиливать непонравившийся мне ноготь. – Диего со мной третий год, остальные ломались намного раньше. Хлипкие больно.

- Да-а-а, – с невольным уважением протянула Лёна. – Я гляжу, ты еще большая стерва, чем я думала.

- Можно считать это комплиментом? – флегматично поинтересовалась я. Потом стала серьезной и обрисовала задачу: – Итак, суть дела я поняла. Остается только выяснить, как упасть этому скунсу на хвост.

- Не надо на хвост, – поморщилась коллега и по совместительству подруга. Она перестала носиться как угорелая и вернулась обратно в удобное широкое кресло. Напомнила: – Воня не оберешься. Скунсы, они такие... вонючие. И все же хочу напомнить тебе о существующих правилах...

- Бесполезно, – горько хмыкнула я. – Хошь верь, хошь – не верь, но не могу я отказаться, даже если бы захотела. А я не хочу.

- Это еще почему? – возмутилась шатенка, упирая руки в боки. – Законы одни для всех!

- Угу, – согласно кивнула я. – Умничка. Возьми с полки пирожок. А теперь скажи это Эйдену.

Мои оппоненты притихли и переглянулись.

- Это его личное распоряжение? – прошептала Лёна, в ужасе вцепляясь ноготками в свою пышную шевелюру. За мгновение коллега посерела, будто вылиняв.

- Это его приказ, – красноречиво хмыкнула я. – По крайней мере, слова: «Иди и выверни этого поганца наизнанку для химчистки!» – по-другому я трактовать не могу.

- А ему известно, что ты хорошо знакома с объектом?.. – осторожно поинтересовался Диего. Реплика прозвучала словно сигнал тревоги.

- Известно, – почесала я лоб в легкой растерянности. – Обяза... наверное. Потому как вряд ли есть в этом мире хоть что-то такое, чего Эйден не знает. И ему, как ты понимаешь, по своей воле не отказывают. Тем более – низшие.

- Поздравляю, ты влипла, – горестно констатировала Лёна, отводя глаза и начиная перебирать папки на столе. – Капитально.

Диего подтвердил этот тезис неодобрительным взмахом черноволосой головы и возгласом «угу».

– И мой долг тебе в этом помочь! – продолжила дочь российской и международной юриспруденции.

– Клея подольешь, добрая ты моя? – съехидничала я.

– В болото отправлю, – на полном серьезе парировала она. – Называется «Женская радость». Там во время войн, включая войну 1812 года, бабы французов и поляков отлавливали. Тех, которых трясина почти засосала. Ну и... устраивали себе нечаянную радость.

– Не продолжай, – остановила я поток исторических сведений. – А мне туда зачем? Там все еще какой-нибудь французик завалился?

– Нет, – обрадовала меня Лёна, приосаниваясь. – Араб. Рошаном зовут.

– И что он в болоте делает? – недоумевала я. – Квакает? Зеленеет?

– Похоже на то. Зелень он там считает, – с немалой долей ехидства пояснила подруга, рассеянно водя пальцем по клавиатуре ультрабука. Уже более внятно: – У него там на дальнем хуторе загон для девчонок. Называется: «Как стать самой успешной танцовщицей, официанткой, горничной и манекенщицей».

Я всмотрелась в цветастых электронных рыбок, чтобы вернуть себе хоть чуточку релакса и здравого смысла. Не помогло. Один и один не складывались.

– Что, в болоте?... – не поняла загадочной мужской логики.

– В борделе! – рявкнула юрист. – Он там действительно обучает самых красивых. И скрытую съемку делает... Чтобы у богатых клиентов о товаре представление было.

– Понятно, – начала я злиться, потихоньку накаляясь. Ничего мне не понятно! Даже искры из глаз от злости посыпались.

Я глубоко вдохнула, дала себе команду успокоиться и вернула разговор в нужное русло:

– И все же он – не мое задание. Объясни на пальцах, как это связано с Вовчиком?

– Вовчик твой девчонок активно обманом вербует и туда привозит для окончательного отбора, – более подробно разъяснила Лёна. – Пачками. Девчат Вован с Рошаном в лагере сортируют, и там же, на месте друг с другом мужики рассчитываются.

Я невольно перехватила напряженный взгляд испанца. Взгляд не телохранителя – убийцы. По какой-то своей, личной причине Диего работоторговлю и торговцев наркотиками ненавидел больше всего. Ненавидел люто, до кровавых точек и помутнения в мозгах, хоть и почему-то тщательно это скрывал. Даже от меня.

– По крайней мере, я так предполагаю, потому что другой возможности получить деньги у них, по нашим наблюдениям, не было, – внесла ясность Лёна. – И если ты хочешь припереть своего красавчика к стенке, то достань снимки и запись, – окончательно сформулировала рабочее задание назначенный юрист огненных и офис-менеджер в одном лице.

На этих словах мой телохранитель отчего-то стал скучным и задумчивым. Знает, чем дело пахнет, не дурак небось!

– Потому как это, – указала Лёна на внушительную папку, – всего лишь косвенные улики. – С тоской вздохнула и скривилась, словно ей подсунули лимон вместо яблока. – Для высшего суда их, сама понимаешь, недостаточно.

– Понятно, – хмыкнула я. Подумала еще немного и повернулась к Диего: – Будем вызывать двоих из ларца!

– О боже, Мария, ты просто зверь! – закатил глаза мужчина, хотя идея ему явно понравилась. Хитро улыбаясь, спросил: – Может, обойдемся банальным погромом?

Нельзя так издеваться над людьми! Я Женевскую конвенцию читал...

- Они им тоже почитают, - терпеливо заверила его я. - На ночь. Вслух и с выражением.

- Лучше сразу приберей гадов, - посоветовал Диего, передергивая широкими плечами. - Милосердие не чуждо даже тебе.

- Приятно слышать, - улыбнулась я. Нависла над бодигардом: - Звони!

Глава 3

Берегите мужчин! Это исчезающая разновидность человека.

Диего достал свой телефон и потыкал пальцем в кнопки, посылая эсэмэску.

– Готово, – недовольно пробурчал мужчина. – И все же я настаиваю...

– Ты че, своих не узнал? – раздалось за дверью мелодичное сопрано. – Глаза протри, жертва офисной удавки!

– Хулиганка! – парировал мужской голос. – А если я тебя привлеку за оскорбление словом?

– Давай лучше за оскорбление действием? – последовало встречное предложение. В нем такая надежда!

Дверь открылась, и в кабинет вошла девушка-готка. Среднего роста, чуть полноватая, что подчеркивали облегающий кожаный корсет и суперкороткая юбка. Высокие сапоги на головокружительных металлических шпильках бряцали цепочками в такт шагам.

– Всем полной луны! – поздоровалась гостья, поправляя шляпу с высокой тульей. Густая черная вуаль прикрывала намарафеченное до состояния штукатурки миловидное округлое девичье личико. Готка плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу, сверкнув сетчатыми колготками, сложила затянутые в длинные перчатки миниатюрные руки и уставилась на нас в ожидании. – Зачем ты звал меня, старик?

– Я звал тебя, коль не во гнев, чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку, – прошипел Диего, выбрав цитату из той же басни.

– Привет, Марика! – улыбнулась я. – А где Сапфира?

– Она вне стен обители сей светлой паркует к стенке вашего нахала, – пояснила Марика, приветственно кивая.

– О боже! – подорвалась Лёна. – Игорь! – Включила третью скорость и выскочила в коридор.

Меня замучило любопытство, и я последовала за ней, чтобы увидеть, как миниатюрная байкерша с ирокезом из светлых волос пришпиливает к стенке высокого парня.

– Сапфира! – заорала Лёна. – Не трогай офисное имущее... офисного мужжи... отпусти практиканта!

– Почему? – отозвалась девушка, припирая тело к стене и придерживая тяжелым ботинком. – Ему нужна опора в жизни!

– Я сказала – отпусти! – бесновалась Лёна.

– Как хочешь, – пожала хрупкими плечиками под кожаной курткой Сапфира и отошла в сторону.

Практикант с глухим стуком познакомился с полом.

– Я предупреждала! – пропела байкерша, обводя нас карими глазами.

– И ты все еще хочешь их задействовать? – возмутился Диего, поднимая парня и усаживая в кресло. – Этих двух террористок нельзя отправлять в приличное общество!

– А там все неприличные, – утешила его я. Скомандовала: – Девочки, у нас новая задача! За мной!

В кабинете я подсунула неформалкам толстую папку с документами и дала время на ознакомление. Девчонки уткнули носики в материалы дела и читали, вполголоса переговариваясь между собой.

- Это две ходячие катастрофы! - никак не мог успокоиться Диего, подсев ко мне и тихо бухтя на ухо. - Ты помнишь, чем закончилось дело с их участием в последний раз?

- Выполнением задания? - подколола я его, параллельно размышляя о решении проблемы.

- А кто потом прятал последствия выполнения этого задания? - взбунтовался телохранитель.

- Лес рубят - щепки летят, - хмыкнула я, подавляя в себе желание запустить руки в его густую блестящую гриву.

- Тридцать две вековые ели, вывороченные с корнем, ты называешь щепками? - возмущился мужчина, раздувая ноздри. - Ты хоть знаешь, сколько мне пришлось приложить усилий, чтобы это прошло по документам как плановая вырубка леса?

- Девочки увлеклись, - пояснила я ему, сжимая ладони и отодвигаясь, чтобы не позволить себе лишнего. - Забыли, что они не в кегельбане.

- Ну да, ну да, - пробурчал Диего. Ядовито: - А у нас есть связи среди мелиораторов? Вдруг «девочки» забудут, что они в болоте, и захотят поиграть в водное поло?

- С этим все ясно, - отодвинула бумаги Марика. - Что требуется от нас?

- Вы должны туда попасть, - сказала я. - Собрать кой-какую информацию и немножко расшевелить осиное гнездо.

- Только не в таком разнузданном виде! - перебил меня Диего. - Таких оторв не возьмут туда даже балластом! Должно быть что-то хрупкое, невинное...

Подруги переглянулись, ухмыльнулись, и в помещении закрутилось два маленьких вихря.

Когда потоки воздуха улеглись, перед нами предстали две постройневшие девушки очень юного возраста.

Марика, одетая в розовое платье с кружевами, гольфы и лаковые туфельки, прижимала к груди плюшевого зайца. Каштановые волосы, забранные в два хвоста, украсились пышными бантами.

Сапфира нарядилась в голубой сарафанчик, белые носочки и теннисные туфли. Русые косы, закрученные баранками, юное лицо без грамма косметики. В руках девушка держала школьный ранец.

- Мечта педофила, - мрачно прокомментировал Диего и подпрыгнул на стуле, получив электрический разряд в сиденье.

- Симпатично, - кивнула я, показывая кулак Сапфире за использование стимулятора. - Но лучше бы постарше... чуть-чуть.

Подруги кивнули и снова закрутились в мини-торнадо.

Теперь нам выдали вариант постарше. Тонкие летние платья пастельных тонов облегли гармоничные девичьи тела. Босоножки на среднем каблуке подчеркивали идеальную стройность ног. Длинные распущенные волосы обрамляли юные свежие личики с невинными, широко распахнутыми глазами.

- Ну как? - пропела Сапфира, лукаво опуская длинные ресницы долу и покрываясь нежным персиковым румянцем.

- Прекрасно! - отреагировала Лёна. - Нам подходит!

Диего закашлялся.

Юристка выдала девушкам инструкцию:

- Значит, так, эфирные! Матом не ругаться, мужчин в углу не зажимать, напитки

из горла не хлестать и на спор зубами гвозди из досок не вытаскивать!

– Тетенька, – уставилась на юриста целомудренным взглядом Сапфира, – а кто в прошлый раз ставки поднимал? А потом на выигрыш проставлялся? Мы в стрип...

– Иногда нужно расслабляться, – молниеносно прервала ее спич Лёна. – Сейчас другие правила игры.

– Да, мамочка, – прошептала Марика. – Ты не напишешь нам шпаргалку, какие слова нельзя использовать? Чтобы мы ненароком не облажались...

Лёна, как всегда, не смолчала:

– Вам на латыни или на русском юридическом?..

Весь офис расхохотался. Девочки привяли.

– А теперь к делу, – прервала я разбор полетов. – Мне нужны записи разговоров и фотографии, потому что люди нынче пошли недоверчивые, так и норовят презумпцией невиновности в глаз потыкать.

– O tempora! O mores! – согласилась со мной Марика. – А можно еще вещественные доказательства принести? Если приставать начнут?

– De mortuis aut bene, aut nihil, – прошипел Диего, меняясь в лице.

– Ты о чем? – уставилась на него Сапфира. – Никто ничего отрывать не будет. Мы ж не садистки какие-нибудь. Пару раз ботинком по... ребрам – и все. А Марика вообще о другом говорила.

– Это о чем? – поинтересовалась я, вставая между телохранителем и подругами. Быстро сообразила: – Использованные средства защиты приносить не нужно. Нам не на отцовство тест делать.

– Жалко, – надулась Марика. – Ничто так не стимулирует мужчин, как перспектива краткосрочных вкладов с длительной выплатой алиментов.

– Ладно, – ткнула локтем в бок подругу Сапфира. – Хватит развлекаться, давай ближе к делу!

– Я больше предпочитаю ближе к телу, – потянулась Марика, соблазнительно выгибаясь перед Диего.

Тот попытался отстранить ее рукой, но Марика свободно просочилась сквозь преграду.

Это два неотъемлемых свойства эфира. Первое – слышать призыв электромагнитных полей на любом расстоянии, второе – не знать преград. Есть еще и третье, опять-таки связанное с исконными свойствами.

Все эфиры – воплощенные молнии. При желании шарашат электричеством так, что любой полицейский шокер нервно курит в сторонке. Могут игриво кольнуть, а могут вжарить силой нескольких десятков гигаватт. Потом от несчастного одни угольки да пепел останутся. Оружие почти как у огненных.

Одно хорошо – буквой закона им не дана сила карать. Не то, знаю я их безудержную легкомысленность, на Земле остались бы жить одни эфиры, а прочая жизнь в материальной оболочке раз и навсегда исчезла. Вымерла как класс.

– Диего, ты же не оставишь в беде несчастную неудовлетворенную девушку, – потерлась бедром о телохранителя Сапфира, которая подошла к нему с другой стороны.

Красавец-брюнет сочно выругался исключительно по-испански и пулей вылетел из кабинета.

– Использование ненормативной лексики запрещено! – крикнула ему вслед девушка. Потом повернулась к нам и скинула шутливую маску. Сверкнули построжевшие карие глаза. – А теперь к делу! Кто такой Рошан?

- Никто не знает точно, - призналась Лёна. - Но дела там творятся очень странные. В-первых, он до сих пор не оказался в поле зрения правоохранительных органов, несмотря на то что девушки постоянно пропадают...

- Глаукома, - кивнула Сапфира, выразительным жестом потирая большой палец и указательный. - Извини, перебила.

- Во-вторых, - пронзила недовольным взглядом девушку шатенка, - около его хутора ощущается сильное энергетическое поле. Хотя к этому нет никаких предпосылок.

- Жертвоприношения? - предположила я.

- Если только сексуальные, - задумалась Лёна. - Нет тяжелого фона смерти.

- Понятно, - приняли мы к сведению. - Дальше.

- В-третьих, Рошан имеет возможность скрывать свое присутствие - внезапно появляться в нужных местах и так же непредсказуемо исчезать, - продолжила шатенка. Предостерегла: - Все его конкуренты в бизнесе были найдены мертвыми в запертых помещениях, и камеры слежения ничего не зафиксировали, кроме едва уловимого глазом движения...

- О-о-о, как интересно, - пробормотала я, нервным жестом автоматически поглаживая левую бровь. - А есть запись?

- Нет, - покачала головой Лёна. - Но у меня есть кое-что другое. - И девушка протянула нам нечеткий снимок мужчины восточной внешности, на смуглой коже которого проступали едва видные синие татуировки.

- Ифрит, - прошептала Сапфира, водя пальчиком по линиям татуировок. - Там должен быть огонь все время. Какие-то открытые источники.

- В доме много каминов, - заглянула в свои записи Лёна. - Которые топят даже летом.

- Еще там должно присутствовать дополнительно большое искажение магнитных полей, - сообщила Сапфира. - Эти твари состоят в основном из металла.

- Рядом с болотом официально разрабатывается месторождение железной руды, - заглянула в компьютер Лёна.

- А неофициально? - сложила я пальцы домиком и уперлась сверху подбородком.

- Неофициально там вырыли шурф и построили временки для рабочих, которые обжигаются головорезами в защитных костюмах, - развернула к нам экран ноутбука шатенка.

- Любопытно, - признала я. Присвистнула: - Такого в моей практике еще не было.

- В нашей - тоже, - плотоядно оскалились подружки. Обе показали отросшие когти. - И мы в предвкушении встречи!

- Тогда встали и пошли на вербовочный пункт, - озвучила я приказ начальства. - После того как вас охмурят, снимете лапшу и принесете отчет. Ясно?

Губы эфирных тронула опасная улыбка. Ой, чую, наплачусь я с ними!

- Лапшу взвешивать? - невинно поинтересовалась Марика. - Или оптом сдавать?

- Марш отсюда! - фыркнула я. - У меня своих макарон девать некуда!

Девушки встали и, плавно покачивая бедрами, отправились на выход.

- Стоп! - остановила подруг Лёна. - Можно я взгляну на ваши паспорта?

Девушки синхронно залезли в сумочки и протянули юристке книжечки.

Лёна взяла, пролистала и обвиняющим взглядом уставилась на Марику.

- Значит, Марика Франкенштейн? – прошипела сердитая шатенка.

- А что? – невинно моргнула глазками девушка. – Хорошая еврейская фамилия. Или вы расисты?

- Поменять! – приказала Лёна. – Ничего известного и привлекающего дополнительное внимание! Возьми фамилию – Сидорова!

- Марика Коза Ностра звучит гордо! – поддела подругу Сапфира.

- А ты, – перевела на нее обличающий взгляд Лёна, пролистывая странички паспорта до графы семейного положения. – Как ты объяснишь наличие двенадцати штампов о браке в девятнадцать лет, с пометкой «Выбыл по причине смерти»? Чумой? Сибирской язвой?

- Ой, извини, – смутилась Сапфира. – Не тот документ случайно дала. Этот хорошо помогает при знакомстве.

- Аферистки! – сделала вывод юристка. – Обзавестись новыми ксивами и вести себя как примерные девочки из хорошей семьи! Понятно?

- Да! – гаркнули в унисон подруги и вылетели в коридор с криком: – Тетенька разрешила нам курить травку, глотать ЛСД, пить абсент и глушить виски!

- Молодежь, – пожала я плечами, доставая телефон и перелистывая записную книжку.

- Хулиганки! – улыбнулась офис-менеджер. – Кому хочешь звонить? – полюбопытствовала Лёна, доставая из спрятанного под столешницей холодильника бутылку перье. – Объекту?

- Не-а, – широко улыбнулась я. – Будем вызывать тяжелую артиллерию! – И нажала на вызов.

- Только через мой труп! – рванула ко мне подруга, пытаясь отобрать мобильник.

Поздно! Я отпрыгнула в сторону и нежно пропела в трубку:

- Привет, Солнце! Давно не виделись, Лана!

Раздавшийся от дверей стон прозвучал аккомпанементом к разбитой об стену бутылке минералки.

Глава 4

Из двух зол выбирают меньшее. А большим порадуй ближнего!

Диего налетел на меня коршуном, схватил за плечи и повторил попытку совершить самоубийство и лишить меня средств коммуникации, пока я разговариваю с Ланой, прозванной Солнцем не за широту души (это само собой!), а за любовь к масштабной деятельности.

Пришлось мне удерживать телохранителя на расстоянии вытянутого стула, чтобы закончить важную беседу.

- Мне хотелось бы увидеться, – пропела я в телефон.

- Только не в моем офисе! – взвизгнула с тоской эмоционально вздрюченная Лёна.

- Прекрати немедленно! – орал Диего, отламывая ножки у офисной мебели.

Второй психопат выискался. А еще они мне говорят, что я маньячка. Это я-то? Да мне до них далеко, как до созвездия Кассиопеи!

- У тебя? – бойко переспросила я, понимая, что долго против них двоих не продержусь. – На даче? А где у тебя новая дача? Ага...

- Прикопай ее там же, на месте, – посоветовала шатенка, показывая на меня холеным пальцем разъяренному телохранителю. – Будет меньше проблем.

- Мария! – выдернул у меня остаток стула Диего. – Хватит с меня уже твоих выкрутасов!

- Буду, – сообщила я собеседнице и отключилась. Подошла вплотную к мужчине, задрала голову и уверенно заявила, глядя в невероятные аквамариновые глаза: – Выкрутасы у твоих однодневок в постели, а здесь трезвый расчет и разум.

- У кого разум? – постучала пальцем по лбу Лёна. – У тебя? Ты его потеряла по дороге! Может, пойдешь поищешь? Вдруг никому не понадобился?

- Завидуешь? – раздул ноздри телохранитель, меряясь со мной взглядом. – Хочешь на себе испытать?

- Я в очередях принципиально не стою, – спокойно отбрила я. – А помощь Ланы для нейтрализации ифрита нам очень даже понадобится!

- Зачем? – не сообразила Лёна.

- А как ты собралась его убивать, если ифритов практически невозможно уничтожить? Или у тебя есть печать Соломона для закупорки сосуда?

- Откуда взялся ифрит? – встревожился Диего.

О! Дошло! Надо же!

- Пока ты воображал себя клапаном и спускал пар, мы выяснили, что Рошан – ифрит, – любезно просветила я охранника.

- Мы окончательно влипли, – плюхнулась в свое кресло Лёна. Уставилась на меня жалобными глазами Кота из «Шрека». – Ты хоть в курсе, что тебе нельзя находиться рядом с Ланой?

- В курсе, – кивнула я. – И что? Я похожа на самоубийцу?

- А то, что она может только каплей своей энергетики уничтожить тебя или толкнуть за грань, ты тоже в курсе? – тихо спросил мужчина. – Общение с ней для тебя губительно!

- И откуда только у телохранителя-человека такие обширные знания? – прищурилась я. – Никак у тебя в постели побывала целая говорящая библиотека!

- Книгохранилище, - тряхнул кудрями Диего и резко отвернулся.

- Нет, я понимаю твои мотивы, - завелась подруга. - Но, может, все же лучше и разумнее отказаться?

- Сама позвонишь? - повернулась я к ней. - Или будешь смотреть, как меня испепеляют? С огнетушителем наготове?

- Мария... - начал что-то говорить Диего, когда зазвонил мой телефон. На этот раз аппарат выдал: «Куда ты, тропинка, меня привела!»

Я кинула взгляд на дисплей, криво ухмыльнулась и ответила:

- Алло, я слушаю! - Прощебетала, взглядом призывая парочку заткнуться: - Кто это? Ах, Вольдемар!

Диего закатил глаза. Лёна скривилась, словно ей доставили несвежее суши.

- Как приятно, что вы позвонили, - кудахта я, хотя отлично помнила, что номер я ему не давала. И на все сто процентов была уверена, что этот хлыщ уже в курсе даже размера моего бюста. Справки в его организации наводились быстро.

- Вечером встретиться?.. - Я показала жестами, чтобы мне налили холодненькой водички. - А сейчас? Еще две клиентки? Да-да, понимаю... бизнес прежде всего...

На заднем фоне слышался звонкий голосок Сапфиры:

- Можно в манекенщицы записаться? Подумаешь, роста не хватает! Я энтузиазмом дополню! Ну пожалуйста!

Трудно отрешиться, когда рядом происходят подобные дебаты, но пришлось постараться.

- Конечно-конечно, - журчала я сиропным потоком, чувствуя, как склеиваются зубы от приторной лести. - Вечером. В ресторане? Где находится? Ой, какая прелесть! В восемь? С нетерпением жду нашей встречи!

Я бросила телефон и прохрипела:

- Воды! Пока меня от этой слащавости не стошнило!

Мне сунули стакан с минералкой. Я выдула ее залпом и сообщила окружающим:

- Итак, план такой. Сейчас мы с Диего едем к Лане, затем домой - я переоденусь и покормлю Дарси, а потом в ресторан «Взоры одалиски». Надеюсь, там все же кормят, а не просто пьются на меня за мои же деньги!

- Когда появишься? - заботливо спросила Лёна, словно жена-наседка. Так! Это меня начинает настораживать! Неужели все настолько плохо?

- Я позвоню, - схватила я сумочку и направилась к выходу. Бросила через плечо: - Ты каждый раз сообщаем мне, что общение с моей персоной - это как затыкание мягким местом вулкана. Так вот, лава уже на подходе. Советую приобрести огнеупорные штаны!

- И я тебя люблю! - крикнула мне вслед подруга.

- Куда мы едем? - деловито спросил Диего по дороге к машине.

- Ты не поверишь, - ухмыльнулась я. - В сад!

- С тобой я поверю даже в Супермена, - невозмутимо заверил меня телохранитель, трогаясь с места после того, как я подробно объяснила ему наш маршрут.

- Мужик в красных трусах не такое уж редкое явление, - заметила я.

- Тогда в Спайдермена, - поменял имя Диего.

- Вы все плетете свою паутину, в которую влипают бедные незащитные женщины, -

сообщила ему я, копаясь в сумке.

- Что по поводу Халка? - заинтересовался телохранитель.

- В каждом из вас живет монстр, которого вы постоянно выдаете за пушистого зайчика, хотя он зеленый и громадный, - поведала я свою теорию.

- Я понял, - кивнул Диего. - Монстров в мире нет, их место заняли мужчины!

- Как-то так, - согласилась с ним я, отворачиваясь к окну.

Замелькали городские улицы, на которых кипела жизнь. Бегали за мороженым стайки ребятишек. Спешили за покупками одетые в легкие платья женщины. Твердым шагом утюжили тротуары сосредоточенные на мировых проблемах мужчины в светлых брюках и рубашках с короткими рукавами.

- Тоскуешь по нормальной жизни? - неожиданно спросил Диего, кидая взгляд в зеркало заднего вида.

- Что именно можно считать «нормальной жизнью»? - оторвалась я от окна.

- Ты могла бы выйти замуж, иметь детей, - пояснил телохранитель, сворачивая на загородное шоссе.

- Не могла, - вздохнула я. - Моя нормальная, как ты говоришь, жизнь закончилась не начавшись. И давай не будем об этом...

Потому что в моей душе поднималось что-то темное и страшное, раскидывая щупальца и грозя выйти наружу и спалить все дотла. Все, до чего я могла бы дотянуться. А дотянуться я могла до многого. Прожитые годы и полученный опыт питали мои силы, подкрепленные волевым характером.

Впереди показались заброшенные сады, когда-то принадлежавшие одному из многих стигнувших в эпоху перестройки совхозу.

Одичавшие плодовые деревья, заросшая сорной травой земля, гниющие мусорные кучи по обочинам дороги. И запах... Запах запустения, разрухи и безнадежности.

- Останови здесь, - попросила я Диего, когда мы проезжали мимо яблоневого сада.

Я скинула босоножки и вышла из машины, ступая по серой пыли. Впитывая ступнями тепло земли. Слушая ее стон и обиду.

- Мне туда, - кивнула я на сад. - Оставайся здесь. Я должна прийти одна.

- Это опасно! - вскинулся мужчина. - Мне следует прикрывать тебя...

- Не сейчас, - мягко остановила его я. - Здесь мне ничего не грозит. Если мне будет необходима твоя помощь, то ты узнаешь.

- И все же... - не сдавался Диего.

- Лана не любит людей, - еще мягче сказала я. - Они разрушают ее силы. Поэтому останься здесь.

- Хорошо, - смирился мужчина и прислонился к нагретому летним солнцем боку «мерса». - Я буду ждать.

Я улыбнулась ему и пошла в глубь одичавшего сада, осторожно ступая по колючей траве. С каждым сделанным шагом трава становилась мягче и ласковей. Деревья выпрямлялись и покрывались яркой зеленой листвой. Полевые цветы ластились к босым ступням.

Здесь начиналось царство Солнца.

Я раздвинула склонившиеся до земли ветки, и предо мной возник небольшой сельский домик из сосновых досок, обнесенный чуть потемневшим от времени и погоды

штaketником.

Около цветущих помидоров стояла, что-то внимательно разглядывая, среднего роста женщина с пропорциональной фигурой, запакованная в рабочий комбинезон цвета хаки.

– Я вам вчера что велела? – Лана уперла руки в боки, не сводя глаз с посадок. – А вы что? Не хотите по-хорошему?

Вокруг земляной закружились вихри энергии. Женщина поймала их, сплела энергетическую веревку и запустила в посадки с приказом:

– А ну стоять прямо! Я сказала!

Выпрямились не только помидоры. Честно-честно! Я своими глазами увидела, как задрала вверх алые ягоды клубника, приподнялись ветки плодоносных деревьев. Даже тыква попыталась встать во фронт.

– Тебе отбой, – милостиво пожалела несчастное растение Лана.

– Тебе бы армию, – засмеялась я, выходя из укрытия. – Здравствуй и процветай, Солнце!

– И тебе огня и жара, Мария, – кивнула женщина, откидывая с лица прядь волос цвета чернозема. – Зачем мне армия, тут бы со своими сорванцами управиться!

Лана была высшей, рожденной с даром, а не обращенной, поэтому могла иметь своих детей. Я никогда не встречалась с ее мужем, личность последнего не афишировалась. Но двоих мальчишек-подростков я один раз видела.

Шустрые пацанята. Все в маму. В тот раз я наблюдала за экспериментом пробуждающихся земляных сил в ребятах, когда те пытались заставить вишню саму избавляться от косточек. Интересно получилось.

Зрелище дерева, обстреливающего косточками босоногих пацанят, подарило мне хорошее настроение надолго.

– Что привело тебя ко мне, огненный страж? – спросила Лана, приглашая на открытую веранду.

– Мне нужен твой совет, а возможно, и помощь, хранительница земли, – присела я в плетеное кресло.

– Рассказывай, – кивнула женщина, придвигая ко мне корзинку с фруктами.

По мере моего рассказа зеленые глаза Ланы меняли цвет от изумрудного до серо-зеленого, а потом и до черного, показывая чувства собеседницы.

– В общем-то все, – закончила я. – Что скажешь?

Вскоре меня стала бить крупная дрожь. Затемненная терраса и присутствие силы, превосходящей мою силу и разнонаправленной с ней, сделали свое дело. Я начала слабеть.

Лана сходила в дом и принесла зажженную свечу, которую сунула мне в руки. Хозяйка земли в раздумье уселась на свое место. К ней на радостях тут же набежали какие-то вьющиеся побеги, летние тапочки были оплетены шаловливыми усиками вьюнка и винограда. Лана шикнула на них по-доброму и опять задумалась. Наморщила лоб, покусала нижнюю губу и сказала:

– Я помогу.

– Что ты хочешь за это? – Я грела руки в пламени свечи и успокаивалась. Этикет общения между сущностями требовал назначить цену за помощь.

Мы все делали одно дело, но по-разному. У каждой сущности свое предназначение. Эфирные разведчики добывают сведения и сообщают о нарушениях. Иногда работают на подхвате у остальных, потому что практически невозможно уязвить существо, сделанное из эфира. Воздушные собирают информацию и следят за исполнением

приговора. Земляные судят и выносят окончательный приговор. Огненные приводят его в исполнение... Мы, и только мы, огненные, наделены нашим сообществом неотъемлемым и страшным правом – мы работаем палачами, ведь огонь очищает.

Есть еще одна сила – водные, но они встречаются крайне редко, и они стихийные анархисты, так сказать, вольные гуляки. В нашу систему они практически никогда не привлекаются, потому что цена их услуг невероятно высока. Правильней сказать – непомерна. Тем более никто не знает заранее – согласится ли тебе помочь своенравный водный или помашет ручкой и исчезнет без следа, прихватив оплату (а они всегда берут ее только наперед!).

Самая большая проблема заключается в том, что мы все теряем силы в присутствии друг друга. Не настолько примитивно, конечно. У меня есть кое-какой иммунитет по отношению к эфиру, а воздухом я вообще, можно сказать, питаюсь. Но земля быстро высасывает силы огненных и способна даже убить. Так же как и вода.

Люди, которыми мы занимаемся, – не просто люди. Они всегда – всегда! – обладают некими необычными способностями. Когда я говорю «необычными» – имеются в виду сверхспособности, экстрасенсорные, сенситивные, или как вам угодно это еще называть. И это доказано опытом.

Не может, ну просто не может маньяк на облате после удушения, пойманный с веревкой, мылом и молотком в пустом портфеле, спокойно выкрутиться, если не обладает толикой внушения! Как иначе сделать, чтобы у опытных, матерых милиционеров не возникло даже тени сомнений и они его отпустили домой, как? Не настолько уж тот маньяк был и хитер. И таких случаев множество. Способности к внушению, эмпатия, телепатия, создание иллюзий, телекинез, талант к частичному управлению стихиями – вот неполный перечень свойств, не позволяющих обычным органам правопорядка легко разобраться с некоторыми выдающимися преступниками.

Зато ими занимаемся мы. Такие, как я.

Почему огонь? Только после очищающего действия стихии пламени такие души могут возрождаться и следовать дальше по пути эволюции, не обремененные прежними грехами. И все же это тяжелая ноша – карать.

– Платы не возьму, – взмахнула изящной рукой Солнце. – Я тебе еще и останусь должна! Эта пакость погнит МОЮ землю.

– Спасибо, – поблагодарила я, не отрывая взгляда от огня.

– Пора уходить, – поднялась Лана. – Твои силы на исходе. Буду нужна – положи руку на землю и позови истинным именем. Я приду.

– Благодарю тебя еще раз, защитница земли, – склонила я голову, вставая. – Да пребудет с тобой сила и плодородие.

– Да хранит тебя жар, – ответила ритуальными словами Лана, провожая меня за калитку.

Покинув земляную, я выбрала открытое место и подставила лицо солнцу, впитывая в себя силу горячей звезды. Купаясь в лучах светила, восстанавливала утерянное равновесие.

Там меня и нашел взволнованный Диего, появившийся со словами:

– Ты опять полумертвая. Я же говорил!

Я повернула к нему лицо, поймала солнечный зайчик и улыбнулась.

– У нас есть поддержка от земли!

– Ну хоть что-то у нас есть, – проворчал телохранитель, подхватывая меня на руки. – Куда теперь, лучик?

– Домой, – зажмурилась я, прислоняясь к широкой груди. – Отнеси меня домой, Диего.

Глава 5

Мы странно встретились. Теперь бы не убить...

- Хочешь, скажу прописную истину? – бурчал Диего по дороге домой.

Мы снимали коттедж в пригороде. Вернее, снимала Лёна, а я пользовалась на халяву. Официально у меня была квартира в многоэтажке, которую я навещала время от времени, создавая эффект присутствия.

Неофициально – мы жили за городом. Здесь были столь необходимые мне камин и простор. А у Диего возможность таскать баб, минуя мою спальню.

- У меня одна голова, – прошептала я себе под нос.

- У тебя одна голова! – завелся телохранитель. – А ты съешь ее во все места! Большой частью – опасные и смертельные.

- Если так пойдет дальше, то я буду вынужден запереть тебя, – сообщила я себе, опережая речь своего бодигарда.

- Это недопустимо! – читал мне очередную нотацию Диего. – Если так дальше пойдет, то я буду вынужден тебя запереть! Чему ты улыбаешься?

- Ты такой милый, – призналась я.

- Не подлизывайся, – оттаял мужчина. – И я буду еще больше милым, если ты перестанешь собой рисковать и прекратишь терроризировать моих подружек.

- Не могу, – с сожалением выдала я. – Тогда я лишусь последних развлечений.

- Я к тебе привык, – вдруг признался Диего, вызвав у меня прилив тепла к сердцу. – И не хочу тебя терять из-за твоей же собственной глупости и беспечности.

- Да, мамочка. – Я потянулась и погладила его по плечу. – Обещаю пользоваться туалетной бумагой и не засовывать тебе под одеяло лягушек.

- Лучше пользуйся головой, – фыркнул телохранитель, заезжая в ворота. – Это гораздо важнее. – Порадовал: – А насчет тебя в своей постели... – Долгая пауза. – Я как раз ничего не имею против!

- Нахал! – возмутилась я, выскакивая из «мерса» и устремляясь к двери. – Помечтай, и я подарю тебе на день рождения пособие для правой руки.

Мы въехали в наше временное жилище. Захлопнулись автоматические ворота.

Вот уже пять лет мы снимаем огромную пустующую домину «нового русского», разорившегося незадолго до кризиса.

С точки зрения безопасности наш дом был не очень, как любил побухтеть наш броненосный дятел Диего: первый этаж – сплошные окна, кое-где переходящие в остекленные стены, второй в этом плане не лучше. С точки зрения охраны, наверное, действительно не идеальный вариант.

Сделан в псевдостаринном стиле, скопированном с особняков конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Стилизованные барочные колонны, поддерживающие снизу балкон, во внешней отделке сочетание красного кирпича с белой штукатуркой. Круглые окошки мансарды... Нормальному человеку приятно глянуть, телохранитель бурчит.

Зато жить в этом доме было замечательно!

В гостиной и каждой комнате, что для меня особенно ценно, – печь или камин! Мраморные полы и цветной наборной паркет в спальнях. Море зелени в горшках и кашпо. Светильники разных форм и размеров везде, где только можно и даже нельзя. Дорогая практичная мебель со стилизацией под старину; мягкие, пастельные тона обивки и обоев, венецианской штукатурки и кафельных изразцов. Просторные холлы

и шикарные санузлы. Бильярдная комната, домашний кинотеатр и спа.

И бассейн! Огромный беломраморный бассейн буквой V. То, на чем настаивал и от чего тащился Диего. Поскольку так уж вышло, что уровень моего проживания регламентировался высшими, то затребовать еще и бассейн в придачу – в сущности, такая малость!

Зато живем не тужим, и никто никому не мешает. Мало того, хочу сказать – при желании в этой обители роскоши мы с моим телохранителем могли бы вообще никогда не пересекаться. У его апартаментов даже выход наружу отдельный, так называемый черный ход.

– Гантели у меня уже есть, – засмеялся мужчина, давно привыкший к нашим постоянным перепалкам.

– Запасной набор никогда не помешает, – философски заметила я, открывая дверь.

– Мя-а-а-ау! – С возмущенным воплем мне под ноги бросился роскошный британец бежевого окраса и выпустил когти.

– Сейчас, Дарси, – погладила я кота по лобастой голове, нагибаясь.

– Мяф! – фыркнуло животное, уворачиваясь от ласки, и, демонстративно задрвав хвост, прошествовало на кухню.

– Маршрут известен, – засмеялась я, следуя за питомцем.

Дарси попал ко мне случайно. Просто год назад я открыла входную дверь, и в прихожую вкатилось это пушистое чудо. Уставившись на меня загадочными, по-человечески умными раскосыми глазами, кот уселся... и остался со мной.

Так мы и мотались по командировкам вдвоем из города в город, туда, где требовалось мое присутствие. А здесь у нас база.

На кухне я открыла банку тунца и вывалила содержимое в миску. Дарси милостиво потерся об мои ноги и вальяжно пошел утолять свои насущные потребности.

– Наши эфирные Мата Хари прислали тебе диск! – крикнул Диего из гостиной, где он разжигал камин для меня.

По условиям договора о найме Диего готовит еду, когда кухарка выходная, потому что я сжигаю напрочь все, что ставится на огонь. Но кофе завариваю сама. В кофеварке, по своему рецепту – с корицей и ванилью. Диего иногда себе варганит напиток по типу арабского – с перцем и кардамоном, но я такое не уважаю.

Добавив в чашку молоко и сахар, я отнесла обе чашки в гостиную и устроилась в низком кресле около камина, чуть ли не сунув ноги в огонь.

– Готова? – Мужчина получил мой утвердительный кивок и щелкнул пультом проектора.

На экране возникло объемное изображение шикарного офиса, увешанного глянцевыми, с дарственными надписями фотографиями счастливых моделей и манекенщиц.

Увидев их, я громко икнула и откровенно расхохоталась. Вряд ли Наташа Поли осчастливила своим присутствием сие убогое заведение!

Следующие кадры... За массивным столом восседал улыбчивый, лучащийся доброжелательностью Вольдемар. Напротив него на краешках стульев примостились Марика и Сапфира.

Для начала Вольдемар спел красивую песню о грядущих перспективах, потом выдал девушкам анкеты и сказал:

– Только отвечайте на все вопросы искренне, красавицы!

– Дидро сказал: «Искренность – мать правды и вывеска честного человека», – подняла на него наивные карие глаза Марика.

- Это тот, который Пушкина убил? - деловито поинтересовалась Сапфира, грызя кончик ручки белоснежными зубками.

Диего фыркнул в чашку:

- Это она меня сейчас убила...

- Нет, - сдвинула брови Марика. - Неуч! Это известный модельер, наклейки выпускает!

- ...наповал, - закончил телохранитель, промокая свои черные брюки от разлитого кофе.

Я откровенно ржала, рассматривая абсолютно искренние мордашки подружек.

Надо отдать должное Вольдемару - он сдержался. То ли сам не знал, то ли уже привык к блеску чужого интеллекта.

Пока девчонки исправно строчили в анкетных листочках, трудолюбиво отображая для фирмы свои немудреные данные, змий-искуситель принялся осторожно расспрашивать о возможных препятствиях на пути модели:

- А как к этому относятся ваши родители?

- Понятия не имею, - отозвалась Сапфира, не поднимая головы.

Эфирные не рождаются общепринятым способом, они возникают на месте сильных электрических аномалий.

- В смысле? Вы им не сказали? - опечалился Вольдемар.

- В смысле - мы с бабками, - печально воззрилась на него Марика.

- С деньгами? - выкатил «мудрости зеркала» рекрутер.

- Мы у двух бабок комнату снимаем, - разъяснила ему Сапфира. - А так мы - дети свободного полета. Родителей не имеем.

Интервьюер враз подобрался, его интерес перестал быть праздным, становясь хищным. Очевидно, что до этого момента наши девушки его особо не интересовали. Теперь все изменилось: он ловил каждое их слово, каждое движение. Зримо оценивал их природные достоинства и недостатки.

Еще бы! От них зависит, сколько пенёнзов, как называла одна моя знакомая полячка деньги, капнет ему в карман.

- Детдомовские? - с фальшивым сочувствием спросил Вольдемар, что-то помечая в документах.

- Ага, - кивнула Марика. - Выросли на «Семи ветрах», а сейчас сами по себе. Призвание вот ищем.

- Можно ваши документы посмотреть? - строго попросил блондин. - Вдруг вы несовершеннолетние?

- Что вы! Мы совершеннолетние! - возмутилась Марика, протягивая паспорт. - Сейчас лето? Лето! Значит, мы совершеннолетние! А зимой совершеннозимние!

- Какой тонкий юмор! - польстил ей Вольдемар, перелистывая странички. - И какое странное отчество - Корлеоновна.

Я закатила глаза - опять девчонки выпендрились!

- Зато фамилия исконно русская! - гордо сказала Марика Корлеоновна. - Мюллер!

Мы с Диего на пару опять поперхнулись. Не смеяться было просто невозможно.

- Да уж, - немедленно согласился рекрутер, рассматривая паспорт Сапфиры. - Сапфира Калмук...

– Калмухамбетовна, – любезно поправила его девушка. – Так нашего завхоза звали... в детдоме.

– Если я правильно помню... – сообщил мне Диего. – То Калекé, которого твоя протезе записала в завхозы, сильно бы на это обиделся. Чем он сейчас занимается?

– Заведует распределением наказаний, – услужливо напомнила я.

– Вот-вот, – буркнул телохранитель. – Завхоз!

Мы снова вернулись к просмотру.

– А где вы прописаны? – продолжал допрос Вольдемар. – Электробам. Прекрасно!

– Чего прекрасного? – нахмурилась Сапфира. – Ни одного модельного агентства на триста квадратных километров. Пришлось сюда ехать!

– Мы вам рады! – улыбнулся Вольдемар. – Заполнили? Умнички. Теперь вам нужно сфотографироваться в купальнике для портфолио и оставить свои контактные телефоны. Результат собеседования мы обязательно сообщим. Думаю, послезавтра.

На этом запись закончилась.

– Ключнул, – подвел черту Диего.

– Надеюсь, – сказала я, вставая и с хрустом разминаясь. – Извини, мне нужно собраться на встречу в ресторане.

– Хочешь, сделаю массаж? – искушал меня телохранитель, загадочно поблескивая аквамариновыми глазами.

Вот как раз массажа мне и не хватало! Да меня от одного твоего вида сразу трясет и в голове крутятся неприличные фантазии, какой массаж, Диего?!

– Не стоит, – с некоторым усилием отказалась я, с трудом отбрасывая от себя видение – его руки в масле, скользящие по моему телу. – Мне необходимо поразмыслить. – И сбежала к себе в комнату, пока не передумала.

Я на автомате оделась и накрутилась, подошла к большому зеркалу, сделала движение рукой – и невольно шархнула. Сама себя не узнала. Докатилась, называется.

Из зеркала на меня горделиво взирала стройная светская львица в серебристом комбинезоне и в босоножках на высоких каблуках. Блондинка с пшеничным оттенком густых локонов, собранных во французскую косу. Прямой нос с раздувающимися от нарастающего гнева тонкими ноздрями. В широко расставленных кошачьих золотистых глазах тлел опасный огонек, обещающий перерасти в пожар. Крупный рот капризно изогнулся.

Надменная посадка головы на длинной шее. Идеальная грудь, чуть приоткрытая серебристой тканью, оттеняющей солнечный оттенок кожи. Тонкая талия, переходящая в крутые бедра. И ноги... по признанию многих – бесконечные.

Я потрясла головой – нет, это не я!

Это неизвестное науке существо с пылающим огнем в глазах, перед которым сразу хочется пасть ниц, хоть я и не мужик. Огненная сотворенная, почти элементарь. Не я.

Да и самой собой любоваться... несколько странновато. Отражение потрясло головой вместе со мной.

Ладно, примем единство отражения с оригиналом за аксиому.

Только где та влюбленная наивная девочка, так доверчиво раскрывшая сердце? Где тот невинный в жизненных вопросах ребенок с доверчиво распахнутыми глазами, с радостью глядящими на окружающий мир? Где ты, маленькая?

Как же я скучаю по тебе, с тоской нося маску высокомерной стервы, идущей по головам.

Возвращайся...

На миг в зеркале мелькнуло юное личико Маши, тут же сменившееся роскошной личиной Марии.

Я еще раз тряхнула головой, прогоняя остатки ностальгии. Сначала – дело, потом – тело!

Застегнув на шее оригинальное кольцо из белого золота и вдев в уши подходящие по стилю серьги, я провела рукой по зеркалу, словно стирая остатки воспоминаний, и вышла из комнаты.

– Ты прекрасна! – сообщил мне Диего, пока я спускалась по лестнице. Телохранитель был, как всегда, в черном дорогом костюме, ладно сидящем на атлетической фигуре, и белоснежной, распахнутой у ворота рубашке. Готовая реклама таксидо от любой крутой фирмы! Он принципиально не признавал галстуков и никогда их не носил – только платки. Иногда...

– Ты тоже хорошо выглядишь, – равнодушно скользнула по нему взглядом.

– Ты снова ушла, – грустно сказал Диего, провожая меня к машине.

Я вскинула на него безразличные глаза и ответила:

– Я еще не приходила.

– Вижу, – после нескольких секунд молчания отозвался телохранитель и включил зажигание.

Глава 6

А в ресторане, а в ресторане стучат по морде всякой дряни...

Честно говоря, я была рада, что по дороге в ресторан позвонил Вольдемар и начал развлекать меня своей трескотней по телефону. Это избавило меня от очередного неприятного разговора с Диего. Я изредка ловила его хмурый, подозрительный взгляд в зеркало заднего вида и поспешно отводила взор.

Не люблю ездить в машине! Терпеть не могу! Ненавижу!

Потому что это единственное место, где мы так близко друг к другу. Где нельзя отодвинуться и уйти. Где постоянно кожей чувствуешь дыхание другого, реагируешь на каждый вздох, не имея возможности укрыться от взглядов.

Ненавижу!

– Да, Вольдемар! – щебетала я, мысленно обещая собеседнику показать героическую тропу Галилео Галилея. – Конечно, мы почти на месте. Да, встретить было бы замечательно...

– Гудрон в галстук! – рявкнул Диего, когда я закончила разговор.

Я промолчала, не желая ввязываться в новую перепалку.

– «В душе моей саднит пока твое пустующее место», – процитировал мне мужчина Веронику Долину.

– Возьми сто граммов коньяка, кондом и слезь с высокого насеста! – ехидно посоветовала я ему, отворачиваясь.

Машина плавно притормозила у входа во «Взоры одалиски», где маялся с сигаретой в зубах принаряженный Вольдемар.

Диего шустро выскочил и распахнул дверцу. Вольдемар восторженно и кинулся навстречу. Пока он бежал, я устроила шоу.

Из глубины салона показалась бесконечная стройная нога в серебристой босоножке. Медленно, очень медленно, практически по сантиметру открывая колено, потом выше... Комбинезон с брюками-разлетаками и боковым разрезом до бедра отработывал себя на все сто!

Все особи мужского пола, стоявшие в зоне доступа эротического обстрела, забыли о рыбалке, машинах, деньгах и вспомнили об охоте. Проснулся древний инстинкт. У кого он вообще был. Остальные подтянулись как болельщики.

– Мария! – добрался до меня миглом вспотевший Вольдемар, спотыкаясь об отвисшую губу. – Снова видеть вас – это подарок для глаз!

Я по-кошачьи потянулась всем телом, благосклонно принимая похвалу и поощряя новые дифирамбы.

– Брось его! – шепнул мне телохранитель. – Каждый день подарки дарить накладно! Привыкнет еще, избалуется.

– Это работа! – шепнула я в ответ.

– Тогда давай ему глаза выколем, – кровожадно предложил Диего. – На подарках сэкономим и...

– Вы так элегантны! – пропела я в ответ, милостиво принимая протянутую липкую, потную руку и вылезая в полном формате.

Народ зашевелился. И не только ногами.

– Позвольте проводить вас за столик. – Вольдемар обслуживал мне кончики пальцев

и предложил согнутый локоть.

Я медленно и плавно приняла предложение. Зрители примерили его роль на себя и дружно возмутились.

– Мужик, не надорвись! – раздалось из толпы. – Тебя на такую женщину не хватит!

– Давай замену, женщине нормальный мужчина нужен, а не это фуфло! – Это из компании помоложе.

– Умный совет, – хмыкнул телохранитель, показывая большой палец оратору.

Я сверкнула глазами в сторону особо разговорчивых, не то обрывая, не то, наоборот, провоцируя на новые высказывания.

Пока остряки собирали мысли, пришлось прикинуться глухой и следовать дальше.

– Я как постоянный клиент этого прекрасного ресторана, – очаровывал меня своими связями потасканный блондин. От его голодных глаз мне уже стало заранее тошно, – получаю зарезервированный столик в лучшем месте.

– На большее он еще не наработал, – шепотом подвел итог Диего. Вот ехидна!

– Ваш охранник постоянно говорит что-то, – поморщился Вольдемар, недовольный, что его соло прерывают.

– Это он по рации связывается с базой, – оглянулась я на телохранителя, сделав «страшные глаза».

– И далеко ваша база? – тут же проявил любопытство Вольдемар.

– Неблизко, – улыбнулась я. – Иногда зоны покрытия не хватает.

Мы вошли внутрь.

Внутри заведения под кричащей вывеской «Взоры одалиски» мне, как ни странно, очень понравилось. Декораторы удачно обыграли псевдовосточный колорит. Во-первых, бар был сделан отдельной зоной, изобретательно подсвеченной неоновыми синим и зеленым. С подвешенными вверху в качестве декора курительными трубками и кальянами всех видов и размеров. Переднюю панель бара украсили подсвеченные мозаики-витражи с восточными мотивами.

Другая часть ресторана, отделенная от первой арочными стенами из грубого кирпича с вкраплениями подсвеченных витрин и все теми же светящимися витражами, была алой с добавлением желтого и оранжевого. Прямо королева Амидала из «Звездных войн» в наряде служанки!

Скатерти, салфетки... даже газовые занавеси, уютно (если вы страстный любитель огненно-алого в интерьере) развешенные над каждым столом, декор решетчатых арок – все красно-желто-оранжевое! Все!

Как по мне – в самый раз. Обожаю огонь во всех проявлениях. Здесь я вообще как дома, просто купаюсь в огненных цветах и желто-горячих оттенках. Для нормального же человека такой цвет – повод надраться и подраться. Что вскоре и подтвердилось.

Не успели мы сесть за столик, как рядом нарисовался громила в распахнутой до пупа гавайке яркой расцветки и с золотой колодезной цепью на шее, русоволосый и шкафоподобный.

– Не желает ли дама посетить наш столик? – выдал он, облокотившись на столешницу громадными ручищами и дохнув на меня перегаром. – У нас у друга юбилей. Как говорится, чем богаты...

– Эта дама со мной! – вскочил Вольдемар, грозно нахмурившись.

Ну куда, куда тебе, петух ошипанный и облезлый, с такими шкафами соревноваться? Куда тебе супить бровки? Ты же в пупок ему дышишь!

Я лишь хлопала ресницами и нейтрально улыбалась.

– Это ты с ней, – философски заметил амбал и потер небритый подбородок, в котором сегодня явно потерялось несколько бритв. – Вместо дамской сумочки.

А он мне нравится! Этаким типичный русский парень – косая сажень в плечах. И глаза неглупые. Принцип «гулять так гулять!» – прописанный крупным буквами на лице. Эх, ему бы кольчугу, меч и коня – и можно смело рисовать былинного богатыря. Впрочем, я на задании – а значит, сегодня не его день. А то не посмотрела бы на гавайку и утащила к себе недельки на две. Вот сколько можно гадскому испанцу меня голым торсом доставать? Я, может, тоже женщина, и ничто человеческое мне не чуждо! Ну да, ну да... Надежда умирает последней... Брехня! Сначала она душит надеющегося!

– Уйдите прочь! – набычился блондин, сжимая кулаки.

– Чего ты мне эти теннисные мячики показываешь? – удивился громила и для сравнения сжал свою ладонь. Кулак получился размером с детскую голову. – Во! Видишь, куда расти надо?

– У меня выросло в другом месте! – сорвался на визг Вольдемар. – И это не видно!

– Ни фиги себе! – Амбал попытался поднять в удивлении брови. Не получилось. Места на лбу не хватило. – Пардон за мой французский. Может, тогда в сортир ходим – покажешь? Антиресно же!

– Я говорил об интеллекте! – чуть ли не орал Вольдемар, начиная наливать багровым румянцем.

– А-а-а, – дошло до противника. – Ты им такую красотку шпилить будешь? – Он широко раскрыл васильковые очи. – Всю ночь ей «Анну Каренину» Тургенева читать? Нет, дай угадаю... Шекспира! «To be or not to be...»

– Пошляк! – взорвался Вольдемар. Боевые хомячки – страшные животные!

Нет, я так не играю! По-моему, моего клиента сейчас хватит удар и я не получу никакого морального удовольствия.

– Молодой человек, – вскинула я на громилу умоляющие глаза, – вы не могли бы дать мне хотя бы поужинать? – И произвела мысленное внушение, подкрепляя устную просьбу ментальным приказом.

– Извиняюсь, – смутился амбал. Пояснил, указывая на свой столик: – Меня вообще-то Алексеем зовут. Мы с ребятами вон там сидим. Если что, приходите, не обидим.

– Я подумаю, – нежно улыбнулась я новому поклоннику. – Такой могучий мужчина просто не может себе позволить быть грубым. Не так ли?

– Ну я пошел? – замялся Алексей, переступая с ноги на ногу.

– Идите, – с царственным видом кивнула я. Серебристый комбинезон придавал мне прямо-таки мистическую уверенность в женском очаровании.

Вольдемар возмущенно плюхнулся напротив пожатканным плейбоем.

– Так что вы хотели мне сказать? – расцвела я всем организмом.

Правильно, при мысли о том, что я с этим гадом сделаю, у меня цветут розы на ланитах и вообще... радость на душе невероятная.

– Нет, ну каков нахал! – никак не мог успокоиться собеседник.

Ты бы еще закудахтал, ой, закукарекал, родимый! Кукареку! Родной клич для соседнего курятника. Сразу все цыпочки небось на призыв сбегаются – ноль мозгов и море обожания. Вот только ты забыл: я не курица, я львица! А к петуху у львицы может быть только один интерес – гастрономический!

Пришлось взять его за руку и пропеть, умильно глядя на жертву:

- Не расстраивайтесь. Эта гора мышц не стоит вашего внимания!

- Что будете заказывать? - чертиком возник официант рядом и утонул глазами в моем декольте.

Глазки свои, милый, приberi, а то Диего выколет!

Испанец, как всегда, занял столик неподалеку и корчил мне страшные рожи, показывая кулак из-под стола. Я упорно старалась на него не смотреть, чтобы не заржать и не испортить всю игру.

- Вы что будете? - осведомился Вольдемар, открывая меню.

- Оставляю на ваше усмотрение, - в очередной раз поморгала я ресницами, как веерами, и обмахнулась салфеткой, прикрывая вырез.

Официант срочно вернулся в реальный мир и приготовился записывать, преданно поедая меня глазами.

Пока Вольдемар диктовал заказ, кидая на меня многозначительные взгляды, я незаметно, исподтишка разглядывала зал и публику в нем.

Та-а-ак... А вот это перспективный экземпляр...

Я чуть крутнулась на стуле и демонстративно положила ногу на ногу. Потянулась, поправляя волосы. Через пару минут проделала то же самое в другом направлении.

Сидевший неподалеку в смешанной компании лохотный мужчина лет сорока с гаком уставился на мои длинные стройные конечности с видом оголодавшего хищника.

Я оценила его безмолвный комплимент романтически «невидящим» пространным взглядом в его сторону и сложенными сердечком губами.

- Мария, - отпустил Вольдемар официанта, поворачиваясь ко мне, - приношу свои извинения за столь неприятную сцену!

Сверкнув улыбкой и одновременно посылая заинтересованный взгляд на соседний столик, я повернулась к блондину:

- Давайте поговорим о чем-то другом...

- Прошу прощения, - раздалось рядом.

Вольдемар подпрыгнул и начал багроветь. Около нашего столика нарисовался выбранный мной объект с бутылкой дорогого французского шампанского.

- Это вам, - поставил передо мной бутылку новый соискатель, улыбаясь и наглядно демонстрируя тяжкий труд хорошего дантиста. - Олег.

- Мария, - подала я руку, позволив себе чуть зардеться стыдливым румянцем. - Спасибо за шикарный подарок.

- Это уже переходит всяческие границы! - прошипел Вольдемар, привставая. Тут у него зазвонил телефон. Мужчина вытащил трубку, посмотрел на номер, скривился, но ответил: - Да, дорогая.

Я сузила глаза и начала еще активнее кокетничать с Олегом, все еще держащим мою ладонь:

- Какой у вас великолепный вкус! Мне еще не доводилось дегустировать эту марку.

- Не хотите ли сделать это вместе? - с надеждой воззрился на меня Олег.

Вообще-то мужчина был хорош. Стройный, подтянутый, ухоженный. Стильная стрижка, дорогие часы. Светлый костюм из льна, мокасины известного модельера. На темных волосах только-только начала пробиваться первая седина. Думается, местный бизнесмен не из последних. И обручальное кольцо... Олег, ты попал! Начинаю составлять

головоломку.

- Нет, я буду поздно! – шипел в телефон Вольдемар, видимо боясь отойти от столика, чтобы меня не увели. Типа, спасибо этому дому, а трахаться пойдём к другому!

- Ну... – засомневалась я, сверкая глазами. – Я все же сейчас не одна... – С томным придыханием: – Но потом, возможно...

- Я оставлю вам свою визитку, – гипнотизировал меня серыми глазами Олег, мысленно раздевая до нижнего белья. – Если вы передумаете...

- Нет! – рыкнул в телефон Вольдемар. – Я не буду ужинать! У меня совещание!

Ах, так! Совещание, говоришь? И кого ты будешь «совещать»?! Меня, что ли?

Я гибким движением вальяжной кошки встала и с огоньком в глазах предложила Олегу:

- Потанцуем? А то мой спутник та-ак занят...

- Конечно! С радостью развлеку заскучавшую даму! – обрадовался ухажер. Судя по его взгляду, бастион нижнего белья был уже взят!

- Эй, мужик! – К нашей теплой компании присоединился Алексей. – Ты чего тут забыл? Я – первый!

- У меня совещание! – заорал Вольдемар и отключился. Блондин так занервничал, что резко отодвинул стул и задел подходящего к нам официанта. За что и получил подносом по голове. – Черт!

- Ты чего, мать твою, при даме ругаешься? – озверел Алексей, принимая позу озабоченной гориллы. – Совсем, козел, страх потерял?

- Ах, как мило! – растрогалась я. – За меня так еще не заступались!

- Простите, – залепетал официант, выравнивая равновесие и удерживая поднос.

- Вы уверены, что вам здесь место? – нахмурился Олег, делая знак рукой. Невдалеке нарисовалась парочка дюжих телохранителей.

- Гы-гы, – осклабился Алексей и крикнул: – Ребятки!

С широкими довольными улыбками из ниши выползли, играя мускулами, четверо бабуинов в гавайках. Одежда в районе груди и на руках просто трещала от напрягшихся в готовности мышц.

- Ой, какие мальчики! – восторженно проорчала я, прижимая ладошки к горящим щекам. Поддала жару в начинающуюся потасовку: – Но, по-моему, их слишком много!

- Разрешите? – ловко вклинился между мужчинами официант и начал деловито расставлять тарелки с заказом.

Умный парень. И находчивый. А то посетители сейчас подерутся, и кто тогда чаевые платить будет, если заказ не доставлен?

- С этой дамой пришел я! – возбужнулся Вольдемар, по-идиотски выпячивая грудь.

Я чуть от смеха под стол не укатилась, вовремя прикрыла рот в мнимом испуге.

- Спасибо тебе за это, братан! Огромное человеческое, – хлопнул его по плечу лапищей Алексей. Закруглил свою пламенную речугу: – Вопрос еще – кто с ней уйдет...

- А что, есть варианты? – подлила я масла в огонь. Двигаясь всем телом, как змея в траве: – Вы все такие мужественные...

- Оставьте нас в покое! – потребовал Вольдемар. – Мы ужинаем!

- Кто ж тебе не дает? – удивился громила, потирая друг о друга кулаки и с хрустом

разминая шею. – Ешь на здоровье! – И вывалил на колени блондина тарелку с салатом.

– Хам! – заорал блондин и схватил амбала за грудки.

– Может быть, вам стоит пересесть за другой столик? – наклонился ко мне Олег, невербально показывая, что столик должен быть как минимум двуспальный.

– Вы думаете? – озадачилась я, с ошеломлением разглядывая сцепившихся мужчин.

– Олегунчик! – В зал вплыла высокая брюнетка с силиконовым бюстом, в обтягивающем фигуру красном платье. – Ты где, зайчик?

– Гы-гы! – заржал Алексей, удерживая Вольдемара на вытянутой руке и поливая соусом. – Иди покажи ей свою морковку!

– Какой пассаж! – опечалилась я, придвигаясь. – Меня все обманывают! Как несправедлива жизнь... – И приготовилась плакать, причем для носового платка я планировала использовать пиджак Олега. Получилось очень колоритно. Разводы помады и туши оставили весьма красноречивые свидетельства.

– Здесь твоя киска. – Брюнетка целенаправленно двигалась в нашу сторону. – Ау-у-у!

– Здесь твой кролик, здесь! – еще громче заржал Алексей, приступая к горячему. Вольдемар получил душ из отбивной с гарниром. На ушах повисли кольца кальмаров. Град из устриц долбил по темечку. Bravo! Брависсимо! Жаль, я сейчас не могу в этом безобразии поучаствовать.

– Ах ты, козел! Мерзавец! Подлец! – Это до нас дошла брюнетка.

Я отодвинулась, маскируясь между бабуинами. Те даже не шелохнулись, с восторгом зирая на начинавшуюся драку и с предвкушением поглаживая пудровые кулаки.

Бац! Сумочка опустилась на голову Олега. Бац! Бац! Бац!

Головоломка начала составляться.

– Ты ему рабочий инструмент не разбей! – посоветовал разгневанной женщине громила. – А то новую противобабную сумку тебе не купит.

– Не лезь! – гневно отрезала яростная амазонка, пиная мужа каблуками красных туфель. – А то тебе тоже достанется!

– Да ну! – изумился Алексей, накладывая за шиворот Вольдемару красную икру. – Отвечаешь?

– Да на раз! – Брюнетка стащила туфлю и запулила в громилу. Тот прикрылся Вольдемаром. Бум! Показалась первая кровь. Из разбитого носа.

– Ох! Мне дурно! – зашаталась я увядшей осинкой. Или березкой? – Не выношу вида крови!

– Пропустите! – Рядом, как чертик из табакерки, возник бдительный Диего. – Мне необходимо оказать первую помощь, пока дама в обморок не свалилась.

– Мне дурно! – осела я на его руки белой лебедью и голову на длинной шее на сторону свесила. – Нужно на свежий воздух!

– Иди подыши, – разрешил Алексей, внимательно разглядывая Вольдемара. Отметил задумчиво, как настоящий эстет: – Чего-то не хватает. А! – И ударил того в переносицу. С довольным видом: – Во! Помни мою доброту! Фары можешь не включать!

– Ты страшная женщина, – до обидного сухо сообщил мне Диего, вынося из зала наружу.

– Я только учусь, – сообщила я ему на полном серьезе. – Поехали домой, мне еще Натку нужно проинструктировать.

Глава 7

Важней всего погода в доме, иначе ты очнешься в коме.

Машина мчалась по ночному городу мимо горящих огней вывесок, фонарей, окон домов. Все сливалось в сплошные полосы.

- Ты это делаешь специально, да? - нарушил тишину в салоне Диего. Его тон мне откровенно не понравился.

- Нарочно, - покорно согласилась я.

- Зачем? - потребовал ответа, который мне давать не хотелось.

- Потому что! - выкрутилась я, прикрывая глаза.

- Не придуривайся, - сообщил мне наглец. - Я прекрасно знаю, что тебе не нужно ни есть, ни пить, ни спать. Ты все это делаешь больше по привычке.

- Для удовольствия, - выразила я протест. - Трудно лишить себя хорошего кофе. А уж мороженое... Мням. Тающее, в стаканчике, пломбир. Когда сладкая жидкость капает тебе на пальцы и ты их облизываешь, а потом ловишь капельки, стекающие по вафельному стаканчику, языком... - Я продемонстрировала.

«Мерс» резко съехал на обочину и остановился. Диего выскочил с переднего сиденья. Рывком открыл дверцу с моей стороны, отстегнул ремень безопасности и выдернул из машины, расплаывая на себе и ища мои губы. Сильные руки держали стальными тисками, не давая увернуться и сбежать. Знаю я отлично, что этот конкретный мужчина абсолютно не склонен к физическому насилию в отношении женщин, но в этот раз я, видимо, очень уж его достала. Переиграла, называется.

Можно было призвать силу. Можно было испепелить нахала. Можно было... но это же был Диего!

Изнутри удушливой волной поднялась паника, постепенно захватывая мое существо. Отнимая возможность двигаться. Онемели, подкосившись, ноги, стали слабыми и беспомощными руки. Тело обмякло. Страх. Дикая паника. Бессилие...

- Что с тобой? - почувствовал Диего перемену, отодвигая меня и заглядывая в глаза. - Да что с тобой, черт возьми? - Он потряс меня, будто тряпичную куклу. Я вяло болталась в его руках, словно оборванная штора.

- Отвези... - расклеила я мгновенно пересохшие губы и еле выговорила: - Домой.

- О господи! Мария, что с тобой? - перепугался мужчина, осторожно придерживая безвольное тело. - Подожди. Сейчас.

Он усадил меня на бордюр и метнулся в машину. Вскоре вернулся с большой свечой и трясущимися руками еле-еле сумел зажечь, не попадая по колесу зажигалки. После этого упал на колени рядом, сунул мне горящую свечу в ладони, придерживая своими.

- Бери, - уговаривал он меня. - Питайся. Прошу тебя! Умоляю!

Я окунула ладонь в пламя свечи, и по моим жилам побежала сила. Сначала медленно, потом набирая скорость.

Спустя какое-то время я почувствовала себя живой.

- Прости меня, - отодвинулся мужчина. Понизив голос, продолжил: - Я... Я не знаю, что сказать...

- Ты не виноват, - грустно сказала я. - Все дело во мне. Извини, если довела тебя до... такого.

- Это он? - тихо спросил Диего, помогая мне встать и усаживая в машину.

Мне почему-то чудился запах пойманного в капкан зверя. Всегда думала – это литературные выдумки. Разве такой бывает? Но мне чудился именно он – густое амбре псины с ноткой крови и железа. Мой.

– Нет, – покачала я головой. – Это после него, он практически сломал меня... На такие вещи он мастер.

– Давно? – еле слышно, одними губами.

– Двадцать лет, – прошептала я. – Прошло уже двадцать лет.

Я свернулась в клубок на сиденье и прикрыла глаза. Прошое должно оставаться прошлым... пока оно не мешает настоящему. Мне же оно не давало жить.

Когда мы подъехали, я уже полностью пришла в себя. Постаравшись избавиться от мрачных мыслей, заставила себя переключиться на позитив – свою работу.

Все так же молча мы вышли из машины и двинулись к дому.

Дверь молниеносно распахнулась, и на пороге карающим мечом революции возникла Натка, дух и хранитель нашего дома. В прямом смысле этого слова. И горе тому, кто назовет ее домовою! Это будет последний день его жизни. Потому что, подавившись булочкой с мышьяком или захлебнувшись компотом с цианидом, жить дальше станет немного проблематично.

– Явились! – грозно констатировала Натка. Женщина правильных русских форм и среднего возраста. – Запылились! – Обвиняюще ткнула пальцем в мой комбинезон.

Сама она всегда выглядела аккуратисткой, невзирая на постоянные уборки и возню на кухне.

После этого вплотную подошла к Диего, схватила его за воротник рубашки и потянула вниз, на высоту своего роста. Обычно они смотрелись рядом, как Пат и Паташон. Высокий стройный мужчина знойного типа и маленькая пышная женщина славянской наружности.

– Ты что с ней сделал, венец корриды? – нахмурилась хранительница, посверкивая серо-зелеными глазами. С угрозой: – Ты ее какой из дома взял? А какой вернул?!!

– Меа culpa, – повинился Диего, в глубине души побаиваясь Натки. Эта в горящую избу не войдет. Фигли! Она ее снесет и тут же построит новую с соблюдением всех огнеупорных технологий.

– Ты мне тут не кульпай! – сказала как отрезала Натка. – Думаешь, я не понимаю? Omne nimum poset! – заявила хранительница, скользя по мужчине нехорошим задумчивым взглядом. – И я даже догадываюсь, что именно лишнее!

– А можно мы уже пойдем спать? – тихонько предложила я, втайне мечтая о своей постели и уединении.

– Можно, – посторонилась Натка. – Только у вас тама куча народу тусуется. Разберитесь с ними и ступайте себе с Богом, если после вам что-то останется.

– Добрая ты, – вздохнула я. Вспомнила: – Натка, тебе придется завтра вместе с нами перебраться в городскую квартиру.

– У нас в особняке что, опять те самые гопники будут жить? – подозрительно сощурилась хранительница.

– Хиппи, – поправил Диего.

– Эфиры, – поправила я их. – Детям нужно где-то ночевать, пока они познают истину.

– Ага, – согласилась Натка. – Они ее познали. В винном погребе! – Возмущенно: – И ладно бы выпили! Эти же обормоты проводили эксперимент – можно ли обратить вино в воду? В итоге все ушло в канализацию!

- Не сердись, - приобняла я хранительницу. - Никто у нас жить не будет. Просто к нам в квартиру могут нагрянуть незваные гости, и я бы хотела, чтобы ты ими занялась.

- И что я могу с ними делать? - В голосе чувствовалось откровенное предвкушение. Натка возможного развлечения ни за какие коврижки не упустит.

Мне показалось или запахло жареным? Бедный Вовчик. Ему теперь каюк.

- Все!!! - выдохнула я с поистине экстатическим наслаждением. - С Вольдемаром ты можешь делать ВСЕ!

- Ты имеешь в виду «все», - деловито уточнила Натка, - или «все» - и еще что-нибудь сверх того?..

- На твое усмотрение, - предоставила я ей полную свободу выбора.

И не говорите мне, что я жестокая. Сама знаю!

Натка расцвела майской розой и пошла собирать кухонные принадлежности, без которых она из дому не выходила. Давным-давно в ответ на возмущение Диего хранительница молча продемонстрировала ему виртуозное владение колотушкой для мяса, топориком и штопором. После этого телохранитель относился к ней с громадным уважением и старательно обходил стороной.

В гостиной меня ожидали подружки и Лёна. Марика резалась в какую-то стрелялку, используя планшет Диего, подключенный к большому экрану. Сапфира пыталась самозабвенно станцевать вальс под рок-музыку. Девочки были в джинсовых шортах-комбинезонах и черных вызывающих футболках без рукавов, со стразами, неприличными декольте и надписями на спине и груди. Эклектика, одним словом.

Лёна спокойно пила кофе и что-то печатала на своем мини-буке. В легком дизайнерском платье с широким цветным поясом, который подчеркивал достоинства и скрывал недостатки, она выглядела образцом женственности и элегантности.

- Итак, - плюхнулась я в любимое кресло около горящего камина. - Чем обязана визиту?

Эфиры моментально прервали свое занятие и доложили:

- Ваш красавчег сегодня звонил гнусавым голосом, как будто ему в мышеловке сперматозоиды защемили. Сказал, чтобы мы пришли через два дня, - сообщила Сапфира.

- Ага, - широко улыбнулась Марика, с нескрываемым сожалением отдавая Диего джойстик. - Предупредил, что обучение будет проводиться за городом и нужно уладить свои дела на десять дней.

- Понятно, - закусила я губу. - Значит, вас для начала повезут на выставку тел...

- Беда какая, - вздохнула Сапфира. - А поговорить? Я так люблю общаться на нейтронном уровне.

- Это как? - поинтересовалась Лёна, откладывая гаджет.

- Мозги она любит выносить, - пояснила Марика, ловя за руку Диего. - Эй! Обязательно сохрани мой профиль! - С гордостью: - Я там уже до ебеля дошла!

- До кого?! - обалдел мужчина. - Где ты его там нашла? Нету там такого звания!

- Вот! - ткнула Марика пальчиком в экран. - Смотри: «ебель»!

Диего кинул на нее странный взгляд, снял сидящего около экрана кота Дарси и спросил:

- А теперь?

- Фельдфебель, - прочитала девушка. - Фу! Раньше было прикольное и короче!

- Краткость не всегда хорошо, - вздохнула Сапфира. - Ко мне сегодня на улице один

пристал. Говорит: покурим или?..

- И что? - негромко осведомилась я, поднимая брови.

- Курить я не люблю, - рассудительно сказала Сапфира. - Уж лет пять как надоело. Решила выбрать «или», никогда еще не пробовала.

- Он выжил? - лукаво поинтересовался Диего, маскируя улыбку гримасой.

- Не знаю, - пожала плечиками девушка. Брякнула шипастым браслетом. - Я его за мусорный бак положила. Может, до сих пор там лежит, если никому больше не понадобился.

- И чем ты его достала? - полюбопытствовала Лёна, отрываясь от мини-бука.

- Я спросила - его «или» только на меня хватит или могу подругу позвать? - поделилась Сапфира.

Я себе представляю эту картину! Наши начали потихоньку посмеиваться. Общение с эфирными - это нечто!

- От этого около бака не ложатся, - резонно усомнился Диего, вставая из-за стола и облокачиваясь на подоконник. Официальный страж моего тела бросил рубиться в компьютерную игрушку и, кусая губы, старался не заржать во весь голос, чтобы не терять лицо. Но смех все равно рвался наружу.

- Да он сразу и не лег, - призналась девушка. - Сначала проорал что-то грубое и начал рвать мой любимый топик. - Удивленно: - Замерз, наверное...

Жестко! Интересно, сколько вольт она ему всадила? Или ватт?

Грянул хохот. Электрошок для любителя девочек - это по-нашему! Эфиры, они не злые и не виноваты, что обычные люди их шуток не понимают...

- Понятно, - фыркнула я. - Вот то, что дальше было... такое при обучении в «Женской радости» показывать не надо! Следует вести себя тише воды ниже травы и инкогнито не раскрывать!

- А рот раскрывать можно? - невинно поинтересовалась Марика, посверкивая škодливыми глазками. - Там же, наверное, спрашивать о чем-то будут и кормить... тоже.

- Баснями тебя там кормить будут, - зло пробурчал мужчина. - «Рот закрыли, ноги шире, наклонились, три-четыре!»

- А там много мусорных баков? - озаботилась Сапфира. Ее цветные крашенные прядки - сине-розово-лиловые - бросали вызов пуританскому миропорядку взрослых. - На всех хватит?

- Тьфу! - Диего налил себе полный стакан минералки.

- Ладно! - хлопнула я ладонью по подлокотнику. - Отправляйтесь на место дислокации и сообщайте обо всем происходящем. Будем решать по обстановке.

- Есть! - в один голос крикнули девчонки и, довольные, испарились.

- Надеюсь, это будут чрезвычайно редкие встречи! - пробормотал Диего. - Моя психика под угрозой крематория... тьфу, моратория.

Я кинула вопросительный взгляд на Лёну. Подруга никогда бы не заявила на ночь глядя без серьезных на то причин.

Лёна выразительно посмотрела на телохранителя и повела плечом, сигнализируя глазами.

- Диего, - попросила я его, делая умильные глазки, - ты бы не мог все собрать для завтрашнего переезда, пока я пошущукаюсь с подругой по сугубо женским вопросам?

- Хорошо, - скривился бодигард, демонстративно отставляя стакан на каминную полку. Обижен он, видите ли, что его выпроваживают! Кого его бзики волнуют?! Проще всего: - Что-то еще?

- Нет, - улыбнулась я. - Спокойной ночи.

Мужчина ушел. Лёна встала и пересела ближе ко мне.

- Что случилось? - нарушила я молчание.

Подруга нервно расправила серую строгую юбку и сказала севшим голосом:

- Здесь видели Рамона...

- Ясно, - выдохнула я, закрывая глаза и откидываясь на спинку кресла. С трудом вытолкнула из себя: - Следует ожидать неприят... неожиданностей...

- Нужно ждать очередных подлостей! - зло поправила меня Лёна. - Только я вот одного не пойму... Скажи: он же твой создатель? Тогда почему?..

- Он мое все, - тоскливо вздохнула я. На душе стало мутно. - И создатель, и лютей враг, и тот, кто управляет моими поступками.

- И все же... - хрустнула пальцами шатенка. - Не понимаю. Почему он так тебя ненавидит?

- Я живой пример его ущемленного, уродского мужского самомнения, - призналась я. - А это самолюбие Рамона перенести ой как нелегко.

- Ты можешь объяснить все нормально? - попросила подруга, придвигаясь ближе и с участием глядя в глаза. - Сейчас идет слишком серьезная игра. И я до сих пор считаю, что ты должна пойти к Эйдену и отказа...

- Нет! - вырвалось у меня. - Никуда я не пойду! Хватит уже с меня тяжелого груза на совести!

- Мария, - сжала мою ладонь Лёна, - хочешь, я пойду? Рамон не имеет надо мной власти. Эйден обязательно выслуша...

- Лёна, - устало сказала я, - я очень ценю твою помощь, но ни ты, ни кто другой никуда не пойдет.

- Не тебе решать! - фыркнула воздушная. - Я уже взрослая девочка!

Я поняла - настал момент истины. Если и дальше буду молчать, то моя совесть и душа отяготятся еще одним несмываемым пятном.

- Лёна, - с тяжким вздохом спросила я, - ты знаешь, как становятся низшими огненными?

- В общих чертах, - призналась подруга. Вспомнила теорию: - Если человек умирает...

- Если мучительная насильственная смерть происходит вблизи огня. Убийство с участием нескольких человек, - тихо поправила я. - Я умирала на пустыре, где жгли костры бомжи, окруженная троицей пьяных подонков...

Сжав кулаки, продолжила:

- В тот момент я так захотела жить, что приняла в себя часть Рамона... и еще другую... другие сущности...

- Не понимаю, - растерянно созналась Лёна.

- Знаешь, почему огненные - палачи? - криво улыбнулась я, не встречаясь с ней взглядом. Огорошила сотрудницу: - Потому что своих убийц мы носим в себе!

Я протянула ладонь, и на ней затанцевало три небольших огонька.

Лёна заинтересованно придвинулась, разглядывая жмущиеся к ладони струйки пламени. Знали бы парни тогда, чем их «подвиги» кончатся, месяц бы из дому не выходили! Год! К женщине на километр не подошли. Как монахи, celibat бы приняли!

– Вот они, – произнесла я. – Люди, принявшие на себя роль вершителей судеб. Рамон тогда сказал: «Они так хотели быть в тебе, что останутся там навечно!»

– Какой ужас, – прошептала Лёна, не в силах оторвать взгляда от огоньков.

Я аккуратно отстранилась.

– Именно они убивают, не я! – Продолжила: – Моя задача только удостовериться в правильности решения, выпустить их наружу и подпитать силой.

– Как ты живешь с этим? – Подруга никак не могла оправиться от шока.

– О, я живу с гораздо худшим! – горько рассмеялась я, впитывая обратно огненные сущности. – С гораздо более страшным...

Помолчала минуту, собралась с силами и начала:

– Когда я оказалась у Рамона, он предложил мне выбор – стать его личной игрушкой во всех смыслах или... палачом. Ни то ни другое меня не прельщало, как ты понимаешь...

– Игрушкой?! В наше-то время? – выпалила Лёна. Недоуменно: – Это как?..

– Домашняя собачка, кошечка; рабыня в кандалах и ошейнике; грязь под ногами, – кивнула я. – Всегда доступная, послушная и безотказная. Охотно принимающая любое наказание хозяина... а у того фантазия о-очень бо-огатая... – Добавила: – Я видела его потайную комнату. Потом.

– Не может быть, – осевшим голосом сказала подруга, прикладывая руку к груди. – Какая... мерзость...

– Да, – тряхнула я локонами, выбившимися из косы. – Рамон поначалу не торопил. Он очень красиво ухаживал, показывая выгоды и прелести моего будущего положения... Но в какой-то момент... все изменилось. Он влюбился, если это темное чувство так можно называть. Скорей всего, то была болезненная зависимость, яростная слепая страсть к обладанию недоступной женщиной, ее телом, а главное – душой...

Я сунула руки в огонь, подпитывая силы.

– Если не хочешь, не рассказывай, – предложила Лёна, оттягивая воротник платья.

– Раз уж начала... – криво ухмыльнулась я, подавляя щемящую боль в сердце. Эти воспоминания мне не забыть никогда. До самого смертного часа. – Ты просто должна понять – почему я никогда не пойду к Эйдену. Потому что для сотворенной невозможно пойти против своего создателя. Непростительно. Немыслимо.

Подруга судорожно вздохнула и опустила стиснутые руки на колени. Воздушные могли ощущать эманации чужих чувств как свои. А здесь и сейчас было много, много боли...

– Я не смогла, – призналась я. – Не смогла найти в себе силы и ответить ему. Рамон меня до смерти напугал. Его звериная жестокость, причудливые садистские замашки, которые все равно выглядывали наружу из-под маски хорошего парня, вызывая во мне глубокий первобытный ужас.

– И? – Зрачки Лёны стали огромными.

– Тогда он вручил новую сотворенную Совету, где меня неожиданно вполне официально признали огненной и палачом вместо того, чтобы уничтожить как неудавшийся эксперимент. И все же... Ну не могла я убивать, даже имея такую силу! Людская жизнь, пусть и самая скверная, была для меня свята. Наверное, дело в том, что я по натуре не убийца.

Слезы покатались по моим щекам. Дыхание Лёны участилось.

Утерев слезы и кое-как собравшись с силами, я продолжила:

– Его звали Мигель. Всегда такой спокойный, выдержанный. Надежный. Он стал моим первым телохранителем и опорой. Впервые после всего этого кошмара я почувствовала себя живой и... чистой. Любимой. Достойной чего-то светлого.

– Не надо! – зажала уши Лёна. – Остановись! Ты убьешь себя!

– От душевной муки не умирают, – скривилась я, незаметно растирая левую сторону груди, где поселилась привычная резкая боль. Глухо: – Я провалила свое первое задание – не смогла убить. Мигель понял меня и помог бежать. Какое-то время нам удавалось скрываться. Но моя сущность – огонь, и без него мне не выжить. Рамон быстро нашел нас...

Лёну начала бить крупная дрожь.

Я произнесла мертвым голосом:

– Есть палачи по должности, а есть по призванию. Рамон... – У меня пошел спазм.

– Рамон?... – переспросила подруга.

– Огненный убивал Мигеля медленно и мучительно. – На глаза навернулись слезы. Горло стиснуло рыдание. – Он подвесил его и... Рамон сжигал моего телохранителя, моего друга, моего возлюбленного по кусочкам, заставляя меня смотреть. Сначала выборочно. Руки. Ноги. Глаза. Кожу... по большей части, потом... – Я всхлипнула. – Обколол его наркотиком, чтоб Мигель раньше срока не ушел... Все, мерзавец, урод моральный, предусмотрел! – Соленые капли горя бежали безостановочно. Меня колотило.

Ко мне подошел кот и уселся на коленях, начиная мурлыкать. Дарси всегда тонко чувствовал мое плохое настроение.

Я утерлась бумажным платочком. Раз начала, нужно этот рассказ закончить.

– Сказал, что если не он, то никто меня не получит, пока он жив. И если я не стану палачом, то все, кто мне дорог, удостоятся той же участи, – выплескивала я свою муку, хранимую десятилетиями. – Потому что я ему больше не нужна, но легко уйти он мне не даст. Вот так...

– Почему он просто не убил тебя? – простонала подруга. – Это было бы милосерднее...

В воздухе перемешались эманации страха, ненависти и отчаяния.

– Я просила смерти, – горько призналась я, икая от слез. – Просила не трогать Мигеля, взять меня. Он не слушал, он наслаждался. – Прошелестела: – А после того как меня по запросу Эйдана признал Совет, Рамон не имеет права убить меня сам. Иначе будет отвечать по закону...

– Господи! – вскрикнула Лёна.

– Я смотрела в синие, полные боли глаза Мигеля, – продолжила я рассказ, – потом в его выжженные глазницы... И поклялась страшной клятвой: пока я жива, никто больше не станет жертвой Рамона по моей вине! Никогда! Именно поэтому я стараюсь держаться подальше от мужчин и не заводить ни с кем тесную дружбу, понятно? Ни с кем!

– Прости меня! – плакала Лёна. – Прости, я не знала! Это так страшно! Мучительно... Но Эйден все равно обязательно должен узнать...

– Это смертельно больно, – согласилась я, ласково промокая ее щеки платочком. – Но пусть эта мука из-за меня больше никого не коснется. И больше мне не придется умирать вместе с кем-то из вас и возрождаться одной...

– Прости меня! – хлюпнула подруга, шмыгая носом. – Я... мне нужно...

– Уходи, – с усилием улыбнулась я. – Вольного ветра и свободного неба!

Лёна порывисто выбежала из гостиной. Вскоре послышался шум мотора.

На каминной полке однообразно тикали антикварные часы-сова. Скалились, строили рожи хрупкие фарфоровые статуэтки мандаринов и пастушек. Безнадежно стремился ввысь белоснежный фаянсовый голубок. Декоративные блюда бликовали в свете рожков настенных бра лунными пятнами сине-коричневых узоров...

– Ты в порядке? – В комнату стремительно вошел Диего.

– Почти, – солгала я, вороша угли и старательно пряча в тень заплаканное лицо. Ничего не хочу! Ни любви, ни страсти, ни внимания, ни заботы, если они достаются такой ценой. Ни-че-го.

Мужчина подошел к камину, взял забытый стакан воды, покатав в ладонях и допил. На секунду застыл и поборол необъяснимую дрожь.

– Пора спать, – сказал он внезапно охрипшим голосом. – Завтра у нас будет напряженный день.

– Спокойной ночи, – попрощалась я, оставаясь тихо сидеть у камина во власти разбуженных воспоминаний.

Сгорали, потрескивая, дрова. Жар осушал горько-соленые слезы. Дарил кратковременное забытие. Мурлыкал и терся о ноги большой кот, забирая печаль. Жизнь продолжалась...

Глава 8

Труп врага пахнет хорошо, но воняет – плохо!

Поздним утром я спустилась вниз, к недовольной перебазированием Натке и странно-задумчивому Диего.

– До чего мы дошли! – уперла руки в боки хранительница. – Из родного дома, как зайцы, бежим! – Сегодня она перевязала лоб широкой лентой с бисерной вышивкой и выглядела издали как индейская скво. Ну, точно, как же я забыла – Натка вышла на тропу войны!

– Натка, – строго напомнила я ей, – там тоже родной дом.

– Какой там дом! – пригорюнилась женщина-домовушка. – Явочная квартирка. Конура...

– Там пять комнат, – резонно заметил Диего, стараясь не встречаться со мной взглядом. – Если бы каждая собака барствовала в таких условиях, то людям стало бы негде жить!

– А людям и так негде жить! – фыркнула хранительница, доставая из-за спины поварешку и ласково поглаживая. – Потому что каждая собака...

– Стоп! – подняла я руки. – Натка, если тебе там плохо, то можешь остаться здесь. Мы как-нибудь справимся.

– «Как-нибудь» – это как? – подозрительно сощурилась женщина. – Борщ на потолке, спагетти на стенах, битки в дверях, гуляш по коридору, суши на балконе? Плавали уже, знаем!

– Ну... – Мне хватило совести покраснеть, вспоминая, как я доказывала Диего – какая я замечательная кулинарка. Доказала. Пожаром и капитальным ремонтом квартиры.

– Ну! – нахмурилась хранительница, выуживая в дополнение к половнику шумовку. И тоже из-за спины.

– У тебя там полевой набор ниндзя? – ехидно полюбопытствовал мужчина. – А вместо пулемета на закуску кухонный комбайн?

– У меня там НЗ на случай самообороны, – рявкнула женщина и вперилась в меня настойчивым взглядом. – Я жду объяснения, как вы будете справляться одни!

– Можно позвать... – Я набрала воздуха перед тем, как выговорить, и надеялась остаться живой.

– Временную хранительницу, – можно сказать, закрыл меня грудью телохранитель.

– ЧТО-О-О?! Вот вам! – У меня под носом оказалась поварешка, у Диего – шумовка. – Размечтались! Чтоб я себе все удовольствие обломала! Не дождетесь! Быстро всем на выход!

– Вольдемар не выживет, – с фальшивой скорбью сообщил мне телохранитель. Разглядывая шикарно отделанный потолок, выдал с нескрываемой иронией: – Она его массой задавит, пастеризует и в банки закатает.

– У тебя проснулось милосердие? – неприятно удивилась я, открывая холодильник и наливая себе апельсиновый сок.

– У меня проснулась рациональность, – хмыкнул Диего. – Такого размера банку нужно где-то хранить. И мне не хочется видеть эту пресерву через стекло. Я эту сволочь и в натуральном виде перевариваю с трудом!

– Мы ее есть не будем, мы ее в огороде закопаем, – успокоила его я. Ловко перевела стрелки: – Чем пока займемся?

– Сначала переедем, потом нужно съездить полюбоваться на эту «Дамскую гадость».

- «Женскую радость», - индифферентно поправила его я, споласкивая стакан.

- А я что сказал? - удивился Диего, как всегда желанный и стильный в любом прикиде, даже если это военная форма десантника или черная футболка с джинсами. Да он в костюме паяца, Арлекина или Пьеро - и то возьмет приз «Мистер Вселенная»! Я бы ему точно дала...

Мы завезли брюзжащую и раздраженную Натку в городскую квартиру и малодушно сбежали на разведку. Потому что никакой, даже самый могущественный эфирный или ифрит не сравнится с маленькой хранительницей в гневе. Эта миловидная дама под настроение метает кухонные ножи в цель со скоростью десять в минуту. При очень большом желании - даже два в секунду. И замечу, излишек стали в любом организме катастрофически мешает его правильному функционированию.

Спустя пару часов. Где-то в лесу

- Туда-то я залезу. - Я с тоской разглядывала, задрав голову, облюбованную сосну. - Но вот как ты будешь меня обратно сманивать? Не поделишься, случайно, секретом? Батут внизу расстелешь или вызовешь аварийный кран?

- Поделюсь. Обязательно. У меня на такой случай всегда есть варианты, - скромно сказал Диего и со всей торжественностью достал из кармана... лифчик из новой коллекции Victoria's Secret. С этикеткой. Садюга!

- Змий-искуситель, - пробормотала я, энергично подтягиваясь на нижний сук. Под нос: - А еще злостный извращенец!

- Просто предусмотрительный, - усмехнулся телохранитель, передавая мне мощный бинокль. - Ты западаешь только на Victoria's Secret и итальянскую обувь, сделанную вручную. Туфли из-за каблучков в карман не поместились.

- Сплошное разочарование, - сообщила я ему, залезая чуть выше и припадая к биноклю.

Хутор «Женская радость» состоял из двух частей и для здешних мест казался необычным. Главная, административная часть его - готовая рекламная картинка! Даже не верится, что у нас такое могут создать, да еще и не очень далеко от болот.

На большой, расчищенной территории, на зеленой травке в кружок собралось около полусотни нарядных деревянных домиков. Светлые, из сосны, покрытые какими-то специальными не то восками, не то лаками, сохраняющими природную фактуру светлой древесины; с остроконечными крышами и большими открытыми верандами - они радовали глаз.

Домики поставили на разных уровнях, центральная полянка очутилась в низине. В прогалине между несколькими нижними домиками пускал блики огромный сине-голубой бассейн с подогревом и хрустально чистой водой.

- Что-то тут очень тихо, тебе не кажется? - недоуменно сообщила я Диего. - Ни одной живой души на территории. - Заметила: - У них набор в самом разгаре. По идее такого быть не должно.

- Мертвые души есть? - деловито поинтересовался телохранитель, сверяясь с каким-то хитромудрым прибором.

В черной, обтягивающей торс футболке, завязанной узлом на узкой талии спортивной кофте и черных джинсах он был неотразим. Но для меня, увы... недоступен.

Я порадовалась, что сижу на дереве. Потому как это гораздо безопаснее для Диего. Внутренний пакостник подталкивал неожиданно прыгнуть сверху, оглушить и - «Я тебя съем!» Ну и все остальное... по сценарию.

- Я пойду погляжу подступы ко второй базе, - сказал мрачный Диего. - Судя по описанию Лёны, там должно быть полно охраны. Посиди пока тут, я скоро...

- К твоему возвращению гнездо вить? - деловито поинтересовалась я, свешиваясь вниз.

- Не надо, - сверкнул белоснежными зубами Диего. - То, для чего предназначено это устройство, я буду высиживать исключительно сам.

- Бог в помощь, болезный, - доброжелательно откликнулась я, снова прилипая к биноклю.

Вскоре после его ухода стемнело. Веранды домиков и все тропинки между ними ярко осветились. На тропинки, любуясь цветущими кустами и низкорослыми японскими декоративными деревцами бонсай, вальяжно вылезли будущие супермодели и танцовщицы.

- Тишь и гладь да божья благодать, - пробормотала я. - Только зачем такому идеальному месту высокий трехметровый забор с колючей проволокой поверху и охрана у входа и на равном расстоянии на каждой стометровке забора?

- Этим может похвастаться практически любой уважающий себя коттеджный городок, поэтому даже при всем желании тут придраться не к чему, - раздался голос снизу.

От неожиданности чуть не сверзилась вниз спелой помидориной. Нет, пока буду падать - еще грушей, а внизу - точно помидориной.

- Предупреждать нужно, - обиделась я. - Если меня хватит инфаркт от испуга...

- Тебя? - поразился Диего. - Я бы скорее поверил, что ты доведешь инфаркт до инсульта. - Он помог мне слезть.

- Милый... - Мои ноги благополучно ступили на землю. - Если я кого-то хватаю, то никакие заболевания этому объекту уже не страшны. Что узнал?

- Вторая часть «Бабской пакости» меня весьма беспокоит, - признался телохранитель, наклоняясь и завязывая мне шнурок на кроссовке. Отряхнув по пути штаны от смолы и иголок, он поднялся. Я сделала вид, что не заметила проверку качества некоторых частей моего тела, попавшихся ему по дороге.

- Почему? - сразу насторожилась я.

- Слишком таинственно, - начал перечислять Диего. - Нет доступа посторонним. Территория охраняется еще более жестко, чем эта часть, хотя по идее там нечего охранять. Ну не бараки же столетней давности!

- Понятно, - закусила я губу. - Что еще?

- Здание, скрытое за высоким кирпичным забором, напоминает тюрьму для особо опасных рецидивистов, - признался мужчина. - Я знаю, что это бывшая санаторная здравница туберкулезников, но...

- О как! - притворно округлила я глаза. - Для туберкулезных на болотах - самое место! Идеальная здравница и вечный источник вдохновения и крепкого здоровья!

- Ты не поверишь, - криво усмехнулся Диего. Выражение его глаз стало волчьим. - Раньше туда было очень сложно попасть. За путевки для «любимых» родственников платились безумные деньги. Больных в этот санаторий отправляли как в могилу. Представляешь, какая там аура?

- Рай для ифрита, - сухо заметила я. Пробурчала зло: - Такое количество погубленных в одном месте жизнью должно так фонить энергетически, что ему достаточно только лишь этого источника, остальное идет уже сугубо для личного удовольствия.

- Очень умело используется дурная слава этого места, - продолжил мужчина. - Местные сюда не суются. Я встретил одного грибника в лесу, спросил... Дед так руками замахал, что чуть с корзиной не улетел. Сказал, там призрак живет.

- Ты проверил? - прикусила я травинку.

- Проверил, - кивнул Диего. Скрипнул зубами. - Не знаю, как насчет призрака, но кто-то

точно живет! Вид внешне очень грамотный – почерневшие от времени кирпичные бараки с отвалившейся штукатуркой и сто лет немытыми стеклами выглядят полностью нежилыми. Но при мне к воротам подъехал крытый автобус, а спустя полчаса за ним бусик.

– Ясно, – задумалась я. – Общую картину я выстроила. Будем думать.

– Домой? – галантно накинул мне на плечи кофту мужчина. Меня от этого незамысловатого жеста бросило в дрожь, даже руки похолодели. Как же он похож на Мигеля! Просто одно лицо.

Я присмотрелась – нет! Не похож. Стихии, опять померещилось. Всего лишь шуточки света и тени, я от них скоро с ума сойду.

– Поехали, – вздохнула, предвкушая недовольные вопли Натки.

Мы влезли в машину и поехали. По пути я старалась не замечать отчаянного стука собственного сердца. Пыталась внушить себе, что не могу позволить малейшей слабости, симпатии или влюбленности, зная о последствиях. Так, занятая внутренним монологом, и не заметила, как приехали.

Вопли действительно были. Но чужие. Орал не своим голосом Вольдемар.

Слышно было на улице издалека. Словно кого-то режут. Поначалу я даже сама себе не поверила. Но нет. Никакой ошибки. Мы услышали финальные аккорды скорбных завываний, когда выскочили из лифта.

– Она его что, зверски кастрировала? – на бегу уставился на меня Диего.

– Не думаю, – недоуменно пожала я плечами, но скорость прибавила.

Сообщаю заранее: главный приз викторины выиграл все-таки Диего!

Ворвавшись в квартиру, мы увидели дивную картину. Скрючившийся Вольдемар завывал и пританцовывал на месте, пока Натка отрывала от его паха промышленный пылесос для чистки ковров.

– Что здесь происходит? – изумилась я, замирая в дверях.

Чпок! Хранительница очистила свое оборудование от ненужного хлама. Покрутила в руках шланг, оглядела пострадавшего и уверенно заявила:

– Зато вам теперь не нужна операция по увеличению. Размер, оно, конечно, не главное, но зато теперь приятно смотреть!

– Оу! – завывал Вольдемар, ощупывая то, на что якобы «приятно смотреть». Судя по разнесчастному виду мужика, трогать пострадавшее место было не совсем приятно. Точнее, наоборот – очень неприятно. Весьма.

– Как это произошло? – деликатно любопытствовала я, пока Диего из мужской солидарности бегал на кухню за льдом. Да-да. Ничего не пожалел для несчастного! Приволок мешок килограмма на два и одним махом запихнул тому в брюки.

– Как-как! – передразнила Натка, скручивая шланг, словно ковбойское лассо. – Ваш гость сожрал поднос моих булочек и засыпался крошками. Мне-то что, но диван с крошками – это вызов на дуэль!

– У-у-у! – Вольдемар теперь не только крючился, но еще и синел.

– Я начала убирать последствия чьего-то неумеренного обжорства, – продолжала обличать хранительница, косо поглядывая на несчастного. – Но кто-то оказался так ленив, что не пожелал сдвинуться с места. Пришлось чистить вместе с ним... Результат вы видели.

– Угу, – меланхолично согласилась я.

Я-то видела. А кто-то еще и чувствовал!

- И если кто-то своим размером испортил мне любимый пылесос, - пригрозила Натка, вытаскивая оборудование, - то я заменю один шланг на другой не моргнув глазом!

Вольдемар пошел декоративными белыми пятнами по синему фону и начал сползать на пол.

- Не смей! - рявкнула хранительница. - Иначе принесу паровую швабру!

- «Скорую», - задумчивым голосом прошептал Вольдемар, закатывая глаза под лоб.

- Да нормально она моет! - заверила его хозяйственная Натка. - В нужном режиме.

- Мне «скорую помощь», - охрипшим голосом поправился несчастный, боясь куда-либо присесть, не говоря уже - прилечь.

Я набрала номер «Скорой помощи» и попросила:

- Вы не могли бы прислать машину по этому адресу? Несчастный случай дома. У нас мужчину засосало пылесосом. Пах. Что? Остался ли он мужчиной? - Я растерянно посмотрела на полуобморочного Вольдемара. Сосредоточенно пожевала губу. - Не знаю, не проверяла... Проверить сейчас?

Диего со скоростью пули вымелся из комнаты.

- Я не могу, - призналась я оператору, делая скорбное лицо и давя рвущийся хохот. - У него там все замерзло. Что? Нет, в ледогенератор мы его не совали. Что вы, ни в коем случае. В холодильник - тоже. Что?! Нет, за кого вы нас принимаете?! Мы просто приложили лед. Сколько? Н-не знаю... килограмма два... наверное...

Натка начала пыхтеть.

- Нет, мы его не сохраняли для пришивания обратно. Почему? Потому что ничего пришивать не нужно. Опять проверить? - поразила я. - А без этого никак нельзя? Ах, вы не знаете, кого именно посылать... Так бы и сказали!

- Сейчас я проверю, - засучила рукава кофточки Натка и двинулась на Вольдемара.

Тот замер, потом подпрыгнул зайцем и практически на четвереньках сбежал.

Я проводила его недоуменным взглядом:

- Спасибо, никого уже присылать не нужно. Что? Нет, не умер - сбежал. Откуда я знаю, посмертные это конвульсии или нет?! Еще раз спасибо! До свидания.

Я отключила телефон. Диего во весь голос ржал за стеной, всхлипывая. Натка обиженно сопела.

- Скорей всего, - задумчиво сказала я, - мы теперь его до-олго не увидим.

- Не надейся! - фыркнула хранительница. - Бодливой корове бог рогов не дает, а у гулящего мужика весь организм - член!

- Натка! - вполз в комнату Диего. - Ты - прелесть! Я тебя обожаю! Завтра куплю тебе пять литров базарных сливок и ведро черешни! И коробку овсяного печенья. А если еще что-нибудь применишь на нашем госте, буду покупать каждую неделю. Да хоть каждый день!

- А то! - зарделась от удовольствия хранительница. - У меня еще мясорубка есть!

Глава 9

Отпустите меня в Гималаи, я и там все к чертям разломаю!

– Nombre! – приветствовал лощеный испанец приглашенного гостя.

– Вот то, что ты просил! – Сухопарый седой старик-индеец с уважительным поклоном протянул Рамону тоненькую папку. – Мой низший, бывший альпинист и довольно неплохой частный сыщик, по твоей просьбе наблюдал за ней все это время.

Тот открыл папку, быстро и внимательно перелистнул страницы. Закрыв ее и отодвинул.

– На словах есть что сказать? Может, наблюдателя что-то насторожило? Показалось необычным?..

Старик задумался, перебирая четки. Потом сделал несколько странных взмахов указательным пальцем, словно устраивая мини-смерч. Опять задумался. Встал. Бесцельно походил туда-сюда по комнате.

Следом вышел на лоджию и пару минут подставлял лицо свежему, непонятно откуда взявшемуся бризу, напевая какую-то мантру. Прищурился. Глянул в сторону нанимателя.

Тот провожал действия знакомого пристальным недоверчивым взглядом, не вмешиваясь в процесс.

В конце концов благообразный старец в кремовой курта-пажаме рассеянно почесал нос, ухмыльнулся и спокойно заявил:

– Ничего нового. Все как обычно.

Испанец недовольно скривился, нервно передергивая плечами.

А старик повернулся к Рамону и неожиданно прямо спросил:

– Рамон, она ведь твоя низшая, верно? Так за что ты хочешь убить ее?

Рамон покраснел и закашлялся. Одетый во все черное, он выглядел зловещим антиподом своего посетителя.

– Мы с тобой столько времени имели разные формы сотрудничества. Я стар и уже ничего из себя как сильный воздушник не представляю. Но меня гложет интерес. Не расскажешь? – располагающе обратился индеец.

– Мадхукар, – раздраженно отметил Рамон, – раньше ты не страдал болезненным любопытством. Это настораживает. Впрочем, я не боюсь тебя, поэтому расскажу...

Старик оперся руками на бортик лоджии, готовясь слушать.

– Видишь ли, она МОЯ низшая!

Старик улыбнулся уголками рта. Вкрадчиво спросил:

– И это повод ее убивать?

Насмешка вывела горячего испанца из себя:

– Соño! Ты что, дурак? Не понимаешь?! Я сделал ее, чтобы воспользоваться низшей, как обычно! Но в этот раз все пошло не так! Во-первых, вспомни сам, сколько низших может одновременно иметь огненный?

– Одного... – Похоже, до старика начало доходить.

– А эта сучка, эта мерзавка, эта гуагго... Она мне отказала, представляешь?! МНЕ. ОТКАЗАЛА!

– В чем проблема? – удивился Мадхукар. – Ты же всегда решал такие осложнения очень

легко. Убирал человека вовремя и по-тихому – и вся недолга!

– Я-то виноват... – зло процедил Рамон, мотая головой. – Только совсем не в том, в чем ты меня подозреваешь. Короче, наворотил из-за нее дел по самое не могу, теперь обратного хода нет. Допустил две ошибки.

– Ты?! Ошибки?! – Старик весело рассмеялся. – Не верю! Ты не совершаешь ошибок, особенно из-за женщин! Тебе это просто не дано.

– Две ошибки, – пропустив насмешку мимо ушей, проскрежетал злющий Рамон. Налил в стакан виски и отпил половину. Поболтал кубики со льдом. Снова долил и выпил. Поднял на собеседника потемневшие глаза. – Я попросил Эйдена сразу после создания низшей представить ее Совету. И вторая ошибка... сорвался в одном деле. Крупно. Теперь, будучи ее создателем, устранить нашу просто Марию, как положено, в присутствии Совета, я не могу.

– Почему? – опять удивился индеец.

– Hostia! Потому что я должен представить убедительные доказательства ее невменяемости, а их нет!

– Сфабриковать не можешь? – издевательски хмыкнул старик. – Первый раз, что ли?..

Тот скривился, словно от зубной боли. Прошипел:

– Но не это главное. Если Совет ее начнет считывать на предмет подтверждения моего обращения, то... Словом, обязательно всплывет информация, которая меня неизбежно подставит под смертный приговор. Этого я допустить не могу.

– Хорошо. Она тебе не досталась. Игрушка попала к другому, это я понимаю... – лениво перечислил Мадхукар. – И все равно поясни – зачем тебе так остро необходимо ее убивать? Особенно если ее считывание так для тебя опасно. Ее же и посмертно считать легко смогут, разве не так? Те же воздушные... или, например, водные...

Рамон вздрогнул.

– Нет. Не понимаешь. – С каменным лицом он поболтал кубики льда в опустевшем стакане, со звоном и грохотом швыряя его на пол. – А вторая причина, почему мне до ужаса хочется ее прибить, заключается в том... – Риска порезаться, сын огня яростно пнул осколки. На кончиках пальцев зажглись синие огоньки, а глаза приняли алый цвет пламени.

– И в чем дело? Что с ней не так? – продолжал допытываться любознательный воздушный.

– Девочка слишком милосердна! – выпалил огненный элементаль, размахивая руками. – Она убивает слишком чисто. Слишком быстро! Я не получаю нужной подпитки. Злой огонь, пламя ненависти их душ, по пути рассеивается. – Рывкнул: – Эта тварь держит меня на голодном пайке!

– Ясно... – глубокомысленно проронил старик, резко поворачиваясь к солнцу. Заметил вполголоса: – Не дала тянуть энергию из себя и мешает присосаться к другим. – Громко и внятно: – Не ведал я, что ты подсел на эманации чужих душ. – Обернулся назад и вскинулся, пытливо уставившись в лицо Рамона: – Неужели ты сам не знаешь, насколько это опасно? Особенно для огненных? Это же похлеще любого наркотика!

– Не твое дело, старик, – надменно уронил разъяренный огненный. Показательно чиркнул по горлу. – Эта девка должна умереть, потому что я так хочу! И она умрет! А после я создам себе новую огненную...

На следующий день я послала к Вольдемару в офис корзину цветов, ручку «Паркер» и пространное письмо с извинениями и просьбой позвонить в любое время.

Любое время настало через пять минут после доставки.

Вольдемар мужественно стонал. Я искренне извинялась и заверяла его, что мой дом открыт для него всегда и я предупредила свою горничную. Теперь она будет сдувать с него пылинки...

Вольдемар чуть не умер... по телефону. Я извинилась и поправилась: мол, Натка будет с ним сама доброта и предупредительность. На том и расстались. Вольдемар пообещал зайти на днях. Когда сможет ходить прямо. И в свою очередь извинился, что в связи с травмой он, дескать, сейчас плохой собеседник.

Повесив трубку, я с недоумением посмотрела на тайно злорадствующего Диего:

- У меня провал в анатомии. Какая связь между языком и пахом?

- Оба члены, - равнодушно пожал плечами телохранитель, делая вид, что он читает что-то на планшете.

- Логично! - не могла не согласиться я.

На следующий день увезли на дрессировку Сапфиру и Марику. Девчонки были в восторге и обещали прислать подробный отчет.

Лёна сообщила, что пошло шебуршение по всем каналам и началась проверка девочек на предмет похищения и дальнейшей продажи. Работотворцев остро интересовал вопрос: будут ли их искать? Тщательно изучался круг друзей и знакомых. Отрабатывались возможные родственники.

- Представляешь, - хихикала по телефону Лёна, - они к их бабкам заявили!

- И что? - встревожилась я. - Какие-то проблемы?

- Да никаких! - задышалась от смеха подруга. - Одна сообщила: «Шалавы, как есть шалавы! Кофу пьют, спину не гнуть, поклоны не бьют! Антихристики!» А второй божий одуванчик поморгала и поинтересовалась: «Это кто? А-а-а, жилички. Хорошие деточки. Кофу дают, спину не гнуть, поклоны не бьют!» У мужиков случилось короткое замыкание в мозгах.

- Соседей опрашивали? - перебила я ее.

- Конечно! - фыркнула Лёна. - Один из засланцев пытался выговорить: «Вы знаете Марику Корлеоновну Мюллер?» Как ты думаешь, что ему ответил юный вундеркинд?

- И что? - хохотнула я, примерно представляя себе эту картину.

- Подросток подергал себя за вихор и сказал: «Конечно! Она обычно в «Элефанте» тусуется с Айсманом и Хагеном».

- Какой умный мальчик! - тихо порадовалась я за нынешнее молодое поколение. - Начитанный.

- Угу, - фыркнула Лёна. - Пацанчик потом во дворе друзьям рассказывал: «Это какую же травку надо курить, чтобы на голубом глазу придумать отчество - Калмухамбетовна?»

Я не выдержала и громко расхохоталась. Мне вторила Лёна и весь офис.

Проверив обстановку, наши работотворцы-злоумышленники, на самом деле - будущие жертвы двух эфиристок (лично изобретенный термин Натки - эфирные аферистики!), пошли дальше по государственным учреждениям. Все пока проходило достаточно гладко.

Вскоре девочки прислали очередной диск. Я откровенно пожалела, что нельзя выложить на YouTube это видео. Смех бы выкосил полстраны.

Для начала всех будущих звезд и звездук... борделей завели в подиумный зал. Сапфира и Марика мгновенно потерялись среди леса стройных ног голенастых высокорослых соперниц. Но их это мало впечатлило.

Когда одна девушка, сморщив носик, с тщательно отмеренной долей презрения

спросила:

- И что же вы собираетесь рекламировать... с вашим-то росточком?

Марика, ничуть не смущаясь, бодро отрапортовала:

- Резинки больших размеров. На нашем фоне они будут выглядеть просто устрашающе!

Диего на просмотре этого кадра чуть не отломал ручки у кресла. К дальнейшему просмотру мы вернулись только минут через пять, когда он выдул пару литров воды и чутко отдышался.

На экране смазливый мальчик, хм... не той конфигурации, высоким голосом объяснял правила постановки ног и кокетливо покачивал тощими бедрышками... Пока к нему не подошла сзади Сапфира.

Девушка посмотрела на мельтешащую костлявую попку, повторила движения. Подумала, хлопнула преподавателя по плечу и спросила:

- Для того чтобы так вертеть тазом, шланги будут выдавать? А то у меня центр тяжести смещается.

«Мальчика» непонятной ориентации вывели под руки в полуобморочном состоянии...

В зал ворвался потный дядя и, минуя микрофон, громогласно объявил:

- Занятия пока окончены. Всем пройти на фотосессию!

Диего остановил видео, повернулся ко мне и спросил:

- Может, вообще ничего предпринимать не будем? Если эфиры там побудут неделю - бастион падет сам. Никто просто не выживет!

- Нельзя быть таким жестоким! - укорила его я, отбирая пульт управления.

Просмотр продолжился.

Двойник предыдущего преподавателя скакал вокруг Сапфиры в открытом купальнике и щелкам фотоаппаратом. Девушка сексуально выгибалась.

- Еще чуть-чуть назад, - попросил фотограф. - Еще... еще... еще...

- Слышь, ты, недо-Саудек! - рыкнула Сапфира, стоя на одной ноге почти на мостике. - Если ты меня еще больше согнешь - я тресну!

- Тело человека очень гибкое, - привычно возразил ей профессионал, увлеченно моргая темными округлыми зенками и непрерывно щелкая затвором. - Не треснешь!

- Ты не понял! - выпрямилась девушка с нехорошим блеском в глазах. - Я тебя тресну!

Фотограф немного побледнел и позвал следующую.

Я тихо жалела персонал под неумолчный ржач Диего.

- Очень жаль, что у вас маленькая грудь, - вздохнул фотограф, уже осматривая Марику.

- А так? - Девушка мгновенно увеличила себе бюст на два размера.

Фотограф перестал подавать признаки жизни.

- Первый был крепче! - обиженно надулась девушка-эфир и вызвала охрану, предварительно вернув себе прежние размеры.

В зал опять ворвался потный дядя и объявил:

- Фотосессия пока закончена! Всем на примерку!

На мою руку легла смуглая мужская рука и отобрала пульт.

– Мне нужно отдышаться, – заявил багровый Диего. – Я только зритель, но уже впечатлен.

– К вам тут гость! – заглянула в гостиную Натка. – По домофону звонил. Через полчаса будет.

– Почему через полчаса? – изумилась я. – Тут дороги на десять минут.

– Так пока доползет! – хмыкнула хранительница. – Чудом... – Намекнула: – За все цепляясь!..

Минут через двадцать раздался звонок, и нас посетил Вольдемар в темно-синем костюме в малозаметную издали мелкую светлую полоску. Кажется, такая расцветка называется не то «чикагский дождь», не то «огни Чикаго»? Забыла. Вроде бы костюмы в такую полоску на темном фоне носили в кровавые тридцатые бутлегеры. Да-а... показательно.

Я специально для Вольдемара приделась в облегающее синее кружевное платье, спереди до колена, сзади – длинное. По каковому случаю огребла неодобрительный взгляд телохранителя. Он у меня ревнивее иного законного мужа. Не испанец, а ревность ходячая, даже смешно иногда становится!

При виде будущей и настоящей жертвы я весьма расчувствовалась. И впрямь трудно сдерживать бурную радость при мысли, сколько еще получит эта сволочь!

– Вы беспримерно благородны! – восторгалась дама. – Как любезно с вашей стороны преодолеть все преграды и все же найти время для визита!

Мы зашли в гостиную. Вообще-то наша квартирка не так чтобы огромная. Для проживания бизнесвумен довольно скромная, для старой советской застройки – средних размеров. Семьдесят пять квадратных метров. Раньше такое считалось за роскошь, по нынешним временам для богатого человека – смех. Ну да я не гордая. Ночь-другую с Наткой и Диего перекантуюсь.

Я гостеприимно предложила Вольдемару присесть. Блондин опасливо покосился на диван и уселся в одно из кресел.

Мы еще немного друг другу поулыбались и обсудили погоду.

Натка вкатила сервировочный столик с закусками и напитками. Увидела Вольдемара и всплеснула руками.

– Что ж вы, барин, так неудобно сидите?

Хранительница резво подскочила к блондину и нажала на скрытый рычаг сбоку кресла, предназначенный для откидывания спинки и выдвижения панели для ног. Реклайнер резко дернулся и сработал катапультой.

Вольдемара перевернуло назад и придавило креслом. И тишина... Хотелось добавить: «И мертвые с косами стоять!..»

– Как ты думаешь, – повернулась я к довольной домохранительнице, – он жив?

– Такие не умирают, – решительно сложила на груди руки Натка. – Даже после ядерного взрыва на Земле останутся клопы, тараканы и Вольдемар!

– Диего! – громко позвала я телохранителя. – У нас тут проблемы!

Мужчина заглянул в комнату, весело хмыкнул и подчеркнуто доброжелательно предложил позвонить в «Скорую помощь». Нам предложил. Сослался на то, что он не может – его акцент дежурного оператора напугает. Хитренький!

Я тяжело вздохнула и набрала номер.

– Здравствуйте, не могли бы вы прислать машину «Скорой» по этому адресу... Что случилось? Мужчина под кресло попал. Нет. Не знаю. Лежит тихо. Нет, лица не вижу. Нет, я не могу описать его состояние и вид. Хотите, опишу кресло? Фирму, марку, год выпуска?.. Нет? Двинуть?! Зачем?! Это такой метод приведения в сознание? А-а-а...

сдвинуть кресло... – Я умоляюще посмотрела на Диего. – Они просят описать внешний вид пострадавшего.

– Скажи «раздавленный», – ласково посоветовал испанец, присаживаясь на корточки и заглядывая под мебель.

– Он – раздавленный, – послушно сказала я оператору. – Синий? Или красный? А какая разница? Если синий, ехать не надо? А красный?..

Диего сдвинул кресло и похлопал Вольдемара по щекам. Пострадавший вытянулся, застонал и задергался.

– Он дергается! – радостно сообщила я «Скорой». – Нет, пена изо рта не идет. Нет, головой не бьется. Нет, у него только ноги дергаются! Не по вашему профилю? А по какому?

Я растерянно посмотрела на Диего и Натку:

– Они сказали – нужно звонить в труповозку. Все симптомы подтверждают смерть. Посоветовали не дожидаться трупного окоченения...

Вольдемар застонал и сел, держась руками за голову.

– Не окоченел, – оскорбленно поджала губы Натка. Сплюнула: – Сплошное разочарование, а не мужик! Хоть бы раз выполнил то, на что заявку подавал! – И выплыла павой из комнаты.

– Вы как себя чувствуете? – присела я рядом с блондином сестрой милосердия. – Что-то болит?

– Где я? – открыл Вольдемар мутные очи. – Вы кто?

– Я – просто Мария, – нежно улыбнулась я. – Это Диего. А на кухне Натка скалку ищет...

– КТО-О-О?!! – подпрыгнул Вольдемар. – Ваш домашний киллер?!! – С криком: – Мне пора, я пошел! – он попытался встать на ноги.

Не удалось.

– Могу я попросить вызвать «Скорую»? – прошептал блондин, стараясь оторваться от моего ковра.

– К сожалению... – расстроилась я. – По этому адресу они могут прислать только труповозку.

– Мерси. – Вольдемар стал такой же синий, как преподаватель походки у эфиров. – Не надо. Я уползу. – И ведь пополз!

При этом способе передвижения оказалось, что с преподавателем у них есть еще что-то общее.

Я честно пыталась помочь. Даже порывалась подставить дружеское плечо. Но Вольдемар упорно полз на выход, не сбиваясь с курса.

– Вам ботинки почистить? – нарисовалась из кухни предельно доброжелательная Натка с кухонным тесаком. – Я мигом!

– Не надо, – на последнем издыхании прошептал Вольдемар и начал биться головой во входную дверь, прорываясь на выход.

– Она открывается в другую сторону, – любезно сказал Диего с искренним сочувствием на смуглом лице. И дернул дверь на себя. Вольдемара смело...

– Я в «Скорую» звонить больше не буду! – взорвалась я. – Сам звони!

– Давайте так закопаем? – скромно предложила Натка и просяще посмотрела в мою сторону. – У меня есть большие мешки белого цвета. Ему будет приятно!

- Да живой он, - заверил нас Диего, обращая внимание на ползущего к свободе Вольдемара. Стиснув зубы, из последних сил блондин преодолевал препятствия. Наконец он переполз долгожданный порог, радостно обняв руками коридорную плитку, выдохнул: «Свобода!» - и потерял сознание.

- Давайте занесем его обратно, - выдала я предложение. Эмоционально, с надрывом: - Нельзя же его так оставлять!

- Бедолага! - Диего глянул на меня с укоризной, грустно вздохнул и взял Вольдемара за ноги, намереваясь втянуть того обратно в помещение.

Блондин внезапно ожил, вырвался, вцепился в перила и каким-то чудом просунул голову между прутьями.

- Оставьте меня здесь! Я хочу умереть один!!!

- Не выкобенивайся! - грозно сказала Натка, подходя к мученику и закатывая рукава. - Сказали - обратно, радуйся, что позвали! - И дернула блондина за шею.

Вольдемар откинулся. Неужели помер? Все присутствующие склонили головы.

Тихий стон.

Я вздохнула, подошла к соседской двери и позвонила. На звонок вышел молодой мужчина в спортивном костюме и радостно улыбнулся, рассматривая хорошо знакомую соседку.

- Мария? Чем могу помочь?

Ну, теперь Вольдемар в надежных руках! Кавалерия прибыла!

- Вызовите, пожалуйста, ему «Скорую», - показала я пальчиком на Вольдемара.

Сосед Евгений окинул взглядом меня с головы до ног и молча удивился.

- А то парамедики не хотят ко мне ехать...

Евгений спал с лица, внезапно задумавшись - а почему не хотят? Но телефон все же вытащил и вызвал.

- Спасибо! - радостно прошептала я. Утешила милосердного благодетеля: - Теперь его смерть будет на вашей совести! - И ушла домой, опасаясь добить Вольдемара сочувствием, если, не дай бог, останусь рядом.

- Видео будем смотреть позднее! - сообщил мне Диего, скрючившись от хохота и стремительно багровея. - Иначе мне тоже понадобится труповозка!

- Тебя им не отдам, самой нужен! - серьезно сказала я и пошла пить кофе.

Глава 10

Душа болит, а сердце плачет.

Налей сто грамм и дай им сдачи!

– Смотри, какие цветы! – Мне на колени упала целая охапка полевых цветов: лютики, васильки, ромашки, даже пара одуванчиков.

– Красивые, – безучастно сказала я, смахивая цветы с коленей на землю. – Зачем они мне? Я умерла. Меня больше нет. Сгорела.

Мигель встал рядом на колени, обхватил мое лицо ладонями и заставил смотреть на себя.

– Глупости! Красивой девушке нужны цветы! Потому что ты – это ты. – Синие глаза заглядывают в самую душу. – Потому что ты живая. Потому что лето. Потому что я тебя люблю!

Большие сильные руки обнимают плечи. И горячие, сладкие, требовательные губы на моих губах, от которых тает стылый лед на сердце...

Мир подернулся влажной пеленой.

– Ты не создана для этого. – Убеждающий голос Мигеля из-за моей спины.

Его смуглая рука ласково поглаживает грудь. Ощущение твердого горячего тела, прижатого к моему. И внутренний покой, как будто я дома.

– Я согласилась, – ответила ему. Ум противоречит, а тело придвигается еще ближе, стараясь раствориться в нем.

– Ты не знала, на что соглашаешься, – говорит мужчина, спускаясь ниже и лаская живот. – Это не по закону. Тебе никто этого не рассказал.

– И что ты предлагаешь? – Я жмурюсь довольной кошкой, чуть ли не мурлыкая под ласками.

– Я спрячу тебя от Рамона, – заверяет Мигель, переворачивая меня на спину. – А потом найду способ избавить тебя от этой грязной и совершенно неженской работы.

– Почему? – прикасаюсь к его лицу кончиками пальцев.

– Потому что я люблю тебя! – И снова синие глаза заглядывают в душу.

Мир снова стал нечетким.

– Ты ее не тронешь! – кричит Мигель, загораживая меня от разъяренного Рамона.

– Она моя по праву создателя! – рычит озверевший мужчина, пытаясь достать меня огненным кнутом. – Она принадлежит мне!

– Она никому не принадлежит! – И Мигель бросается под кнут, закрывая меня собой.

– НЕ-Э-ЭТ! – несется по всей пещере мой крик, когда он падает. – НЕ-Э-ЭТ!

Телохранитель с трудом поворачивает голову, ищет меня взглядом. Синие глаза требуют, умоляют, заклиная: «Беги! Спасайся!» Внутри разливается дикая душевная боль.

– Мигель! – упала я рядом с ним на колени. – Не надо! Не умирай!

– Я люблю тебя, – еле двигаются пересохшие губы.

Мир вокруг погружается в темноту.

– Смотри! – держит меня за волосы Рамон. – Любуйся на своего защитника,

потаскушка.

– Отпусти его, – умоляю я. – Отпусти! Я сделаю все, что ты хочешь!

– Неужели? – гадостно улыбается мой жестокий создатель-тиран. – Какое заманчивое предложение. – И опускает свой кнут.

У Мигеля загораются руки. Ноги. Язычки пламени спокойно шипят на голой коже живота и груди. Он кричит, сгорая заживо.

Расширенными от ужаса глазами я вижу страшное аутодафе, изо всех сил пытаюсь отозвать, оттянуть на себя маленьких огненных убийц. Но мой создатель намного старше, опытнее. Он несотворенный высший. Я не могу с ним тягаться в том, чему он посвятил свою многовековую жизнь. Это выше моих сил.

Мои жалкие потуги лишь затягивают жуткую, невыносимую пытку. И я отступаюсь, сначала полностью истощив свою способность повелевать огнем. У меня из глаз текут кровавые слезы, ноги подламываются.

– Не смей, – из последних сил хрипит, дергается в железных путах Мигель. – Не смей ему уступать! Не предавай меня!

Взгляд синих глаз выворачивает душу. Изнутри меня выжигает мое личное пекло.

– Так что? – поднимает мой подбородок оскалившийся Рамон, заставляя смотреть на себя. – Ты согласна?

– Нет! – надрывный крик Мигеля. – Скажи ему «нет!». Не предавай меня, любимая!

Рамон швыряет ему в лицо огненный сгусток. Нет больше синих глаз... У меня больше ничего нет...

– Так что, puta? – ухмыляется мучитель. – Что скажешь... дорогая?

– Нет! – произношу я онемевшими от невыносимой муки губами. – Будь ты проклят!

– Глупенькая! – приближается он к моему лицу. – Проклята будешь ты!

Шквал огня, охвативший Мигеля.

Безумный жар, запах паленой плоти. Пепел, еще сохраняющий форму тела...

Меня больше нет... Я умерла вместе с ним... И вернулась без него...

Миге-э-э-эль!!!

– Тсс, моя хорошая, – сквозь сон тормозят меня чьи-то руки. – Не кричи. Успокойся. Все хорошо. Я рядом.

На минутку я потеряла ориентацию. Голос любимого, его запах, сильные мужские руки. Как это возможно? Я сошла с ума?

– Мигель? – Не поднимаются тяжелые, опухшие от слез веки.

– Диего, – на грани слышимости. – Кто такой Мигель?

– Не важно. – Меня била крупная нервная дрожь. – Он умер. А я не могу больше вспоминать.

– Все хорошо, – повторял Диего как заклинание, пока, словно маленького ребенка, укачивал меня на руках, закутав в одеяло. – Все в прошлом.

Что-то во мне радостно отозвалось на его слова. Да, все в прошлом... Я так устала быть одна. Бороться с темнотой внутри себя. Нести карающий свет. Я устала и могу позволить себе забыться. Смертельно хочу забыться...

Обхватив сильную шею мужчины, я уткнулась в его обнаженный торс, втягивая ноздрями ставший таким родным запах.

– Не отпускай меня, – жалобно попросила, выпуская свою тоску, свою жажду на волю. – Хотя бы на эту ночь!

– Не отпущу. – Диего спрятал лицо в моих волосах. – Только уже утро. И твой сон ушел, растаял, исчез.

– Утро, – скривилась я, не желая оторваться от него и встречать новый день. – Кому нужно это долбаное утро?!

Диего развернул меня, взял мое лицо в ладони и заглянул в глаза.

– Тебе нужно. Потому что ты – живая...

– НЕТ! Не надо! – вырвалась я из его рук, зажимая уши.

Меня затрясло. Опять! Опять эти слова! Не могу их слышать! Не хочу!

Диего оторопело наблюдал за моими метаниями:

– Что слу?..

Всклипнув, приложила палец к его губам.

– Тсс! Молчи! Молчи, слышишь! Ничего не говори! Только ничего не говори! – И в слезах убежала в ванную.

Спустя какое-то время в дверь ванной постучался Диего и обыденным тоном сказал:

– Не знаю, будет ли тебе интересно, но сосед приклеил на дверь записку, что Вольдемара с куском перил увезли в городскую больницу...

Я мгновенно успокоилась. Дело есть дело. Ну ее, эту любовь, одни неприятности и боль. Работа гораздо важнее.

– Зачем ему перила? – удивилась я, натягивая шелковый халатик и распахивая дверь. – На память, что ли? Их можно было спокойно разжать и вытащить этого остолапа!

– Подожди! – довольно ухмыльнулся Диего. – Сосед написал, что ребята из МЧС так и сделали, но Вольдемар снова запихал туда свою башку. И так тринадцать раз. После чего спасатели взбесились и просто вырезали кусок перил вместе с ним, чтобы сэкономить время. Хотя были желающие сэкономить время и сразу уронить его с этими перилами вниз.

– Передай йогурт и мюсли, пожалуйста, – попросила я телохранителя. – Бедные малышки, – посочувствовала я МЧС. – Наверное, нужно оплатить ремонт?

– Не-а, – еще шире ухмыльнулся испанец. – Перила уже оплатил ваш сосед с нижнего этажа. Всю секцию. Когда его разбудили звуки ножовки по металлу и визг болгарки после трехнедельного празднования отъезда тещи в санаторий, а жены на море, то мужик вышел с пачкой баксов и попросил вырезать все, и как он выразился: «Чтобы этого урода было на чем нести на кладбище!»

– Предусмотрительно, – улынулась я, протискиваясь мимо Диего в комнату, чтобы одеться чуточку поприличней, и обратно на кухню. – Что-то еще?

– Да. – Мужчина последовал за мной. Налил себе и мне кофе и продолжил: – «Скорая помощь» отказывалась принимать пациента у МЧС в таком виде, отнекиваясь, что он по ширине не войдет в машину.

– Передай сахар, пожалуйста, – попросила я телохранителя. Заинтригованно: – И что?

– Спасатели хотели отрезать лишнее, – засмеялся мой кабальеро. – Но мужик – «привет из запоя!» – зорко следил за своим оплаченным требованием. Тогда ребята попытались сложить перила «гармошкой» с помощью кувалды.

– Ого, – добавила я молока в кофе. – Вольдемар оглох?

– Нет, – с глубочайшим сожалением ответил испанец, потирая висок пальцами. – Всего лишь начал заикаться и приобрел полезную способность организма отдавать лишнее, не дожидаясь, когда оно накопится.

Я хмыкнула, пригубив напиток.

А Диего с удовольствием продолжил эпическую сагу:

– Жилец с первого этажа, под окнами которого «Скорая» и МЧС комплектовали клиента, так возбудился, что вышел и подарил Вольдемару лопату, пожелав тому пуховой земли и глубокой ямы. Тот же самый жилец изъявил желание протянуть руку помощи пострадавшему и принес для этого топор.

– Вольдемар выжил? – деловито поинтересовалась я.

– Частично, – кивнул Диего, намазывая себе тост плавленым сыром и укладывая сверху тонкий ломтик красной рыбы с огурцом и томатом. – На какую часть – точно не скажу, но свидетели утверждают, что у него подмигивал правый глаз и подергивалась левая нога. С легкой обидой: – Этот ушлепок отличается потрясающей живучестью!

– Что же я должна ему подарить, – вздохнула я, отбирая тост. – Мняфф! Чтобы сгладить это неприятное происшествие?

– Гранату с выдернутой чекой или хорошего личного психиатра, – посоветовал испанец, намазывая себе второй тост, на этот раз с ветчиной и салатом. – Если не убьет осколками, то покалечит таблетками. – Хохоча во все горло, отодвинулся на безопасное расстояние.

Кажется, этим утром брюнет поклялся окончательно вывести меня из себя и теперь щеголял в полурасстегнутой черной шелковой пижаме, которая давала богатый простор воображению.

Мое выражение лица Диего не понравилось, и он благоразумно отодвинулся еще дальше от меня и поближе к двери. Но я мужественно отбросила носочком ноги вопящее либидо и вернулась в суровую реальность.

– Думаешь, это поможет выполнить задание? – усомнилась я.

– Тут одно из двух, – логично высказался бодигард с проскакивающей чертовщинкой в глазах. – Если это окончательно не сведет мужика с ума, то добьет окончательно.

– Всем привет! – На кухню заскочили растрепанные Сапфира с Марикой в привычном прикиде не то панкующих готок, не то готирующих панков и начали шариться по шкафам.

– Почему вы здесь? – подняла я брови. – У вас же занятия вроде?

– Преподавателей и фотографов на курсах больше не осталось, – радостно сообщила Сапфира. – Всех извели под корень. Последний не пережил подробного доклада Марики о совершенствовании методов расчета протяженных заземлителей электроэнергетических объектов при синусоидальном и импульсном токах.

– А какой предмет он преподавал? – полюбопытствовал Диего.

– Как нужно завязывать беседу. – Марика вытащила ванильное мороженое и уселась на стол для готовки, черпая ложкой прямо из пластиковой коробки.

Я закашлялась, поперхнувшись завтраком.

– Он меня спросил: «Какой вопрос вы можете задать мужчине, если хотите завязать с ним беседу?» Я ответила: «Как вы думаете, при использовании какого вида тока – импульсного или синусоидального – важнее всего совершенствовать методы расчета протяженных заземлителей электроэнергетических объектов? И на чем базировать расчет импульсов прямого и наведенного токов грозового разряда и частотный анализ

импульсных токов?»

- И какой ответ на данный вопрос ты получила? - отобрала я у нее коробку и разложила мороженое в блюдца.

- Не знаю, - пожала худенькими плечиками девушка, притягивая к себе тарелочку с лакомством. - Он до сих пор думает.

- Я бы тоже не сразу ответил, - признался Диего, глядя на эфиров с уважением.

- И все же, - постучала я пальцами по столешнице. - Зачем вы здесь?

- Ну, во-первых, мы хотели спросить - чем вы так отоварили Вольдемара, что он по телефону икает словами? - хихикнула Сапфира.

- Наткой, - проказливо ухмыляясь, скромно призналась я. И потупила глазки.

Теперь закашлялись девушки.

- Весомо. Даже нам не по себе становится, - единодушно согласились они. - Надо будет совместно отметить ее боевые заслуги.

- А во-вторых, нас сегодня ночью будут похищать, - радостно сообщила Марика. - Так мы хотели уточнить - тихо похититься или попутно чего-то разнести?

- Лучше тихо, - подумав, сказала я. - Разнесете потом, на месте. А почему такая спешка?

Я обернулась к Диего, и мы вместе, в один голос произнесли:

- Рошан!

Глава 11

Шест да шест кругом. Путь далек лежит.

На пилоне том девка-динамит...

- Ага, - счастливо кивнула Сапфира. - Этот татуированный павлин-мавлин будет сегодня встречаться с покупателями в клубе «После первой звезды».

- Забронируй места, - повернулась я к Диего. - Пора посмотреть на него поближе.

- Не могу, - виновато развел руками телохранитель. - Это мужской клуб. Тебя туда не пустят.

- Чего расселись задницами на столе? - В кухню ворвалась Натка и схватилась за полотенце. - Стульев на всех не хватает?

- Боимся, чтобы ты нас, как Вольдемара, не уделала, - хихикнула Марика. - Вдруг они у тебя тоже с подвохом?

- Я вас и так успокою, если понадобится, - подобрела хранительница при напоминании о воспитании ретивого. - Это ж как вокруг пальца обвести!

- Вокруг пальца... - задумалась я. - Интересная идея.

- Нет! - взорвался Диего. - Никаких идей. Я сам пойду!

- Слышь, итог корриды, - оскалилась Натка. - Там тебя так и ждали! Прямо ковровую дорожку расстелили и глаза просмотрели - когда ж это к нам дорогой Диего за сведениями придет!

- Она права, - вздохнула я. - Пойду я.

- Нет! - воспротивился брюнет, конвульсивно стискивая пальцы. - В каком качестве ты туда пойдешь?

- Стриптизерши, - улыбнулась я. - Только в этом виде я смогу подойти на достаточно близкое расстояние.

- Ты будешь там... - запнулся телохранитель. - Ну... обнажаться?

- Я буду там работать, - посмотрела я на него с усмешкой. - И обнажаться в том числе. А ты останешься дома.

- Нет! - выдавил сквозь зубы любимое слово Диего. - Я буду там как зритель... черт! Посетитель... клиент.

- Смотри, не увлекайся, - посоветовала Натка, выпроваживая с кухни эфиров. - А то понравится.

- И вообще, там может быть опасно, - начал усиленно стращать меня мужчина. - Вдруг там будет Вольдемар...

- Не будет, - крикнула хранительница. Твердо: - После моих процедур сразу не встают! Проверено! Сегодня этот имплантат человека будет осмысливать - есть ли у него еще что-то нетронутое.

- И что? - встряла Сапфира. - Есть?

- Конечно, - фыркнула хранительница. - Мозжечок. Но когда он его еще найдет!

- Мария, - навис надо мной Диего, - ты сильно рискуешь!

- Чем? - вылупилась я на него.

- Жизнью, - тихо пояснил мужчина, отводя от моего лица вьющуюся прядку. - Своей жизнью.

От него пахло морем и нагретым солнцем пляжем. Мигель! Вылитый Мигель! Если закрыть глаза – не отличить.

Внезапный сильный порыв узнавания заставил мое сердце заколотиться. Сцепив зубы, я проглотила рвущийся скулеж. Больно. Как больно! Это уже было когда-то и очень плохо кончилось. На глазах появились слезы. Я мобилизовала все свои силы, чтобы не выказать страдания и не поддаться разрушительному чувству.

– Работа у меня такая, – отодвинулась от него я. – И мне ее нужно выполнить, потому что лично мне жалко тех девочек, которых продают в бордели и которые не доживают там даже до двадцати пяти.

– Мне тоже их жалко, – так же тихо сказал телохранитель. – Но ты идешь на самоуничтожение...

– Все! – хлопнула я по столу ладонью. – Вопрос закрыт!

– Тут тебе звонят, – принесла Натка мой телефон.

Я облегченно перевела дух, на секунду отвернувшись, тайком утерла слезы и занялась более насущными вопросами.

– Да, Лёна? – ответила на звонок. – Откуда ты знаешь? А-а-а, эфиры заходили... Да, интересует...

– Нет! – рыкнул в трубку Диего. – Вытрясание нижнего белья ее не интересует!

– Не слушай его, – прикрыла я трубку ладонью. – Он бесится потому, что ему не дают там поработать. Ага. Только мужчина раз в жизни настроился прилюдно раздеться – оказалось, там натуралы.

– Дуры! – прошипел телохранитель и выскочил из кухни.

Я проводила его напряженным взглядом и обратилась к Лёне:

– А теперь серьезно. Как и когда?

Выслушав инструкции, я отправила Натку в спецмагазин за рабочей одеждой, а сама села просматривать записи подобных выступлений в Интернете. Должна же я иметь представление о необходимых телодвижениях...

Через три часа вернулась возмущенная Натка, потрясая пакетами.

– Нет, вы только подумайте! Какое хамство!

– Что случилось? – высунулась я в прихожую, дожевывая яблоко.

– Захожу я в магазин, – негодовала хранительница, – и спрашиваю: «Где у вас тут одежда для стриптиза?» Поворачивается ко мне молодой хлыщ, типа секьюрити, окидывает меня убийственным взглядом и заявляет: «Спортивные рюкзаки, тетенька, в соседнем магазине!»

Из-за полуоткрытой двери в комнату Диего донеслось сдавленное хрюканье. Натка бросила в ту сторону разъяренный взгляд и продолжила:

– Я его, сопляка, взяла за шкурку. Подняла. Лицом к ассортименту повернула да и вежливо попросила: «Если ты мне, милый, сейчас направление не покажешь, то я своим «рюкзаком» твой «прыщик» так придавлю, что потом зеленкой не замажешь!»

Хохот стал громче.

– Показал? – любопытствовала я, принимая пакеты.

– Куда б он делся? – фыркнула Натка, надевая свой любимый фартук-бронезилет с множеством карманов. – Не только показал, но и предложил сам померить.

Диего уже ржал не сдерживаясь. Смеялся так, что с характерным звуком бился головой

о притоку.

- На себя? - не поняла я. - Мужчина?

- Да какой он мужчина! - махнула рукой хранительница. - Так, пшик один. Покрепче к стенке прижала, и все - «пустите, тетенька, я больше так не буду!» Расстройство одно. Сам здоровый, а толку с того - ноль.

- В смысле? - уставилась я на нее.

- В смысле - не знает, ни как лифчик застегивается, ни как на каблуках правильно ходить, - поведала Натка, направляясь на кухню. Презрительно: - Щенок! Молокосос!

- Диего, - заглянула я в комнату телохранителя, который уже рыдал, уткнувшись в подушку, - а ты знаешь, как ходят на каблуках?

- Нет, - выдавил из себя мужчина, утирая слезы. - Не довелось...

- И ты молокосос! - непрошеной вошла в нашу беседу хранительница. - Настоящий мужчина должен уметь все!

Я упала на кровать рядом и, чтоб явно не заржать, покусала вторую подушку. Натка очень обижалась, если ее умные советы или замечания игнорировались или высмеивались. Ссориться же я с ней не хотела по причине глубокого уважения и громадной признательности.

В самом деле, все сложности домашнего хозяйства хранительница с показной легкостью тянула на себе, не жалуясь. Лишь изредка позволяла себе редкие развлечения. Так что Вольдемаром я пожертвовала сознательно. Должна же я была сделать Натке приятное! Тем более что и себе тоже. Чуть-чуть.

- Прекрати так громко ржать! - ткнула я Диего в бок. - Не обижай нашу славную хранительницу.

- Не могу, - задыхался мужчина. Изобразил руками: - Я представил секьюрити в лифчике и себя на каблуках. Один в психушке, другой - в больнице! Зато Натка счастлива... Ой, не могу!

- Развлекайся, - милостиво разрешила я, чуток отдышавшись. - Надумаешь - приходи. Дам поносить каблуки в обмен на Victoria's Secret.

- Не выйдет, - снова закатился хохотом Диего, утирая выступившие слезы. - Это я как настоящий мужчина тоже должен научиться носить!

- Удачи, - злобно пожелала я и пошла разбираться с покупками.

Спустя пять минут

- Натка! - заорала я, крутя в руках два предмета непонятного назначения.

- Чего? - появилась хранительница.

- Ты мне можешь объяснить, что это такое? - недоумевала я, рассматривая миниатюрные конусы в стразах.

- Могу, - фыркнула Натка. - Могу даже показать, но мой бюст это не прикроет.

- Ты хочешь сказать?.. - икнула я, вытаращив глаза.

- Сказала уже, - кивнула женщина. - Еще вопросы есть?

- Два, - ответила я. - Во-первых, почему к мини-комбинезону приделан этот гофрированный шланг?

- Это не шланг, - индифферентно пояснила Натка, копаясь в последнем пакете. - Это

хвост. А вот рога, – протянула она мне пару кривых коровьих рожек на обруче.

– Я что, буду коровой? – озадачилась я.

– Нет, – улыбнулась хранительница. – Чертом.

– С такими рогами, – упрямилась я, – можно быть или идиоткой, или коровой!

– Будешь идиоткой! – подал голос активно подслушивающий нашу перепалку Диего. – Если туда пойдешь...

– Фетишистам слова не давали! – рявкнула я. – Еще один звук – и вся моя коллекция нижнего белья будет на тебе, причем сразу!

– Второй вопрос, – уставилась на меня хранительница. – А то у меня там мясо сгорит.

– Зачем ты купила кнут, плетку и стек? И еще кое-что наподобие наручников? – вымученно воззрилась я на нее. – Это теперь у стриптизерш такая мода?

– Мальчик заявил, что мне это просто необходимо как доминантке, – деловито пояснила Натка.

Мне резко поплохело. Мама родная! Спасите нас от доброхотов, от врагов спасемся сами! Очень, очень скверная идея. Натка – дама строгая, у нее не забалуешь.

– Сказал, моя функция, – закончила домовиха.

– Да? – изумилась я и встретила серьезный, без капли юмора взгляд. Смутилась. – О-о-о... извини, я не знала. Тогда забирай себе.

– Нет, – покачала головой хранительница. – Я эти прибамбасы покупала для тебя. Вот ты и пользуйся. А уж если что останется – принеси домой... Я Вольдемару подарю. Если выживет.

– Дурдом! Госпожа-домовая... – раздосадованно буркнула я, запихивая аксессуары чужой профессии в спортивную сумку. – Сказать кому – не поверят!

Через два часа вызвали такси, и я спустилась вниз, запахивая потуже летний тренч золотистого цвета.

Когда назвала таксисту адрес, то по его лицу расплылась масляная улыбка и маленькие глазки заблестели.

– Работать или на промысел?.. – со знанием дела подмигнул мне сальный толстячок. – Может, договоримся?

Я вытащила из сумки стек-ладошку и легко шлепнула его по лысине.

– Натюрлих! Айн, цвай, драй – штаны быстро скидывай!

Мы как-то на удивление очень быстро доехали до нужного адреса. Быстрее, наверное, было бы только на самолете или ракете.

Центральный вход в заведение только для джентльменов, сиречь обитель разврата, выглядел элегантно и вполне современно. Даже с претензией на архитектурность.

Приземистое одноэтажное здание было выдержано в бежево-бордовой гамме, хотя на входе, против древних устоявшихся традиций, фонари были не чисто-красные, а бордово-золотые. Массивные держки венчались гигантскими витражными вставками – перьями жар-птицы, а понизу светильники заканчивались шишкастыми желтыми шарами.

Окна сложной формы и огромная застекленная дверь с витражом и претензией на ретро только добавляли перчинки. При входе был организован золотисто-бордовый шлагбаум. На самом верху окон глаз невольно останавливался на красноречивом значке евро.

– Замысловато, – хмыкнула я, вскинула на плечо сумку и потопала к задней двери

для персонала.

Оборотная сторона жизни глаз не радовала. Ободранные стены, битый асфальт, вонючие лужи и остальные прелести.

Перепрыгнув через все мокрое и грязное, я подошла к стальному оплоту эротизма и уверенно нажала на звонок.

- Ты кто? - открылся глазок.

- Мия, - представилась я, поправляя сумку. - От Леопольда. На замену.

Дверь открылась, и здоровенная длань втащила меня внутрь. В полутемном коридоре, где, кстати, премерзко пахло, надо мной нависло гориллообразное подобие человека, чью человеческую сущность я опознала только благодаря наличию золотого зуба.

Мне еще не встречалась ни одна настоящая обезьяна с золотыми зубами. Так что будем условно считать эту особь человеком.

- Танцевать-то хоть умеешь? - хрипло поинтересовался дефектный андроид, ковыряя в золоте зубочисткой.

- Умею, - расцвела я улыбкой.

- А еще что умеешь? - обнаглела небритая рожа крокодила. - Очки сними!

Я одной рукой стянула черные очки, второй ухватила за то место, которым мужчины ходят в подобные заведения, и ласковым, можно сказать - эротичным шепотом сказала:

- Я много чего умею, красавчик. Здесь показать или сразу в больницу поедем?..

- Третья дверь направо, - пискнул усохший мамонт. - Переодевайся и в зал. Там твои выкру...

Я сжала посильнее.

- ...Танец Фарид посмотрит перед шоу.

- Уговорил, сладкоголосый! - улыбнулась я еще шире и сжала еще крепче. - Когда расклеишь то, что слиплось, - готовь бабки за сессию. Я дешево не беру! И только наличкой!

- А скока? - донеслось от пола.

- Ты сразу отбашляешь или в рассрочку? - подняла я брови. - Если вперед - то за минуту сто зеленых, если потом, то за секунду - две. С тебя, - я глянула на часы, - пятьдесят косых. После выступления зайду за расчетом.

В жуткой занюханной каморке я, матерясь и чертыхаясь, напялила на себя всю надлежащую униформу. Присела около мутноватого зеркала и нанесла яркую косметику.

- Как тебе идут рога... - раздался сзади голос Сапфиры.

- Каким ветром тут? - поинтересовалась я, поправляя подводку. - Что-то случилось?

- Не-а, - радостно ответила девушка, шарясь по карманам джинсового комбинезона. - Тут тебе Лёна подарки прислала...

- А Марика где? - спросила, промокая лишнюю помаду. - Вы же всегда вместе.

- Она сейчас за двоих отдувается, - хихикнула Сапфира. - Там все такие подозрительные стали, каждые полчаса в комнату заглядывают и пересчитывают - раз и два. Как будто завтра экзамен по математике.

- Понятно, - повернулась к ней я. - Так что Лёна передавала?

- Вот. - Девушка вытащила из кенгурушного кармана сверток. И внезапно пшикнула в меня чем-то с тяжелым восточным ароматом. Пока я откашливалась, эта негодница еще и за шиворот мне какой-то дряни капнула.

- Ты взбесилась? - вскочила я с места.

- Во! - порадовалась Сапфира, перемещаясь подальше. - Лёна так и сказала - может убить. А ты еще даже не узнала, в чем дело.

- В чем? - нахмурилась я, чувствуя, как по всей коже растекается какая-то пленка.

- На! - сунула мне в руки два пузырька Сапфира. И улетучилась на словах: - Там все написано, а мне пора. Марике я нужна живой!

Я глянула и обмерла. Вот две мерзавки! Такую неоценимую помощь мне оказали! Если выйду отсюда целой - не просто убью, а медленно! Оболью этой пакостью и в зоопарке с гориллами запру.

Эти добрые девочки облили меня феромонами, вызывающими дикое вожделение. Теперь каждый мужик просто не сможет спокойно пройти мимо!

- Лёна! - схватила я телефон. - Ты-ы-ы...

- Спокойно, - заткнула меня подруга. - Всё под контролем.

- Да?! - никак не могла я успокоиться. - Под чьим? И где ты взяла эту дрянь, скажи?

- Помнишь, у нас китайцы были по обмену опытом? - сообщила довольная Лёна. - Они в этом толк знают.

- Они - да! - рявкнула я шепотом, чтобы никто не услышал. - А ты - нет! Как я буду через сосновую рощу к Рошану подходить?

- А без этого тебя к нему и не подпустят, - спокойно парировала мелкая. - Даже с твоей внешностью и талантами. Потом спасибо скажешь!

- Если я успею сказать, а ты успеешь услышать! - заблокировала я телефон. - Все!!! Удружили, называется! Хана клубу!

Глава 12

Я его побила тем, что с собой было.

Я выскочила из каморки в жутком бешенстве. Цокая по мраморному полу коридора высокими каблуками копыт... красных туфель, помахивая хвостом и поправляя рога, я чувствовала в себе неистовое желание кого-то забодать.

- Где эта новенькая? - Впереди раздался раздраженный мужской голос с восточным акцентом. - Почему я должен ее ждать?

Я прибавила скорости и вылетела в центральный зал. На высоком барном стуле около стойки сидел высокий ширококостный мужчина с грубыми чертами лица восточного типа. Лет тридцати.

Знаю я этот типаж! У него все на лбу жирными буквами прописано! Холеный и вконец избалованный, не ставящий женщину не то что рядом, но даже на уровень своих шикарных ботинок.

- Я еще раз спрашиваю... - завелся он, поглядывая на дорогие часы. Обтягивающая фирменная футболка подчеркивала чуть обвисшее пузо. К тому же кто-то еще и утонул в узкие джинсы.

- Простите, - просияла я красным солнышком. - Я здесь.

- Как зовут? - осмотрел меня с ног до головы Фарид, прищуривая черные глаза.

- Мия, - отдала я диск с записью диджею. - Могу начинать?

- Куда ты торопишься, детка? - заворковал мужчина, расправляя плечи. Заиграл темными глазами. - Посиди со мной, расскажи о себе...

Началось. Впору петь романс «Очи черные». Интересно, я до стейджа дойду? Или так и паду здесь прежде времени героем эротических сражений?

- Мне бы все же хотелось... - потупилась я, поправляя рога.

- Дядя Фарид даст тебе все, что ты захочешь, - улыбнулся мужчина неожиданно белоснежной красивой улыбкой. - Иди садись, куколка.

Ладно, если что - рогами забодать!

Я надулась и, мрачно зыркнув исподлобья, поплелась к бару, подумывая, как долг будет путь наружу.

- Не дуй свои красивые губки, - засюсюкал Фарид. - Хочешь что-то выпить?

- Хочу, чтобы меня вытащили из памперсов, - пробормотала я, взгромождаясь рядом. - Можем мы поговорить конструктивно, но без рук?

- В смысле? - вытаращился на меня администратор.

- В смысле - как друзья, - вздохнула я и повернулась к бармену, который тоже унюхал феромоны и уже вливал третью бутылку джина в стограммовый бокал. - Минералку, пожалуйста.

- Не понял? - хлопал на меня длинными ресницами Фарид. - Как это?

- Это когда ты начинаешь на меня смотреть не с уровня коленок, а в глаза, - улыбнулась я, понимая, что минералки не дождусь не только я, но и все остальные посетители. Бармен изводил уже второй ящик. Подозреваю, ему полгода, а то и год это пойло отрабатывать придется.

- А зачем туда смотреть? - изумился администратор и попытался положить мне руку на колено.

Бармен демонстративно грохнул между нами бутылку шампанского.

- Не желаете? - улыбнулся светловолосый юноша, отпугнув начальника выстрелившей пробкой.

- Минералки, пожалуйста, - вздохнула я, постигая истину: если я выживу, то кто-то - нет. Естественный отбор по теории Дарвина. Либо бодаешь ты, либо тебя.

- Ты что творишь? - очухался Фарид, набрасываясь на бармена. - Вылететь отсюда хочешь? Да я сейчас тебя уволю!

- Давайте я все же покажу вам свой номер, - сменила я тему, спасая неожиданного защитника.

- Такая красивая девушка и так спешит... - вспомнил обо мне администратор.

И чего я под стойкой не отсиделась? Наверное, потому, что я бы там была явно не одна. И даже не вдвоем. Выйду отсюда, всех феромонами обмажу!

Бармен за нами бдительно следил, и в ход пошел четвертый ящик минералки. Жажда надвигалась все ближе. Если придется пить алкоголь, то я не ручаюсь уже за ближайший квартал!

- Я не спешу, - вздохнула я и поправила рога, чтобы они торчали вперед. - Хочу произвести впечатление.

- Вах! - расстроился Фарид. - Ты уже все произвела! Давай еще все выведешь и...

- Вы открываться думаете? - ворвался в зал еще один участник шоу «Жесткие игры. Угадай соперника». - Ого, какая у нас тут новенькая!

- Минералку будете? - невозмутимо спросила я, наблюдая за гибелью минерального «Титаника». - Если будете, мне тоже возьмите, пожалуйста.

- А почему?.. - В зал прискакала одна из девушек, судя по всему - на привилегированном положении. - Почему в зале вода?

- Мы тонем, - печально сообщила я, переживая за минералку. - Еще чуть-чуть - и будем спасаться вплавь.

- Фаридик, - надула силиконовые губы крашенная фаворитка дня. - Кто это?

- Молчи, женщина! - цыкнул администратор, отмахиваясь от нее, как от надоедливой мухи. - Твое место на шесте!

- Я тебе не курица! - вспылила девушка. - Сам на нем сиди! А я уйду в «Ковбойские скачки».

- Уплывешь, - поправила ее я. - Мы уже приближаемся к критической точке.

- Кто-то остановит этого идиота за стойкой?! - заорала фальшивая блондинка.

В зал ворвалась толпа из двух человек в черных костюмах секьюрити. Нас стало много. Как и воды. Минералка закончилась. Теперь разливали колу.

Я внимательно окинула взглядом помещение. Хотелось бы запомнить его в изначальном виде.

Бьющая в глаз восточная роскошь.

То есть кто-то пытался подделать дизайн под все то же европейское ретро с арочными проходами... Не вышло. Золота, лепнины, темно-бордового велюра и алого бархата получился заметный перебор. По одной только расцветке можно предположить борде... место для стриптиза.

И везде, повсюду обрыдлое алое и темно-красное. Ковер на полу с повторяющимся восточным мотивом, вставки муарового шелка в драпировке на стенах, скатерти

на столах, подушечки на креслах – все терзало глаз оттенками красного. На фоне остальной позолоты, многочисленных зеркал, ярких золотистых светильников... караул!

Бордель на выезде с пометкой: очень дорогой и для особо избранных!

Даже вычурные прослойки светло-голубого не спасали, а лишь подчеркивали контраст золотого с красным.

А уголок для стриптиза в техностиле, с темно-зеркальной стеной, расцвеченной неоновыми огнями, и вовсе ставил в тупик. Очень уж он не из этой песни.

Печаль, короче. В общем, будем переделывать...

– Какая девушка! – До меня дошел один из новеньких. Вернее, доплыл.

Второй обиделся и оттер первого с криком:

– Куда впереди начальства лезешь?

– Понятно! – схватила меня за руку стриптизерша и потащила из зала. – Пока ты тут, мы никогда не откроемся! Побудешь со мной!

– Да я не против, – не сопротивлялась я, придерживая ставшие уже родными рога. – Где окапываться будем?

– В гримерке отсидимся! – ответила девушка, впихивая меня в то же помещение, из которого я вышла. Только теперь оно было битком забито полуголыми девичьими телами. Плотная завеса духов, запахов дезодорантов и застарелого пота душила. Хотелось выйти и продышаться.

– Девчонки! – крикнула моя спасительница. – Эту заразу нужно придержать здесь до ее выхода!

На меня оценивающе воззрилось не меньше двадцати любопытных глаз.

– А что такое? – фыркнула шикарная брюнетка в золотом платье. – Фарид буйствует из-за Ленки?

– Не-а, – хмыкнула блондинка. – У Фариды кризис ума. Он сейчас конфликтует с телом.

– Ничего нового, – вздохнула рыженькая. – Это случается каждый раз при какой-то проблеме.

– Проблема у нас одна! – ответила блондинка, дернув меня за руку. – Вот эта. Хотите срубить бабла – придержите ее здесь. Иначе...

– Мия, девочка, – запел под дверью один из секьюрити. Тот, который начальник. – Выйди на минутку!

– Понятно?! – кивнула на дверь блондинка.

– Вполне, – хмыкнула брюнетка и вышла за дверь. Громко: – А я тебе, котик, не подойду? Хочешь, покажу, что бывает, когда желания не совпадают с возможностями?

Мужик не захотел тратить свои возможности и ушел удовлетворять желания в другом месте.

Спустя какое-то время девчонки начали высказывать на свои выступления, пока я тихой сапой сидела в уголке и маскировалась под вешалку.

Одну меня не оставляли. Рядом постоянно дежурила парочка стриптизерш, бдительно отсекавших любые поползновения мои, а также извне.

Волноваться я начала, когда одна из девчонок мечтательно протянула, переодеваясь:

– Там та-акой чернявый красавчик! Мечта! Картинка! Настоящий мачо! Так бы и съела!

Видимо, у меня сработало какое-то шестое чувство. Или седьмое.

Вторая подлила в огонь масла:

– И не говори. Я б с ним и бесплатно пошла. Он классный.

Третья:

– А я бы еще и доплатила!

И все остальные с ней согласились. Это начало серьезно беспокоить.

– Иди. – Передо мной возникла блондинка. – Твой выход.

Я кивнула, мысленно перекрестилась и пошла осваивать новую профессию. А что? Никогда не знаешь, как придется добывать средства к существованию.

После полутемного коридора меня ослепил свет зеркальных шаров и софитов, направленных в основном на сцену, где сейчас извивались две полуголые девушки.

– Двигай туда, – подтолкнула меня блондинка. – Твой выход через три минуты.

Я встала за ширмой и, воспользовавшись моментом, стала рассматривать публику.

Та-а-ак, а Иван Степаныч-то у нас очень даже для своего возраста! Гигант. Сразу двоих тискает. Неожиданно. И сердечко у старичка не пошаливает... Молодцы девушки. Вот что значит грамотно освоенные навыки эротического массажа!

Обвела глазами зал.

Ого! Глазам не верю, неужели Игорь Валерьевич собственной персоной? А все жалуется, бедненький, что денег нет. Конечно нет, если такими пачками стриптизершам раздавать!

Ага, Рошан с компанией в дальнем углу. Придется больше около того места раздеваться...

Окинула взглядом оставшихся посетителей.

Р-р-р!!! А это как понимать?

Вблизи стейджа расположился Диего, как всегда весь в черном. Только сейчас он выглядел расслабленным богатым бизнесменом, пришедшим отдохнуть от трудов праведных и вкусить неправедных удовольствий. Около него терлись сразу пятеро стриптизерш.

Одна елозила по обтянутым дорогими брюками коленям, вторая запустила руки под полурасстегнутую шелковую рубашку. За то, что делала третья, мне захотелось оторвать ей голову. За четвертую – оторвать голову уже Диего. Этот гад сладострастно откинулся, поощряя стрип-дев к новым подвигам во имя махрового мачизма...

– А сегодня у нас для вас сюрприз! – пропел в микрофон Фарид с видом, будто ему только что перепал вагон денег. С тележкой! – Сейчас к нам выйдет и удивит зал несравненная Мия!

– Сейчас я выйду, – прошипела я сквозь зубы. – И удивлю до ооченения! Всех!

– Встречаем! – восторженно завопил Фарид.

Он-то знал, КТО сейчас выйдет! Остальные жиденько похлопали и вяло подсвистели. Кое-кто переговаривался, прочие дули из бокалов и высоких стаканов напитки и вели себя вполне расслабленно.

Зазвучали первые аккорды моего выступления с фрагментами техно-попа. Я выдохнула, поправила нежно любимые рога и вышла на сцену крадущейся походкой мартовской кошки.

У тех мужиков, чьи глаза смотрели в мою сторону, и впрямь сразу наступил март.

И апрель, и май! Большинство полезло за заначкой, кое-кто энергично закинул ногу на ногу, некоторые подвинулись поближе, откровенно облизываясь и сверкая голодными глазами давно не кормленных хищников...

Диего же прихватил парочку поклонниц и начал демонстративно их гладить по всем выпуклым частям, по которым попадал вслепую. На ощупь. Смотрел он все же на меня. Я кожей чувствовала его обжигающий взгляд. Даже обидно отчасти стало: кто из нас огненный, он или я?!

Мужики завывали, засвистели. Диего встревоженно оглянулся, пораженно глядя на начинающих неистовствовать посетителей. Это еще ничего, красавчик! Это только начало.

Я лучезарно улыбнулась, послала всем воздушный поцелуй и обвилась вокруг шеста возбужденной коброй, постепенно сползая на пол. Извиваясь и демонстрируя последнюю стадию эпилепсии, я продефилировала в правый угол, а потом поползла в сторону Рошана.

Слава богу, в набор способностей огненных входит тонкий слух.

– Эти девчонки – просто находка! – послышался бархатный голос ифрита. – Молоденькие неиспорченные девственницы... Я смогу отправить...

– Бис! Браво! – заорал какой-то любитель оперы, заглушив ответ собеседника.

Я быстренько сползала обратно к шесту, прокрутилась, стащила верхнюю часть красного мини-комбинезона и снова поползла к Рошану.

– Цена немного высоковата, – заявил один из покупателей. – Нужно бы снизить.

– Какая телочка! – На сцену полез один из зрителей. Пришлось мотануться и хлопбыстнуть его гофрированным хвостом.

Мужик ушел в экстаз и оставил пачку долларов.

Я радостно поулыбалась в зал. Опять растянулась на полу, выгибаясь синусоидой и потихоньку перемещаясь в нужном направлении.

– Значит, мы договорились? – спросил Рошан, совершенно не реагируя на беспредел на сцене. Правильно, бизнес прежде всего!

– Когда можно забрать? – поинтересовался один из торговцев, рассматривая фотографии.

Я свесилась со сцены, стараясь заглянуть хоть одним глазком. Не увидела. Подтянулась еще... и свалилась Рошану на колени.

– О-о-о! – закатила глаза в состоянии нечаянной радости от сделанной гадости, потому что вместе со мной на него свалился поднос с напитками. – Какой мужчина!

– Брысь! – процедил сквозь зубы ифрит, не реагируя на феромоны. Хоть один нормальный нашелся. Хотя, может, у него свои примочки? Ифритские? Вдруг его соблазняет исключительно запах денег?

– Счас уползу, – не стала я нарываться, елозя по его коленям. – Только рога поставлю...

– Уйди, я сказал! – раздул ноздри араб, гневно сверкая темно-карими, как угли, глазами. Под смуглой кожей начали проявляться незаметные остальным посетителям татуировки. – Или...

– «Или» не надо! – проявила я редкостную покладистость, живо спрыгивая с колен и успевая взглянуть на снимки.

Так и есть – Марика и Сапфира! Что ж... будут им девственницы! И пускай продавцы и покупатели не плачут! Ведь мужики не плачут, верно? Они только рыдают!

– Иди ко мне, цыпочка! – На меня нацелился козлик из сидящей неподалеку компании. – Цып-цып!

Показав ему язык, я подстреленным зайцем сиганула на сцену, избавляясь от мини-комбинезона. Зал возбужденно зашевелился и на полшага придвинулся вперед. Мужики ослабляли галстуки.

– Послезавтра, в двенадцать, – сказал Рошан, вставая. – Как обычно.

– Договорились.

Они пожали друг другу руки. Ифрит ушел.

Я вздохнула с облегчением. Можно уже отползать в тыл. Но тут какой-то дебил включил вентилятор! Доберусь – пазл из него настрогаю! Для особо продвинутых.

Запах феромонов начал распространяться по залу с катастрофической скоростью. И мужики его учуяли! Затихли. Я приготовилась к обороне.

Началось! На волне адреналина я почувствовала себя Милой Йовович среди очумевших зомби. На сцену полезла первая волна горячо и страстно желающих познакомиться со мной тактильно.

Диего заходил желваками и отодвинул многочисленных подружек, готовый прийти на выручку.

Я прикинула количество желающих. Поняла, что их много, нас мало, – и ввела новую составляющую. Схватила за шест и прокрутилась с силой, практически горизонтально к поверхности сцены, сшибая живчиков, будто кегли.

Диего оскалился и взялся вырубать и оттаскивать лежащих в сторонку, подальше, чтобы не началось повторное нашествие амурных зомбиков.

Музыка закончилась. Я стала отходить к кулисам. Оставшиеся необслуженными клиенты углядели в этом опасность лишиться намеченной цели, то бишь меня, и предприняли второй штурм.

– Музыку! – заорал Фарид, стараясь как-то организовать порядок или хотя бы прикрыть шумовыми эффектами ожидающиеся беспорядки. – Любую!

Громом с небес грянула незабвенная «Калинка-малинка». А по-моему, лучше бы включили вещи турецкого певца Тархана! Ближе к месту, подходит по ритму и более зажигательно! Даже бедрышками под нее хочется покрутить!

Толпа озверевших от похоти мужиков наступала под веселые звуки «Калинки». Я вздохнула и повторила «колесо обозрения»! И так раз пять, на бис... пока народ не закончился.

Диего складывал их уже штабелями. В работу включились девчонки. Они существенно облегчали вес клиентов на зеленые бумажки с изображением носатого дяди, а кое-где – и другого цвета, с ликом тети; а потом помогали испанцу сортировать посетителей по степени нужности и растаскивать жертв по VIP-комнатам для предоплаченного приватного танца. Не заказывали? А кто докажет?! Есть куча свидетелей – вон весь персонал подтвердит! Гулянка вышла на славу! Виски, вина и водки десять ящиков выпито!

Да-а-а... Думаю, очнувшись, мужинки очень удивятся!

– Вроде бы все! – вздохнула рыженькая.

– Надеюсь, – прыгнула я со сцены. – Всем пока. Я пошла.

– Надеешься – выпустят? – хмыкнула взъерошенная брюнетка, кивая на стоящих около бара встревоженных охранников.

Я прикинула расстояние до парадного выхода, оскалилась и повесилась гирей на шею Диего.

- Возьми меня с собой, красавчик. Я сегодня твоя! Вся!

Испанец громко фыркнул, демонстративно перекинул меня через плечо и, небрежно хлопнув по заднице, сообщил:

- Надоест – верну! – резво шагая на выход.

От такой сказочной наглости все опешили. Пока обделенные моим вниманием самцы ловили воздух, разинув рты и растерянно переглядываясь, мы улизнули.

В машине мы, к счастью, оказались гораздо раньше желающих побыть со мной наедине.

- Если ты скажешь хоть одно слово!.. – предупредила я телохранителя, закутываясь в его кожаный пиджак.

- Поехали домой, – тут же отреагировал испанец, сверкнув в зеркало заднего вида белоснежной улыбкой. И невинно добавил: – Я сказал не одно слово, а два.

Я фыркнула и откинулась на сиденье. Что бы ты, милый, сейчас ни говорил, а результат достигнут.

Глава 13

Мало, мало, мало, мало, мало ремня!

Я хочу еще немного больше...

- Мария, - вырвал меня из дремы испанец, - тебе Вольдемар звонил.

- Да? - выпрямилась я на сиденье, подтягивая пиджак с запахом любимого одеколона Диего к подбородку. - Что хотел?

- Встретиться. - Испанец начал парковать «мерс».

- Что ты ему отправил в больницу, что он так быстро очухался? - поинтересовалась я, размышляя - так пойти и заинтриговать соседей или погнать телохранителя за одеждой. - Флаконы живой и мертвой воды?

- Подарочный сертификат от твоего имени в лучший мужской бутик города, - фыркнул испанец. - На приличную сумму. Это его воскресило.

- Нужно было еще накинуть, - буркнула я, не придя ни к какому решению. - Это бы его добило.

- Жадность не позволила, - сообщил Диего, прикрывая меня от случайных прохожих. - Она вступила в схватку с совестью и победила с большим отрывом.

- Знакомое состояние, - кивнула я, входя в лифт, когда протиснулась мимо испанца, заговаривавшего зубы консьержу. - И где мы хотим на этот раз испытать судьбу?

- В Центральном парке. - Диего мягко привлек меня к себе, укачивая в надежных объятиях.

- Ты сказал, что вернешь меня, когда надоем, - прошептала я, утыкаясь носом ему в грудь. - Когда это должно случиться?

- Очень нескоро, - погладил меня по волосам Диего. - Возможно - никогда... Ты для меня...

- Я рога забыла! - резво отодвинулась я от него, сообразив остатками разума, что ничем хорошим наше обжимание в лифте не закончится. - Представляешь? Так берегла, и вот тебе...

- Я тебе еще одни подарю, - грустно усмехнулся Диего. - Если хочешь.

- Не хочу! - надулась я как мышь на крупу. - Видела я, как ты активно поучаствовал в клубном разврате. В числе первых. Когда эта симпатяжка с лишним весом и недостатком груди, да еще и вытравленными перекисью волосами прилипла к тебе...

- И что было?.. - сузил аквамариновые глаза испанец. - Продолжай.

- Ничего, - отвернулась я от него.

Лифт остановился. Диего вытащил меня на площадку и прижал к стене.

- Что ты в тот момент почувствовала? - допрашивал мужчину, поглаживая по спине. - Злость? Ревность?

- Так ты это специально устроил? - вскипела я. - Проверить решил? И как? Понравилось?

- Понравилось, - шепнул Диего, наклоняясь к моим губам. - Ты всегда прекрасна. Только не обливайся больше этой тошнотворной гадостью, а то я не справлюсь с собой и за моей спиной будет очень много трупов... Очень.

- Это феромоны, - пробормотала я, слабея и теряя способность к сопротивлению. - И я облилась ими не сама. Девчонки с Лёной пошутили. Думали, мне так легче будет отработать...

- Самый лучший на свете феромон, - его губы прошли по моей шее, опалая теплым дыханием, - это ты.

Из-за его глубокого гипнотического голоса с сексуальной хрипотцой я почувствовала себя полностью беспомощной. Он словно связал меня им, спеленал, стреножил, накиннул на меня невидимое лассо. Вынул привычный волевой стержень.

Руки обхватили талию. Диего стоял, тесно прижавшись, и вибрировал, как огромный мурлычущий кот.

Мой Диего! Невозмутимо-насмешливый, надежный и сильный. Теплый. Красивый. Храбрый. Ласковый.

- Мария! - Тихий шепот. В нем отчаяние и надежда.

- Молчи! Умоляю, молчи! - Я закрыла глаза и отдалась уносящему разум потоку.
УМИРАЮ, ТАК ХОЧУ ЕГО ПОЦЕЛОВАТЬ!

Его губы коснулись моих. И все! Хо-о-пс! Время резко замедлилось и со скрежетом гигантских часовых шестеренок остановилось. Дальше во всем мире остались только мы.

Меня бросало то в жар, то в холод. Сердце билось с перебоями. Воздух... его не хватало. Мы делились им друг с другом, он был тягучим медом, раскаленной лавой в жилах, продолжением самой жизни.

Его волосы щекотали мою шею и висок, вторя невесомой ласке губ, то нежных и робких, то страстных и настойчивых. Он целовал мою шею и грудь, втискиваясь в меня так, словно сейчас меня оторвут навеки. Будто это наш самый последний раз, поэтому он старался не пропустить ни кусочка тела, лаская руками, губами, зубами, языком. Разве можно ласкать зубами? Оказывается, можно!

А когда я оттаяла и начала отвечать, казалось, вокруг нас поднялся вихрь, ураган, цунами, шторм!

Вот мы стоим прижавшись к стене - через секунду ключ в двери, и мы, не размыкая объятий, вваливаемся в странно пустую квартиру. Взгляд мазнул по белому клочку бумаги с надписью: «Ушла. Буду завтра», - и, не задерживаясь, вернулся в плен широко распахнутых глаз цвета морской волны, цвета аквамарина.

Потом... Казалось, размеренной медлительностью мы друг друга убиваем. Медленно - о-очень медленно! - мы стягивали вещи друг с друга, перемещаясь из холла в спальню.

Он держал меня, полуобнаженную, в одном белье, и сдирал зубами ляпочки лифчика. Медленно, с чувством, толком и расстановкой. Стянув и расстегнув наконец препятствие, отшвырнул подальше, а две руки сжал одной, вытянув и зафиксировав над моей головой.

Он ласкал грудь мучительно долго, хотя весь дрожал от нетерпения. От его прикосновений я вздрагивала и стонала, как будто меня пытали каленым железом. И он вздрагивал и стонал вместе со мной и вжимался в меня все крепче, так, что хрустели ребра. И раз за разом повторял мое имя то словно мантру, то будто ругательство, пока я расстегивала ремень на брюках и возилась неловкими пальцами с застёжкой.

И еще в перерыве между своим именем пару раз мне почудилось полузадушенное:

- Только бы это не кончилось! Только бы это никогда не кончилось!

Я терлась щекой о его грудь, подавалась под его ласками, целовала, извивалась и стонала, пока обезумевший Диего не сорвал с меня жалкие остатки стриптизерских лепестков.

Мне хотелось закричать: «Сейчас! Не медли!»

Мой мужчина дышал словно загнанная лошадь. Полузакрытые глаза и мучительно сцепленные зубы могли рассказать и об экстазе, и о страдании.

И тут...

«Скажи мне правду, атаман!» – заорал мой телефон.

Диего вполголоса выругался по-испански, долго и заковыристо. Выругался так, как я от него ни разу не слышала, было там и знакомое puta, и еще какие-то неизвестные конструкции, и даже что-то вслед из американского, русского и португальского.

– Не бери, – умоляюще прошептал Диего, удерживая меня в сладком омуте.

Поздно! Я очнулась. Вовремя очнулась!

Настал момент холодного душа...

– Не надо. – Неимоверным усилием воли я высвободилась из его рук и сбежала, заливаясь молчаливыми слезами и схватив самый противный в мире телефон. Спасительный телефон.

Будь оно все проклято!

– Да, Лёна, – поднесла я трубку к уху, запираясь в ванной. Дико грохнула об косяк дверь в комнату Диего. Через каких-то десять секунд точно так же хлопнула входная...

Я осталась одна... Как всегда. Пока жив Рамон, ничего не изменится.

– Ты меня слушаешь? – встревожилась подруга.

– Да, слушаю, – прикусила я внутреннюю сторону щеки. – Новости?

– К сожалению, – мрачно сказала Лёна. – От Эйдена пришел пакет для тебя. Еще три кандидата. Начинаешь на следующей неделе. Срок – десять дней.

– Мило, – пробормотала я, чувствуя себя безумно старой и разбитой, словно бабушкино корыто.

– Это все, что ты можешь сказать? – взорвалась подруга. – Даже я понимаю, как все это на тебе отразится! И...

– Извини, – оборвала я ее речь. – Я... потом позвоню. – И отключилась.

Стекла на пол, закрывая лицо ладонями. Если я одна, то стесняться некого. Можно дать себе волю... Сама не помню, как добралась в спальню.

Утром меня разбудила стучком в дверь Натка:

– Мария, вставай немедленно! А то твоя «Куда ты, тропинка, меня привела!» доведет меня до цугундера!

Я с трудом разлепила опухшие от слез веки. Сползла с кровати, накидывая на себя халат, и открыла дверь. За ней находилась недовольная хранительница с моим телефоном, который, судя по внешнему виду, был как минимум прокручен в мясорубке.

– Эта дьявольская игрушка орет уже второй час! – сунула мне в руки трубку Натка и развернулась.

– погоди, – остановила я ее. – Где Диего?

– Понятия не имею, – бросила на меня через плечо пристальный взгляд хранительница. – Но дома точно не ночевал.

– Ясно, – вздохнула я. – Могу я рассчитывать на чашечку кофе перед тем, как отправлюсь на свидание с Вольдемаром?

– Рассчитывать ты можешь, – кивнула женщина. – А пойти – нет!

– Почему? – удивилась я, просматривая пропущенные звонки. Тридцать две штуки.

– Потому что без присмотра не пойдешь! – хмыкнула Натка. – Тебя только пусти!

Или разнесешь чего, или вляпаешься во что-то... в кого-то.

- Диего нет дома, - напомнила я ей.

- Позвони ему, - посоветовала женщина, складывая на груди руки. - Чай, пальцы не отсохнут?!!

- У меня уже отсохло все, - буркнула я, протискиваясь мимо нее в кухню. - Не буду! Если он где-то шляется, значит, ему там хорошо!

- Или плохо, - заметила умудренная опытом хранительница, следуя за мной.

Передо мной поставили чашку с кофе и булочки. Я поблагодарила, собралась с духом и приготовилась звонить Вольдемару.

- Я с тобой пойду! - внезапно заявила Натка, решительно снимая фартук и сдергивая алую косынку в белый горошек. - Я, конечно, не Диего, но мускулами поиграть тоже могу!

Собранный с трудом бойцовский дух упал ниже плинтуса и не отвечивал.

- Какими? - чуть не подавилась я сдобой.

- Вот этими, - постучала себя Натка по лбу. - Действуют гораздо эффективнее.

- Я тебя заклинаю, - сделала я умоляющие глаза. - Сиди дома! Мне нужно оставить Вольдемара в живых.

- Посмотрим, - пробурчала Натка, начиная яростно тереть морковь.

А я все же позвонила Вольдемару.

- Мария! - обрадовался он мне как родной. - С вами все в порядке? Вы так долго не отвечали на звонки.

- Проспала, - простодушно сказала я, насыпая себе в кофе две ложечки сахара. Подумала и добавила еще одну - подсластить пилюлю.

- Это чудесно! - непонятно чему обрадовался мужчина. - Можем ли мы сегодня с вами увидеться?

- Конечно! - выродила я нужный энтузиазм. Судя по состоянию моего организма - роды были трудными. - А где?

- Предлагаю на свежем воздухе, в Центральном парке, - пропел траченный молью ловелас. - В два часа дня устроит?

Я бросила взгляд на кухонные часы, из которых вместо кукушки выскакивали серп и молот.

- Давайте в три, хорошо?

- Буду ждать у входа, - с придыханием заверил Вольдемар и отключился.

Я зажгла конфорку и засунула туда руки, приводя в порядок душевное равновесие. Чмокнув Натку в щеку, я пошла приводить себя в порядок... Хотя бы внешне.

В полтретьего, полностью готовая к труду и обороне, я заглянула на кухню и сообщила:

- Я ухожу!

- Скатертью дорога! - пожелала мне хранительница.

- Натка, - предупредила я ее, - чтобы я там тебя не видела!

- Где? - фыркнула женщина, орудуя ложкой в кастрюле. - Иди уже. Не увидишь.

- И славненько! - обрадовалась я.

Внизу меня уже ждало такси. Звонить Диего мне не хотелось категорически. После вчерашней сцены я просто не знала, что ему сказать. «Прости» – глупо. «Забудь» – пошло. «Давай повторим» – смертельно!

Такси привезло меня к входу в Центральный парк города в полностью растрепанных чувствах.

– Мария! – подскочил ко мне Вольдемар с тремя гвоздиками в мятом целлофане. – Это вам!

– Спасибо! – Я с ужасом уставилась на замученные неволей цветы, мысленно возблагодарив свои темные очки и широкополую соломенную шляпу.

Собираясь на свидание, я выбрала платье в стиле кантри – бело-бежевые тона с коричнево-золотистым кружевом. Дополняли образ золотистые босоножки на плоской подошве и белая шляпа от солнца в тон такой же сумочке.

– Вы прекрасно выглядите! – сообщил мне Вольдемар, целуя кончики пальцев.

– Вы тоже! – улыбнулась я, не кривя душой. Шрамы украшают мужчину. Даже искусный грим не мог замаскировать многочисленные синяки.

Кстати, все остальное, скрытое белыми летними брюками из льна и бежевой рубашкой, смотрелось достаточно стильно. Наверняка уже истратил подарочный сертификат. Потому что, судя по его досье, наш Вован предпочитал складывать нечестно нажитые деньги в кубышку, держа в черном теле жену и сына.

– Прогуляемся? – предложил он мне согнутую в локте руку. – А где ваш бессменный страж?

– У него сегодня выходной, – вздохнула я. – Так что мы с вами сегодня наедине.

– Какая замечательная новость! – воодушевился мужчина и повел меня в глубь парка по выложенным серым камнем дорожкам.

В парке царил умиротворение.

Бегали и играли дети в ярких одеждах. Лежала на траве молодежь, перекидываясь украдкой взглядами. Кто-то играл в волейбол, кто-то катался на скейтах и на роликовых коньках. Люди постарше сидели на скамейках под развесистыми деревьями или чинно прогуливались по аллеям. Красота.

Здесь особо ощущался мой отрыв от нормальной жизни. Когда я в последний раз сидела с книжкой на траве у пруда? Ела мороженое на весу, чтобы не запачкаться? Шушукалась с подружкой, бросая любопытные взгляды на ребят неподалеку? В прошлой жизни, которой и не было... Не успела я тогда и не могу сейчас...

– Вы что-то сказали? – очнулась я от раздумий, уловив в голосе спутника вопрошающую нотку.

– В мечтах витаете? – усмехнулся Вольдемар. – Я спросил – не хотите ли посидеть?

– Где ж мне еще витать, – ласково улыбнулась я. – Наедине с таким мужчиной. Давайте присядем.

Мы нашли свободную лавочку неподалеку от ларька с напитками и мороженым. И тут меня осенило.

– Вольдемар, давайте вспомним детство и съедим по порции мороженого?

Мужчина галантно кивнул:

– Вы какое предпочитаете?

– Пломбир, – плотоядно облизнулась я. У Вольдемара зажегся во взоре костер. По-моему, нужно срочно запастись огнетушителем.

- Вы ходите? - мягко намекнула я на мороженое.

- Естественно! - вскочил мужчина, направляясь к ларьку.

Рядом с нами появился человек, переодетый белым медведем, зажатый между двумя вывесками: «Отутюжим почти бесплатно! Свежесть гарантируем! Цены сдельные! Сделай себе приятное!»

Меня стали терзать смутные сомнения...

- Вот! - прискакал обратно вспотевший Вольдемар и протянул мне помятый вафельный стаканчик с непонятным наполнителем. Самое дешевое и паршивое мороженое, какое только можно найти в нашем городе. Хуже и дешевле просто не бывает! Жалко было купить что-то с меньшим количеством пальмовой эмульсии? Здесь же молоко не ночевало! - Как заказывали!

Я подавила дикое желание засунуть этот заказ ему за шиворот и растереть для удовольствия. Моего.

- Спасибо, - пролепетала я слабым голосом. На большее меня не хватило: белый медведь начал активно наматывать круги рядом.

- Хотите еще что-то? - любезно поинтересовался мужчина.

Я подумала, что, если попрошу у него воды, он мне зачерпнет ее из пруда и принесет в кувшинке. Для экономии. О! Придумала новую поговорку: «Сегодня скупец - завтра скопец!»

- Нет, спасибо, этого вполне достаточно, - размышляя, куда бы пристроить этот опасный набор химических элементов.

- Мария! - тут же, не откладывая надолго, приступил к делу, вернее - к телу, Вольдемар, возложив мне на плечо длань. - Мне кажется, что наши сердца...

Полярный медведь раздобыл скейтборд и проехался рядом с нами, слегка задев мужчину «бутербродной» вывеской.

- Безобразие! - вскочил Вольдемар и погрозил рекламщику кулаком.

Медведь прижал лапы к груди, извиняясь.

Я, пользуясь моментом, отложила в сторону мороженое, прикрыв забытой кем-то газетой.

Мужчина успокоился, уселся и спросил:

- О чем я?..

- Об инфаркте? - напомнила я. - Что-то связанное с сердечной деятельностью.

- Ах да! - вспомнил Вольдемар. - Рядом с такой красивой женщиной теряешь голову...

Над его головой просвистел, почти касаясь волос, фрисби.

- Хулиганство! - снова вскочил Вольдемар, озираясь по сторонам. Никого не нашел. Полярный медведь пристально изучал вывеску «Выход там», водя лапой по стрелке.

- Успокойтесь, - как можно мягче сказала я, приглашая присесть рядом. - Не обращайтесь внимания на шалости детишек.

- Нет, я должен поставить на этом точку! - заявил мужчина, вскипая негодованием и тем, что нигде не тонет. - Подождите меня здесь, пожалуйста! - И порыскал к ларьку.

Я убивала время, с интересом рассматривая, как полярный медведь надевает роликовые коньки. Добром это не кончится.

Предчувствие меня не обмануло.

Помахав руками рядом с торговой точкой и напустив туману, а проще – вони, Вольдемар направился ко мне. Медведь взял низкий старт.

– Вольдемар! – вскочила я к нему навстречу. – Может быть, еще прогуляемся?

– Мария! – Мужика, видимо, сильно возбудила склока, и он попер на меня с распростертыми объятиями.

Медведь рванул к финишу и врезался в мужчину. Я успела подстраховать падающего Вольдемара и нежно пристроить на скамейке.

– Как вы себя чувствуете? – с волнением в очах спросила я.

– Холодно, – оценил свои ощущения мужчина. – И мокро.

Я кинула быстрый взгляд на скамейку и поняла – таблица Менделеева в вафельном стаканчике нашла свою цель и запечатлелась на штанах.

– Это пройдет, – погладила я его по волосам. – Сейчас вы согреетесь...

– Сейчас я убью этого нахала! – Вольдемар внезапно рванул за полярным медведем.

Медведь, не будь дураком, сиганул в кусты. Вольдемар за ним. Я за Вольдемаром. Все же подотчетное имущество! Кстати, оценила вид сзади. Ущерб был непоправим. На сердце потеплело. Не пропал продукт!

– Я тебе сейчас задам! – орал вздрюченный мужчина, ломясь настоящим медведем через кустарник. Фальшивый и то производил меньше шума.

– Апорт! – раздалось впереди.

Накачанный мужик в майке кинул палку своей собаке. Поймал ее Вольдемар. Лбом.

Одновременно с этим на беднягу азартно кинулся ротвейлер за любимой палочкой. Многокилограммовая туша втоптала Вольдемара в землю. Тот уже не возражал. Видимо, был занят подсчетом звездочек.

– Он жив? – подбежал к нам хозяин собачки.

– Надеюсь, – вздохнула я, сама в это слабо веря. – У вас телефон есть? Позвоните, пожалуйста, в «Скорую».

Мужчина похлопал по карманам тренировочных штанов:

– Забыл дома. Извините.

Я вздохнула еще тяжелее, достала свой айфон и в который раз набрала номер «Скорой помощи».

– Здравствуйте, не могли бы вы прислать машину... Нет, не по этому адресу. В Центральный парк. Тут мужчина... Нет, я его сюда не дотащила, он сам дошел. Нет, тот же самый. Откуда я знаю – мазохист он или нет? Дышит?

Мужчина присел рядом с телом.

– Дышит. – Прислушался. – Но тихо и с хрипами.

– Хозяин собаки, который кинул палку, говорит, что пострадавший дышит тихо и с хрипами. Получает удовольствие? – Я с сомнением покосилась на Вольдемара. – От чего? От палки? А так можно? Это парк!

– Можно его передвинуть? – проявил заботу собачник. – А то неудобно лежит.

– Можно его передвинуть? – послушно спросила я у оператора. – Легче закопать? Одну минуту... – Я отстранила трубку и сообщила мужчине: – Они говорят, что таких извращенцев, которые собирают в парке палки, нужно закапывать под первой березой. Тут есть березы?

Мужик конкретно обалдел и протянул руку за телефоном. Я отдала. Дальше они уже выясняли без меня – кто, кого, когда и сколько раз.

– Скоро приедут, – протянул мне обратно телефон собачник, глядя на меня с невольным уважением. – Сказали, ради такого тела... простите, дела доберутся за полчаса.

– Хоть какая-то радость в жизни, – успокоилась я, наклоняясь над Вольдемаром.

В это время пострадавший приоткрыл глаза и начал конвульсивно дергаться, пытаясь что-то сказать.

– Вы бы отошли, – попросил меня собачник. – А то он на вас как-то странно реагирует.

– Это он так радуется, – определила я. – Но правда ваша, лучше пойду. А то от счастья, говорят, умирают.

– Я о нем позабочусь, – пообещал мужчина, сворачивая поводок.

– Благодарю вас! – улыбнулась я, углубляясь в кусты. Через пару метров позвала: – Натка, выходи!

Из других кустов вылез бурый от грязи медведь. Уже без «бутерброда».

– Я тебя по-человечески просила – сиди дома! – «наехала» я на нее.

– А кто б его ручонки от тебя отдирали? – глухо ответила Натка, почесываясь лапой.

– Сними это, – поморщилась я. – Жарко же.

– Не сниму! – мотнула медвежьей мордой хранительница. – Я пообещала, что ты меня не увидишь – и ты меня не увидишь!

Я в который раз вздохнула, сдерживаясь, чтобы не выдать инем по яню, и пошла на выход. Так мы и шли. Маша и медведь.

Глава 14

На поле тушки грохотали, Мы все побили и вспахали...

До дома мы добрались нескоро. Ни одна машина не хотела подвозить девушку с крупным домашним животным. И сколько бы я ни объясняла, что это маскарадный костюм и там внутри человек, никто не соглашался. Наоборот, уезжали еще быстрее.

Наконец Натка сдалась и освободилась от своей телогрейки из искусственного меха. После чего пробурчала:

- Мы уже вышли из парка. Ты меня там не видела.

- Я могу и глаза закрыть, - покладисто согласилась я, страстно мечтая попасть домой. - Кстати, завтра перебирайся обратно за город. Что бы ни случилось, в квартиру мы уже не вернемся.

- Хотя какие-то хорошие новости! - довольно кивнула хранительница, останавливая такси.

Домой мы ввалились жутко усталые. Диего все еще не было.

- Позвони, - накинулась на меня женщина. - Ледышка огненная! Что тебе, тяжело?

- Мне - тяжело! - отрезала я. - Если он не помнит о завтрашнем дне, то оно и к лучшему. Меньше страдает!

- Упрямая саламандра! - обозвала меня хранительница и утопала на кухню.

- Спасибо на добром слове! - крикнула я ей вслед.

Душ вернул мне бодрость и отвратное настроение. Я решила занять ум работой и переговорила сначала с Лёной, которая бурно возмущалась, а потом с эфирами, которые так же бурно радовались. Устав от противоположных реакций, я откинулась на подушки и прикрыла глаза. Следовало составить план действий и предусмотреть возможные неожиданности.

- Кобелино Диего! - раздался крик Натки. - Быстро домой! Что? Я и сказала - кабальеро! Домой! Одна нога там, другая тут! - Грозно: - Штаны зашью!

Я рассмеялась, но в коротком смешке не было ни капли веселья. Скривила губы. Ничего нормального для меня в этом мире не осталось. Даже на свидание хожу под присмотром. И кавалеры мои долго не живут. Думаю, Вольдемар уже больше не позвонит...

Бессонная ночь сомкнула тяжелые веки.

Утро встретило и вовсе нерадостно. Только-только начал сереть рассвет, как я почувствовала, что в комнате находится посторонний. Нельзя сказать, чтобы его присутствие мне чем-то особо мешало. Оно просто Ощущалось. Именно так. С большой буквы.

Даже не открывая глаз, я с уверенностью могу сказать, кто это. Наш «кобельеро». Никак решил вспомнить о покаянии и выбрать меня подушкой. Отказываюсь сразу!

Я наблюдала за ним сквозь ресницы.

Он сидел на подоконнике смутным силуэтом и тяжело молчал. Наверное, писал в уме сарабанду или сочинял новую пьесу. «Учитель танцев» плюс «Собака на сене» равно «Звезда Севильи».

Во всяком случае, видок у него был, слово его искупали в океане, а потом забыли высушить. И пах он... солью и водорослями. Не иначе суши где-то обтрескался!

Тихо скрипнул матрас, когда я пошевелилась. Блин! А могла бы еще поспать. Теперь придется работать GPS и показывать направление маршрута к медведям... Нет, не надо больше медведей!.. К пингвинам. С точностью до микрона. Иначе не дойдет. Сто

процентов скажет: сбился в пути и вернулся за более подробными инструкциями.

Диего легко спрыгнул с подоконника и подошел к кровати.

– Я сплю! – предупредила я, вспоминая бородатый анекдот моего детства: «Так ведь нет никого!»

Не прокатило.

Опустившись на одно колено, как истинный кобелина – пардон, вырвалось... кабальеро, он сграбастал мою незащищенную руку и собрался...

Стоп! Чего бы он там ни собирался, начиная от лирики и заканчивая покаянием, все равно итог один – поспать мне не дадут! Трудно спать на мокрой от горячих слез подушке. Моих причем слез. Чужие бы я спокойно перенесла.

– Мария... – Голос так трогательно перехватило, что у меня осталось два выхода: припасть к нему на мускулистую грудь или удушить на бретельке от пеньюара. Можно совместить оба действия, но я выбрала третье...

– Я в коме! – И попыталась вытащить ладонь.

У кого-то первоочередная задача – исповедаться и получить индульгенцию с полным отпущением грехов, а мне нужно быстро решить, как убрать вот это чернявое красивое слабое звено с сильным мужским характером с линии огня.

При его дурацкой привычке загораживать мою грудь своей и портить мне имидж с него станется кинуться на ифрита с требованием оставить даму, то есть меня, в покое.

Тот даже согласится, наверно... Только уточнит, что покой – вечный.

– Мария... – Диего решил вырвать меня из комы насильственными методами. И повторял мое имя, будто таблицу умножения. Как в школе. Ночью разбуди: сколько будет пятью шесть? Тридцать! Так и он: кто главный кошмар твоей жизни? Ответ – Мария!

– Коматозные ничего не слышат! – предупредила я.

Вот что ему сегодня делать на операции по ликвидации? Я сама впервые встречусь с таким противником и понятия не имею, где у него та игла, за которую нужно дернуть и до смерти замучить.

Тварь нам досталась... М-да, старый, древний как Вселенная, матерый ифрит, сумевший приспособиться в современном враждебном мире и довольно-таки холодном климате. А это значит, что он невероятно силен, имеет гибкий ум и колоссальную способность к адаптации – то бишь выкрутится живым и невредимым даже из эпицентра ядерного взрыва. Да что это я! Как раз из эпицентра он выкрутится в первую очередь!

При подсчете сил: одна огненная, два эфира и одна земляная – напрашивается минус Диего. И тогда, может быть, – только может быть! – мы немножко наступим ифриту на хвост. Плюс Диего – и хвосты оторвут нам! В комплекте с остальными запчастями.

Нашего непробиваемого слово «кома» не впечатлило. Ну да, я ж еще шевелилась и издавала набор звуков, не доходящих до утрамбованного чувством вины мозга!

Диего начал с банального:

– Мария, нам с тобой надо поговорить...

И я поняла – и сну кранты, и покой мне только снится, и вечная память мне в коме!

– У-у-у! – простонала я, струсив от подступающего разговора, который ничем хорошим по определению не закончится. – Отдай руку – я буду страдать!

Диего безропотно выпустил ладонь. Я тут же отползла подальше, изображая помесь зубной и головной боли с добавкой гормонов стервозности.

– Нам нужно поговорить! – мрачно повторил мужчина.

- Нет! – подскочила я. – Никаких бесед! У нас карантин! Все молчат и кранты... карантинят! Молча! Поодиночке! Каждый в своем углу!

Диего мрачно пошевелил челюстью и попробовал пробиться вторично:

- И ты не хочешь от меня выслушать оправдания, где я был и почему отсутствовал сутки на работе? Не выслушаешь извинений? Не поругаешь? Не расскажешь, какой я нехороший бездельник и безответственный тип?

Я снова застонала. Ну за какие грехи мне все это?!

- А надо?.. – страдальчески сморщившись, тихо спросила я. – Можно я завтра тебе все вынесу – и вид, и выговор, и мозг, и зарплату? Давай сейчас расстанемся нетронутые эмоциями и с непобитыми чувствами.

- Но... – У Диего восстал дух противоречия. Господи, лучше бы у него восстала совесть!

Ну все! Он меня выбесил!!!

- Хочешь побыть мучеником – сходи к Лёне, – едко посоветовала я. – Она тебе все пропишет соответственно трудовому и моральному кодексу. Хочешь – латынью загнет, хочешь по-юридически отшлепает! У меня сегодня в отношении тебя «железный занавес».

- А... – Видимо, заткнуть этого упряма можно было только мной. Но себя стало жалко.

- Нет! – рывкнула я, агрессивно подсакивая. – «Но», и «А», и все прочее – не пройдут! Считай, что я – это триста спартанцев! Одна за всех! И вообще, у меня траур по Вольдемару! Дай пострадать, что не я его опять добила!

- У тебя на уме один Вольдемар! – вспылil Диего.

- Конечно, – изумилась я. – А где он, по-твоему, должен быть? Варианта три – один неприличный. Промежуточный – «на теле», как я понимаю, тоже не рассматривается?

Диего дернулся, но смолчал.

- Молодец! – одобрила я. – Если бы там кроме Натки, собаки, палки и мужика был еще и ты, я б точно не выжила. Хотя... тогда мы бы быстрее нашли березу... У тебя лопата в машине есть?

- Зачем? – отшатнулся испанец, глядя на меня с подозрением.

- «Скорая» сказала – если быстро закопать, то это не считается убийством. Так, грязевые ванны в закрытой клинике.

- И все же нам нужно прояснить... – завел свою шарманку Диего.

- Нам нужно прояснить, где ты будешь отсиживаться, пока мы будем танцевать перед ифритом танец живота! – перебила его я. Рывкнула: – Я – элементарь, хоть и низший! Моя стихия, как и у него, – огонь. Мы не можем уничтожить друг друга. Эфиры для него тоже недоступны и очень опасны, – продолжала я убеждать. – Лана, как земляная, вообще ему неподвластна, но зато имеет возможность связать его силы.

Диего молчал. Решил, видимо, дослушать мою лекцию до конца.

Я почти закруглилась:

- Для тебя ифрит – смертный приговор! А я совсем не хочу опять хоронить друзей. Слишком дорого они мне обходятся, слышишь?! Ты...

Диего, как настоящий упертый баран, полез на рожон опять:

- Но...

- Диего-как-там-тебя-егойтович, имей совесть! – взорвалась я. – Или ты имеешь ее, или я сейчас поимею тебя! Морально! С помощью Натки!

– Я тебя не оставляю! – упрямо заявил испанец, привставая с колен. Сейчас он выглядел черным леопардом, готовым броситься на жертву по любой причине.

– Или ты сидишь в окопе, или я спалю тебя сама! На фиг! Чтобы больше не переживать! И лягу спать! – Мои радужки приобрели цвет расплавленного золота, в них стало разгораться пламя. С кончиков пальцев заструился дымок.

– Тебе нельзя нервничать! – быстро сообщил мне испанец. Видимо, включил интеллект и вовремя сообразил, что с сонной и злой женщиной проводить серьезные беседы с утра пораньше – плохая идея.

– Чего это? – удивилась я, раздувая дым. – «И дым отечества нам сладок и приятен»... но не в кровати, радость, не в кровати!

– Ты становишься слишком возбудимой! – еще быстрее отреагировал Диего, со вздохом поднимаясь и продвигаясь на выход. – Мы поговорим потом.

Тон его голоса заставил меня насторожиться, но испанец умышленно отвернулся, оставаясь в тени. И ушел, оставляя меня размышлять о возбуждении и его роли в гормональном фоне женщины.

Да, мой сладкий, мы поговорим. Когда выясним, что останется от нас четверых после ифрита и сможет ли это разговаривать.

В конце концов, избавиться таким образом от Рамона – тоже не худший вариант. Если кто-то и может сделать такую гадость на радость огненной сотворенной, так только ифрит. Ладно, посмотрим, как дальше будет. Не вижу смысла загадывать.

Прикинув, что отступление Диего из серии: «Он ушел, но обещал вернуться!» – я не стала дожидаться второй части Мерлезонского балета и пошла изменять испанцу с другим мужчиной. С Морфеем.

Долго мне, правда, поизменять не дали. Разбудили часа через три.

– Мария! – гаркнул над ухом уже почти мертвый телохранитель. – Нам пора на местность!

– Яволь! – вскочила я с кровати, не открывая глаз. – Мне млеко, яйца и кофе. Потом поговорим!

– Ты созрела! – обрадовался Диего, предупредительно распахивая дверь ванной комнаты.

Я приоткрыла один глаз и с нескрываемым ехидством хмыкнула:

– Мы поговорим, где ты будешь сидеть, пока я буду там бегать!

Через полчаса я была бодра, свежа и зла, как тысяча чертей с вилами в заднице!

– Останешься дома!!! – орала я, пока бедная Натка прикрывала от моих искр имущество огнеупорным полотном.

– Нет. – Этот камикадзе так стремился на костер, что даже становилось стыдно его отговаривать. – Я пойду с тобой!

Новые способы мужского самоубийства пусть испытывает без меня! Я нервная.

– Ты меня убьешь! – уже не выдержала я. – Вместо того чтобы думать, как справиться с ифритом, я буду думать о твоей безопасности!

– Я тебе безразличен? – совершенно нелогично спросил Диего, подливая мне кофе. Поразительное самообладание у моего бодигарда. Просто на зависть остальным. Потому что предыдущую чашку я вылила на него. Угу, вместо душа. Как освежитель мозга!

– Не заметно? – скривилась я. – Если, не приведи господи, с тобой что-то случится, кому я буду делать гадости и портить свою карму? Эфирам?.. Натке?

– Хорошо, – внезапно согласился мужчина. – Я поеду с тобой, но потом уйду оттуда.

– Какая муха тебя за трусы укусила? – уставилась я на него с подозрением. – Скажи мне ее название, и я их тут стану разводить! Ферму специальную устрою.

– Поехали! – хлопнул по столу Диего, не желая открывать тайну своей подозрительной уступчивости. И вскочил, чуть не опрокинув заварочник с чашками и трехъярусную фруктовницу на скатерть.

– Поехали, – кивнула я, пряча волосы под бейсболку защитного цвета. Точно такого же цвета комбинезон и высокие ботинки завершали мой выходной наряд на ифрита. Надеюсь, тот будет доволен.

Диего сегодня, против обыкновения, тоже изменил черному и выбрал цвет камуфляжа, отчего выглядел моим двойником в мужском варианте.

Мы сели в «мерседес». Диего молчал так долго, что я почти забыла о его присутствии. Наконец мы доехали до места. Всю дорогу я читала новые данные Лёны по ифриту и способам его уничтожения. К сожалению, проверенных не было. Видимо, никто не дождался возможности описать это на бумаге. В основном выжимки состояли из легенд, сказаний и – «мой прадедушка рассказывал». В высшей степени ценные военные сведения!

Больше всего беспокоил тот факт, что налицо безумное множество источников. И все противоречат друг другу. Наиболее достоверный советовал для начала определить тип ифрита, или, как его еще называли, африта. Дальше рекомендовали выяснить его слабые стороны и уж потом пробовать применить шестнадцать способов уничтожения. Возможно, один из них окажется действенным.

Да-да. Вполне такой себе научный подход. «Метод научного тыка» называется. Угу. Для нас весьма актуально. Особенно без понимания, как его зафиксировать и чем удерживать.

– А он прямо так и будет стоять смирно и разрешать над собой издеваться?! – возмущенно бормотала я, когда прочла о способе облития медным купоросом. Мне настоятельно рекомендовали дожидаться, когда ифрит «зацветет». – И что это даст? Разрыв сердца от своего внешнего вида? Бред!

Я перешла к следующему способу. И выпала в осадок. Ей-богу, такого мне еще не попадалось! Один человек на букву М – и не подумайте, что мудрец, – советовал облить ифрита горячим веществом, дабы эта тварь обожралась и лопнула! Агась. Можно подумать, что кто-то будет принимать нефть или бензин внутрь. Мы предпочитаем наружные притирания. Но они нам не вредят.

– Что-то нашла? – мимоходом поинтересовался Диего, намазывая себе лицо и руки какой-то дрянью. Кажется, для маскировки. А может, это у них ритуал такой мужской? Чисто испанский?

Меня тоже пару раз мазнул и по лицу растушевал. За компанию.

– Да, – согласно кивнула я. Подмигнула. – Множество способов, которые НЕ надо применять к ифриту, дабы не устроить себе ускоренный Армагеддон, совмещенный с аутодафе.

– Все так плохо? – нахмурился испанец.

– Не совсем, – хмыкнула я. – Всегда остается фактор неожиданности! Как во всех фильмах. Герой так и норовит угробиться сам или угробить любимую девушку, и тут... злодею попадает некондиционный пулемет, который до этого палил на все четыре стороны, а сейчас, как назло, его заело. Или на дороге срочно начинают производиться ремонтные работы без указателя. И рабочие за пять минут вырывают лопатами котлован размером с Марианскую впадину, где злодей, преследуя героя, застревает левым задним колесом...

– Все! – засмеялся телохранитель. Шутливо поднял руки вверх. – Я понял. – Посерьезнел. – И все же?

– Привет! – Рядом со мной возникла раскрасневшаяся и запыхавшаяся Сапфира. – Вот

тебе доказательства расчетов Рошана с твоим Вольдемаром.

– Он не мой, – спокойно ответила выпадом на выпад я, подключая флешку для перегона информации. – Он общественный.

– Это уже не важно, – хихикнула Сапфира. – Вид побитого Вольдемара с костылем вызывает желание его усыновить. – Добавила зловещим шепотом: – И позвать Натку крестной...

– Не надо тяжелой артиллерии, – фыркнул Диего. – Я тут в одной газете прочитал, как в Центральном парке полярный медведь покусал собаку, которая покусала палку, которой попало пробегающему мимо мужчине, который упал в кусты... И теперь там митинг «зеленых» в защиту растений.

– Замечательно! – полюбовалась я записью разговора Рошана с подельником и передачей денег. – То что доктор прописал!

– Вольдемару доктор прописал покой, импотенцию и полное отсутствие блондинок в обозримом будущем, – засмеялась Сапфира. Помахала ладошкой с темно-синими ноготками. – Ну, я пошла. Там для нас уже столыпинский вагон готовят. – Причмокнула: – Броневики – закачаешься! Я потом себе заберу. Буду на прочность испытывать. – И пропала.

– Дети, – пожала я плечами в ответ на несчастный взгляд Диего. – Каждый эфир в душе дебошир! Это знают все.

Мы выгрузились. Замаскировали машину и засели в засаде на дороге с хутора. К счастью, дорога была одна и прослеживалась достаточно хорошо.

Надеюсь, ифрит не слишком станет маскироваться, большей частью уповая на свою способность замечать следы.

Припекало жаркое летнее солнышко. Зверствовали болотные комары и мошкара. По сторонам лесной дороги, в низине за кустами атели земляничные поляны и синели массивы кустиков черники.

Пока Диего сидел в дозоре, я успела насобирать несколько горстей ягод и щедро угостила погрызенного крылатыми террористами испанца. Меня лично комары не трогали. Видимо, их отпугивал элемент огня в моей крови. Зато на Диего они отрывались по полной. Правда, на нем все укусы быстро сходили. Бесследно заживали буквально за пару часов.

Через час мимо нас проехали две машины. Закрытый бусик и джип.

– С Богом, – хмыкнула я, прослеживая путь и осторожно перемещаясь.

Я была права. Преступники не стали далеко углубляться в лес – скорей всего, не желая купаться в болотной воде. Они остановились на ближайшей поляне.

Вскоре туда приехал точно такой же кортеж.

Рошан вышел из джипа и помахал рукой, приглашая присоединиться. Двое охранников вывели девчонок в наручниках.

Марика и Сапфира, зареванные до самого подкола платьев, шмыгали носами и мычали заклеенными скотчем ртами.

– Кому-то за это придется ответить, – хихикнула я. Приказала непререкаемым тоном: – Диего, уходи. Мне нужна свобода действий.

Телохранитель не стал спорить и бесшумно исчез в подлеске.

– Смотри, какие пташки! – Рошан приподнял подбородок Марики, демонстрируя товар мерзкому толстяку с темными пятнами пота под мышками. – Первый сорт! Девственницы. Симпатичные. Молоденькие, не потасканные. Голых мужиков только на картинках видели.

Девчонки задержались и замычали еще громче. Еще бы! Я бы на их месте тоже насчет голых мужиков жестоко оскорбилась!

Толстяк кивнул и жестом велел отвести девчонок в машину. После этого ему принесли кейс с деньгами, который он передал довольному Рошану.

Оу! Точно! Этот мужик торчит от денег! Никогда бы не подумала, что бабки можно использовать как афродизиак.

Обе машины завелись и умотали, оставив боссов договариваться между собой о новой поставке.

– Когда сможешь доставить новую партию? – вытер лысину клетчатым платком толстяк. – У меня девок недобор. Пора расширять производство.

– Не знаю, – ответил Рошан. – Сейчас очень трудно найти товар, который никто не будет искать. Тебе же не все равно, какое будет качество?

– Ох, счас у меня кто-то получит количеством по качеству! – возникла рядом со мной разъяренная Марика. – Исключительно за внеплановую эпиляцию губ!

– А я вдогонку добавлю! – с другой стороны появилась не менее злая Сапфира. – Мне не нравится, когда меня щупают грязными руками! Я тоже хочу их пощупать в отместку. За печень!

– Людей с поляны уберите, – шепнула я им. – Нам лишние свидетели не нужны. Как и лишние трупы.

– Одним больше, одним меньше, – презрительно мотнула плечиком Марика.

– Подумаешь... – поддержала ее Сапфира.

– Закапывать будешь сама, – предупредила я. Сощурила глаза. – Вручную.

– Обойдемся без экстрима, – разумноотреагировали девушки, отправляясь на зачистку.

Действовали девчонки слаженно и привычно. В течение пяти минут вся охрана, состоящая из людей, валялась в кустах под наркозом из тока.

Остались только Рошан с толстяком.

– Толстяка никак не отсечь, – прошептала мне Марика. – Если этот хряк заберется в машину, то сразу заметит отсутствие людей.

– Сядь за руль сама, – посоветовала я. – Когда залезет внутрь – отключи и отгони машину. Потом вернешься. – С намеком: – И давай без повторения путей Ивана Сусанина. В болото джип загонять не нужно. Просто поставь посреди дороги.

– Да, босс, – зловеще ухмыльнулась Марика, испаряясь.

Наконец толстяк расстался с Рошаном и поспешил к своей машине. Мой план сработал: джип, взревев мотором, убрался с поляны. А вот ифрит внезапно заволновался, почувствовав опасность. Плохо.

Мужчина замер, оглядываясь и прощупывая обстановку.

– Ты что-то забыл, красавчик? – окликнула его я, выходя на поляну. Ласково, почти нежно: – В лоб, в глаз – или потанцуем?

Рошан взгляделся в мое лицо и нехорошо оскалился.

– Ты так соскучилась по моим коленям, крошка?

– И не говори! – согласилась я, позволяя внутреннему огню осветить глаза.

Ифрит отшатнулся и зашипел:

– Ты не джинния! Не моей расы. Сотворенная!

– Как мне не повезло в этой жизни! – картинно запечалилась дама. Я тянула время, поджидая эфиров. Девчонки вскоре вернулись и взяли Рошана в электромагнитные клещи.

– Вы! Презренные дочери греха и порока! Помесь ишака с гиеной! Дурные ветры иблиса! – взбеленился ифрит и начал отпугивать эфиров комками пламени.

Девчонкам это абсолютно не вредило, но и не давало приблизиться ближе. Патовая ситуация.

– Солнце! – прижала я руку к земле. – Именем твоим, Лана, прозвищем твоим, Солнце, вызываю тебя!

Земля вспучилась в трех местах и сформировалась в три человеческих фигуры. Когда слой почвы треснул, наружу вышла Лана с двумя сыновьями.

Земляные рассредоточились по углам воображаемого треугольника и подняли руки, начиная прокладывать силовые линии, чтобы заключить ифрита в клетку.

Рошан зашипел и начал меняться, скидывая человеческую оболочку и показывая свою настоящую форму.

Ф-фу! Я думала, Фредди Крюгер – это предел моей фантазии? Ничего подобного.

Оказалось, у мамы ифрита она была гораздо буйнее. Чтоб такое родить, это с кем же было нужно переспать? Или если это мамины гены, то... видимо, мужик был слепой. От рождения. Ага. И безрукий, потому как не мог определять внешность на ощупь.

Наш ифрит разросся до двух с половиной метров роста и стоял, попирая тремя парами вьющихся рогов небо.

У пустынного духа по телу вылезли странные огненные шипы. Торс бугрился мышцами. Морда напоминала огромную козью харю с оттопыренными в стороны большими треугольными ушами. Тело Рошана было покрыто огнем – чистой, первородной стихией. Она облизывала многочисленные черно-синие татуировки ифрита, танцевала на загадочных надписях вязью, местами меняя цвет с теплого красно-золотого до белого и пронзительно-голубого.

Вместо нормальной одежды ифрита укрыла броня многочисленных цепочек и украшений. Даже штаны были одним чешуйчатым золотым украшением – с рубинами, сапфирами и изумрудами.

Руки охватывали мощные наручи, на плечах пугающе топорщились наплечники. Бриллиантовый ошейник и ожерелья закрывали грудь и шею.

Босые ноги, похожие на фонарные столбы, пугали огромными когтями и толстыми перстнями с переплетенными цепочками на пальцах. Еще более крупные кольца с камнями, практически составляющими кастета, защищали пальцы на руках. А длинные коготки давно со слезами просили маникюра. Угу. Алмазной дисковой пилой!

И все покрыто вязью волшебных заговоров-заклинаний, сплетено в один защитный купол!

Господи помилуй, перед нами ифрит из джиннов, сильнейший из могущественных!

Раздался дикий рев.

Как же выудить этого паразита оттуда? С его-то злостью и первородной мощью! Он же сейчас спалит лес вместе с болотом и даже не запыхается!

Воздев к небу когтистые руки, ифрит призвал огонь и окружил себя огненным кольцом.

– Мы не сможем туда войти, – повернулась ко мне Лана. – И пока он там, сделать с ним тоже ничего не сможем.

- Мы тоже, - расстроено сообщили эфиры.

- Понятно, - задумалась я. - Будем гасить! - И шагнула к огню.

Из кустов раздался шум, словно сквозь лес ломилось стадо бизонов. Неожиданно меня сзади схватили мощные руки.

- Тебе что, совсем жить надоело? - Вопль динозавра, страдающего запором, чуть не взорвал мне барабанные перепонки. - Куда прешь!

Господи! Это кто ж там такой умный? И главное, шустрый?

Я чуть отклонилась вперед и резко рванулась назад, разбивая затылком нос заботливого насильника. Называется «посыл на Одессу».

Судя по тому, что девчонки и земляные исчезли из поля зрения, позади меня человек.

- Уй! Зараза! - На секунду мужчина ослабил захват. Этого мне хватило, чтобы выкрутиться и встать в боевую стойку.

- Мария? - обалдел непрошенный спасатель, отнимая от носа окровавленную ладонь. - Что ты здесь делаешь?

- Шашлыки жарю, - нахмурилась я, приглядываясь к амбалу. Было в нем что-то знакомое. Поразилась: - Алексей?

- Я! - ухмыльнулся мужчина в черной форме спецназа.

Предо мной, криво улыбаясь, стоял сильно преобразившийся ресторанный спаситель. Тот, который вволю изукрасил икрой напыщенного Вольдемара. Оказывается, не бандит? Спецназовец?

Вслед за Алексеем из лесу выломилось еще несколько человек в камуфляже и с автоматами. Опять знакомые все лица. Веселые великаны с пудовыми кулаками, те самые мужики из ресторана.

С ума рехнуться можно! Так его шкафы-коллеги тоже омоновцы?

- Ты тут что делаешь? - прищурилась я. - Да еще в таком виде?

- Нас прислали кое-что проверить, - обтекаемо сказал Алексей. Выдурился: - И вот я тут, и весь у ваших ног!

- Замечательно! - фыркнула я, изо всех сил отталкивая его, потому что из огненного кольца начали чувствоваться достаточно сильные темные эманации.

Гигант удивленно отлетел далеко в сторону.

Я рыкнула ему:

- Не лезь под руку! Девочки, займитесь людьми! - Эфирам.

Те парализовали разрядами всех зрителей-людей.

Воздух вокруг меня заколебался. На протянутой ладони заплясали три маленьких огонька, которые стекли на землю и выросли до размера человека. Огненные рабы окружили меня и уставились на спецназовца черными провалами глаз.

- За мной, - скомандовала я помощникам. - Нам в другую сторону.

Мы развернулись и шагнули в огонь.

Глава 15

Сильная, смелая и очумелая!

Статуя – баба с веслом!

Внутри меня ожидал сюрприз. Крайне неприятный. Нас с ифритом посетил Рамон.

С довольной рожей, весь в черном, он стоял и смотрел на нас смеющимися глазами ядовитой гадины. От его взгляда мне сразу стало не по себе. Виртуально – только виртуально! – я ощутила огненный хлыст на своей коже. И пришла совсем не виртуальная боль.

Я повела плечами, и наваждение сгинуло. Не могу позволить воздействовать на себя. Особенно во время операции. Даже если меня никто, кроме этих двоих, не видит. А боль... в сущности, что такое боль? Я давно привыкла. Постоянная, мучительная боль сердца и понимание того, что некоторые вещи невозможно исправить, – куда страшнее фантомной...

Рамон заметил мой жест и скривился.

Что, красавчик, другого времени для визита не мог выбрать?

Позвонил бы, на чай напросился. Я бы его вежливо послала. Он бы мне культурно ответил. Вот так бы и провели время с пользой...

– Всем привет! – оживилась я, становясь в сторонке от двух оживленно что-то выясняющих мужиков. – «Здравствуйте» не говорю, потому как ни одному из вас здравствовать не желаю!

Ифрит сильно обиделся и выпустил на меня струю пламени белого цвета. Я увернулась. Рамон поморщился.

Эфиры благоразумно сбежали. Я девочек понимаю. Выплеск был не только огненный. Там скрывалась и какая-то электромагнитная составляющая. Эфиров убить не убьет, но из строя надолго выведет. А с учетом того, что больниц для эфиров не существует... Картина малоприятная.

– Тебя мама научила вместо приветствия плевать? – фыркнула я, обращаясь к Рошану. Постаралась держаться в стороне и не поворачиваться спиной к создателю. Из них двоих неизвестно кто еще хуже. Я ставлю на Рамона. – Существует множество курсов, где учат правилам приличного поведения в обществе...

Новая струя и новый кульбит. Мои огоньки-помощники метались вокруг ифрита, но почему-то на расстояние поражения подобраться не могли. Их словно что-то сдерживало.

– ...Бабки у тебя есть, – пыталась утихомирить я бьющееся в ребра сердце. – Походил бы для разнообразия. Нет? Жадность мучит? Интеллекта недостает?

Рошан взревел, будто я ему ректальный термометр предложила протестировать, и снова харкнул в меня пламенем. Достал, паскуда!

И похоже, совсем плохо мое дело, судя по радостному оскалу гниды Рамона.

Огонь не впитался как обычно, а затанцевал по коже. Прильнул в ласке. Погладил по волосам и... угас. И как это понимать? Проба сил? Заигрывание? Намек?

– Это новый способ домогательства? – озлобилась я. – Как на коленках даму подержать – так «Пошла вон!», а тут бесплатно помазать – и сразу слюни распустил?

Мои ослабевшие помощники еле стелились по земле дымными клочками. Ифрит им точно не по зубам. Вот почему испанец так радуется. Ну что ж, посмотрим! Во мне еще есть остаточная первородная стихия, данная огненным создателем. Это не конец.

– Сволочь! – выплюнул Рамон, почему-то дико разочаровавшись во всем человечестве. –

Где только слезы русалки раздобыл?

– Не знаю, о чем ты... – хмыкнула я, прикидывая, как бы посильнее разъярить Рошана, чтобы он ломанулся за мной из круга. – Но в таких случаях очень хорошо помогает лук!

Рамон зыркнул на меня с выражением ошипанной под хвостом гиены и взялся за ифрита:

– У тебя нет выбора! Отдай мне то, что должен!

Мужчины скрестили взгляды. Оба молчали. Называется: «Скушай «Твикс», сделай паузу!»

– Не отдавай, – дружелюбно посоветовала я, прерывая колючее враждебное молчание, от которого хотелось отчаянно завизжать. Вполне искренне добавила: – Назад никогда не получишь. Этот мерзавец еще ни разу ничего не вернул! Гобсек! В натуре.

Рошан задрал рогастую голову и заревел.

– Ты рогами постучи! – посоветовала я. Прозрела: – Слушай, а ты не мои ли рога используешь? С тебя за амортизацию причитается!

– Заткнись! – рявкнул Рамон и затрясся. Интересно, это от злости или от жадности, что не дают?

– Да ни за что! – вякнула я в ответ. – Я не могу лишиться тебя наслаждения слышать мое ангельское карканье. И помнится, ты сам тогда просил: «Кричи, сучка! Кричи – доставь мне удовольствие!» Привычки изменились? Ушки от пробок прочистил? Или прибор для слабослышащих купил?

– Рошан, время истекает! – предупредил ифрита мой создатель. – Скоро ты не сможешь удерживать защиту, и тогда... – Довольное, безумно счастливое лицо.

Может, мне тоже плюнуть в харю, только Рамону? Ну, в порядке взаимозачета? Он злит огненного духа, ифрит плюет в меня, а я в испанца? Я за справедливость.

Уродливая голова духа пустынь повернулась от Рамона ко мне. Алые глаза без зрачков сузились, словно в раздумье.

Потом... Я глазам не поверила! Эта тварь медленно вспорола длиннющим когтем свою грудь, там, где у нормальных людей сердце.

– Ух ты! – изумилась я. – Ты решил облегчить мне задачу? – Поцокала языком. – Какой ты милый!

Ифрит начал напевать что-то по-восточному завораживающе мелодично, прижимая когтистые лапы к раненой груди. Над полянкой пронесся тихий печальный звон металла.

У Рамона радостно заблестели глаза, он раздул ноздри и задышал часто-часто, словно при оргазме. На него нынешняя ситуация действует как наркотик. Вот я всегда говорила – извращенец!

Рошан отнял руки, и в них забилося ярко-алое, с огненными и белыми прожилками сердце. Такое... невероятно прекрасное в своей открытости.

Ифрит шумно выдохнул и повернулся ко мне, протягивая сгусток своей сути.

– Вау! – обалдела я. – Ты мне предложение делаешь? Прямо так сразу? А еще женщин легкомысленными называют... Извини, но я не могу...

Рамон прыгнул к ифриту, стараясь выхватить у него огненное сердце. Рошан быстро отступил, издавая звук, похожий на хмыканье, и с силой метнул сгусток в меня. Точно в середину груди...

Огненное тепло мгновенно впиталось в тело, потекло по венам жидкой лавой...

- Ой! – только и смогла сказать я, очумело уставясь на свои руки, по которым побежали синие круговые татуировки. Постепенно метки впитывались в кожу, обесцвечиваясь и становясь слабее, пока не исчезли совсем.

- Сука! – выплюнул Рамон, в досаде хлопая ладонью о ладонь. После чего исчез.

- Это он тебе или мне? – подняла я на ифрита ошарашенные глаза.

- Живи за меня! – проревел в ответ Рошан и погасил огненный круг. – Твоя жизнь – продолжение моей! Моя сила в тебе! Я буду жить и вернуться!

И отшвырнул меня своей «ласковой и нежной» лапкой, точнее – кувалдой. Я вылетела болидом к опушке и вспахала задницей добрый гектар земли. Да-да! «Голова-ноги, голова-ноги» – моя любимая двигательная позиция!

- Да кто ж так с дамами обращается?! – кряхтела я, наблюдая, как земляные упаковывают ифрита в камень.

Семейный подряд работал очень четко и слаженно. Каменная тюрьма ифрита вырастала с ужасающей скоростью. Его одело в гранит уже по пояс.

Удивительно, но Рошан не сопротивлялся. Он стоял абсолютно спокойно, опустив когтистые руки и не сводя с меня напряженного взгляда.

У меня возникло острое чувство потери. Как будто от меня сейчас наживую отрывали громадный кусок плоти. Что-то внутри билось о кожу, просясь наружу, стремясь вырваться и воссоединиться с хозяином. Меня в бублик сворачивало от ощущения непоправимости, неправильности ситуации.

- Что ж ты мне за проклятый подарок сделал, черт тебя дери? – прошептала я, становясь на четвереньки, потому что ноги не слушались и норовили разъехаться в разные стороны.

Ифрит довольно осклабился и... подмигнул? Его клетка почти достигла шеи, а эта мразь со мной заигрывает? Еще один извращенец на маленькую хрупкую девушку.

Почти погасшие огоньки-помощники еле-еле доползли по траве до своей хозяйки и с тихим хлопком вернулись на место. Я совсем обессилела.

- С тобой все в порядке? – Рядом возник растревоженный Диего и поднял меня на ноги, прижимая к себе. – Ты цела? Где болит?

- Душа у меня болит, – простонала я, пытаюсь не выглядеть вареной макарониной и не мотаться во все стороны одновременно, но разными частями тела. – А сердце плачет!

Рошана упаковали уже полностью. Теперь производились отделочные работы. Если не ошибаюсь, его сейчас запечатывали металлом.

- А путь земной еще пылит, – утешил меня Диего, поглаживая по волосам. Бейсболку я уже где-то потеряла.

- Мерси за напоминание, – скривилась я. – Я бы сама в жизни не догадалась!

У земных проснулась дизайнерская жилка и поверх металла стал нарастать черный мрамор.

- Дурочка, – хмыкнул испанец, еще теснее прижимая к себе. – Самое главное – живая, а все остальное я залечу!

- Слушай, доктор Айбобо! – отпихнула я его. – Давай без экспериментов над калеками. У меня осталась только одна целая кость, – постучала я по черепу. – И мне бы хотелось ее сохранить вне досягаемости твоих сомнительных способностей эскулапа... Ты куда лапы тянешь, паэлья в штанах?

- Должен же я выяснить размеры ущерба, – ухмыльнулся Диего, расстегивая камуфляж. – Чтобы зализать, если уж нельзя загладить... Это что? – ужаснулся он,

установившись на мой бюст.

Я чуть было не обиделась. Вроде он моей груди никогда не видел! Или в темноте, как в танке, – все по фигу?

– Откуда это? – провел Диего пальцем по...

Я скосила глаза и вскрикнула от неожиданности. Над сердцем виднелся багровый ожог в форме нескольких концентрических кругов. Один в одном. В самой середине – стилизованный отпечаток сердца.

– Это... – Что-то внутри старательно отговаривало меня сказать правду. – Привет от большого пахана! – Кивнула в сторону ифрита в скорлупе. – Ему показалось это стильным! – Обиженно-мрачно: – Я не стала его разочаровывать.

Земляные последний раз полюбовались на дело рук своих, удовлетворенно кивнули и разверзли землю, утапливая в ней огромную глыбу. После этого сомкнули твердь. Семейство соединило руки над местом заточения ифрита. Раздались тихие голоса, напевающие древнюю песнь земли, просящие схоронить и не выпускать зло наружу.

Я вырвалась из цепких рук Диего, застегнулась аж до самого воротника и пошла на все еще подкашивающихся ногах к Солнцу.

Лана довольно кивнула сыновьям и повернулась ко мне:

– Мы все сделали. Ему теперь не вырваться.

– Спасибо, – слабо улыбнулась я. – Без вас бы мы не справились.

– Одно дело делаем, – строго сказала Лана. – Да и не чужие мы... – Женщина почему-то кинула хитрый взгляд на Диего, подходящего к нам. – Тебе бы отдохнуть.

– Угу, – не стала я спорить. – Сейчас все дочистим здесь – и домой.

– Если буду нужна, – ласково улыбнулась земляная, – ты знаешь, как меня позвать. Чем могу, всегда помогу. Ты хорошая девочка.

– Это видимость, – смутилась я, покраснев.

– Нет, огонек, – погладила меня по щеке женщина. – Это правда. Слабая девочка, способная дать отпор Рамону, дорогого стоит. Я верю – ты со всем справишься.

– Спасибо, – пролепетала я, еще больше смущаясь и одновременно наслаждаясь материнской лаской.

– Диего, – обратилась к телохранителю Солнце, – я, надеюсь, ты знаешь, что делать?

– Да, сеньора, – склонил чернявую голову испанец. – Я знаю свой долг и следую ему.

– Следуй своему сердцу! – неожиданно поправила его Лана. – Оно иногда важнее долга. Можешь рассчитывать на мою поддержку.

– Благодарю! – Испанец поднес к губам ладонь женщины и поцеловал. – Вы сняли тяжесть с моей души.

– Главное, не снимите с него чего-нибудь еще, – фыркнула я, прекрасно понимая – за простыми словами кроется какой-то непонятный мне подтекст.

– Прощайте! – Лана позвала жестом сыновей, и они ушли так же, как и появились. Через землю.

– И что все это значит? – повернулась я к Диего, стоявшему с совершенно невозмутимой физиономией, которая просила кирпича. Жалко, ифрита уже закопали.

– Этих из стазиса выводить? – Рядом появилась довольная Сапфира, кивая на застывшую группу спецназа. – Или так погрузим? Вам в сад подпорок не надо?

- Выводи, - вздохнула я, передвигаясь в сторону колоритной композиции, украшенной автоматами. - Тащить тяжело, бросить - жалко. Пусть своим ходом сваливают.

- Ладно, - кивнула девушка и переместилась к Марике, которая с задумчивым видом обходила спецназ и тыкала пальчиком в мускулы.

- Можно я этого себе возьму? - показала на Алексея. - Такой здоровый - надолго хватит географию с анатомией изучать.

- Не тащи домой всякий мусор, - поморщилась Сапфира. Строго погрозила пальчиком. - Замучаешься потом носки стирать и пищу заказывать. А уж про то, чтобы током стимулировать, - я вообще молчу. Один раз пикнет - и потом будет только орать!

- Уговорила, - вздохнула Марика и щелкнула пальцами.

Мужчины отмерли и закрутили головами в разные стороны. Алексей увидел нас с Диего и подошел.

- Маша...

- Ты как меня назвал, избыток тестостерона! - возмутилась я. - Я - Мария! Хочешь высеку на твоём гранитном лбу зубилом?

- Да ладно, - махнул лапищей спецназовец. - Я учту, только не злись.

- Что хотел? - воззрилась я на него в ожидании.

- Ты бы не могла... - замялся Алексей. - Мне дать...

- Счас я тебе дам! - взбеленился Диего, отодвигая меня себе за спину.

- Да не в том смысле, - хмыкнул спецназовец. - Хотя... в том я бы тоже не отказался, но на чужое не ведусь.

- А в ресторане? - влезла я. - Там вроде тоже не свое было.

- Там я был пьян, - с достоинством объяснил Алексей. - А когда я пьян - у меня возникает желание придавить слизняка. Ну аллергия у меня на них. Вот и не сдержался.

- О как? - изумилась я загадочной мужской логике. - А сейчас чего душа жаждет? Кларитина?

- Мария, дай мне в челюсть! - попросил Алексей, немного смутившись. - Ты не лезь, - предупредил рванувшегося было Диего. - Ей можно - она дама, а тебя мои ребята закопают под первой березой.

- Ха-ха-ха! - согнулась я. - Рядом с Вольдемаром. Не соглашайся! Ты с ним не вылежишь!

- Очень весело, - пробурчал испанец, поглаживая меня по спине.

- Зачем тебе в челюсть, дитя изврата? - полюбопытствовала я, отсмеявшись и вытерев набежавшие слезы.

- Да вот думаю - может, мозги на место встанут. - Спецназовец почесал пятерней бритую челюсть. - А то так и вижу троих огненных чудиков с черными зенками. Аж в дрожь кидает. Кто из ребят узнает - смеяться будут!

Я подошла поближе и захватила взгляд мужчины. Вспыхнули в моих глазах два язычка пламени и выжгли все воспоминания за последние часы.

- Вы что тут делаете? - очнулся Алексей. - Гражданским тут не место! Мария, будьте любезны уйти с территории.

- Уже идем, - улыбнулась я. Взяла под руку Диего и махнула девчонкам. Те успели обработать все остальную группу на предмет воспоминаний и сейчас кокетничали с омовцами напропалую. Уронила вслух: - Мухоморы здесь на диво невкусные. Пойдем бледные поганки поищем.

- С тобой, искорка, хоть за «медвежьим ушком», - хохотнул Диего, ловко уворачиваясь от моей затрешины. - Пойдем домой, родная.

Глава 16

Мы убиваем, нас подставляют.

Как это часто всех напрягает...

На следующее утро мы приехали к Лёне в офис за пакетом. Диего я об этом не сказала, поскольку знала, что он будет орать как резаный и рассказывать мне, насколько я не права!

Точно! Это ж я сама себе работенку подкидываю. Вроде мне совсем делать нечего – сижу я и думаю: а как бы мне кого-то испепелить и у костра погреться? Совсем, понимаешь, замерзла в тридцатиградусную жару.

Всю ночь мне снились необычные цветные сны. Я плавала в огненном озере. Нырjala среди лавы. Резвилась в жерле вулкана. Вокруг меня носились диковинные тени, шептавшие мне: «Выпусти нас! Воспользуйся нами! Мы здесь!»

И алые, всепонимающие бездонные глаза без зрачков, манящие и притягивающие. Они обещали могущество, силу и владение. Эти глаза... одновременно бесстыдно ласкающие и отталкивающие. Пустые – и заполненные знанием. Глаза, которые любили... меня? Или себя во мне?..

Проснулась я со странным ощущением потери. Разум требовал немедленно вскочить и бежать сама не знаю куда. Но только бы избавиться от сосущего чувства одиночества!

– Мрак! – тряхнула я спутанными волосами и потопала в ванную. Чистить зубы и полоскать мозги.

Дополоскалась до омерзения. К самой себе. Потому за завтраком была мила с Наткой и Диего до приторности. Я даже сказала испанцу: «Мой пончик, передай лимончик», – и была уничтожена аквамариновым взглядом. Как базуккой. Нет, двумя.

И как на стуле удержалась – непонятно! Должно было смести и выкинуть на земную орбиту... при условии, что не придали добавочного ускорения. Тогда бы еще дальше в космос улетела, к Юпитеру или Сатурну.

Ожог на груди чуть поблёк, но не исчез. Проводя по нему пальцами, я испытывала соединение с чем-то очень важным в моей жизни. С кем-то, кому было необходимо находиться рядом, как частичке одного со мной целого. Он бился во мне, толкал меня на радикальные изменения в моей жизни, вытаскивал на поверхность сладкие плотские мечты...

В раздумьях о смысле жизни погрузилась в машину.

– Мария, – отвлек меня Диего, – мы приехали.

– Спасибо, – вылезла я из «мерса» и резво поскакала вперед, рассчитывая избавиться от навязчивой опеки телохранителя и его пристального внимания. Сегодня утром, когда он заглянул мне в глаза, меня как будто вывернули наизнанку и начали искать невидимые дефекты. Странное ощущение. Довольно неприятное.

– Привет, Лёна! – ворвалась я к подруге. – Как дела?

– Амбивалентно, – откликнулась шатенка. – Хочется кого-то загрызть, но юридическая совесть останавливает уголовным кодексом.

– Не повезло тебе, – посочувствовала я, плюхаясь в кресло.

– Зато тебе повезло, – скривилась Лёна. И отвернулась, маскируя глухое раздражение действиями начальства. – Три объекта за десять дней!

Я тоже зла по этому поводу, но пока закрою варешку. Сволочизм, конечно, но ничего не попишешь, «начальник всегда прав!».

– Что?!! – взорвался Диего. Накинулся на всех присутствующих: – Какого черта! Она

только-только начала отходить от удара ифрита!

Ожог на груди болезненно зачесался.

– Угу, – сухо кивнула я, вскрывая пакет. – Но если ты помнишь – я единственная уполномоченная огненная на этой территории и, кроме меня, приговоры исполнять некому. А они уже вынесены. Начальство мне не простит отсрочки.

Диего зло сверкнул глазами. На его лице загуляли желваки, а брови сошлись в одной точке на переносице. Грозно смотрится, признаю.

Я перелистала файлы.

– Там все адреса, – шмыгнула носом Лёна. – Я подобрала информацию и места проживания по каждому.

– Спасибо, – буркнула я, не отрываясь от фото и документов. Во мне поднималась лютая ненависть.

Эйден прав – таких надо выжигать дотла! Так, чтобы не осталось даже пепла от этих омерзительных тварей, имеющих наглость называть себя людьми.

– Поехали! – встала я. – У нас мало времени.

– Тебе нужно отдохну... – завел Диего, но был остановлен моим холодным взглядом.

– Я уезжаю, – отчеканила я. – С тобой или без тебя.

– Мария! – предупреждающе воскликнула подруга. На ее лице проступило волнение.

Я повернулась к ней и вспыхнула зрачками.

– Спасибо за помощь. Но советов я не просила. Займись лучше Вольдемаром. К моему возвращению этот сукин сын должен быть готов, как пасхальный кролик. – Надавила голосом: – Использовать все средства – мне нужен его скальп!

Лёна сникла и поежилась. Подобный жесткий тон в общении с ней я в жизни себе не позволяла.

Обратно ехали в тишине. Диего молча злился, а я просматривала бумаги и раздумывала над операцией.

Первая остановка

Первый кандидат. Растлитель с ярко выраженной способностью к внушению.

Работает в детском интернате. Любитель детей до двенадцати лет.

Последняя девочка погибла тогда, когда он дал ей лекарственные средства для внебольничного химического аборта. Умерла и она, и плод сроком три месяца.

Перед тем еще двое детей не пережили его нездорового внимания – мальчик девяти лет и девочка восьми. Их нашли мертвыми в канаве. Официальным следствием насильник не установлен – мужчина использовал перчатки, был в одежде и надел презерватив. Дело зависло. Сколько их было еще – не узнать. Как только пропадал ребенок, считалось, что сбежал на вольные хлеба. Таких побегов среди интернатских действительно много. Всех не проверишь.

Впрочем, от воздушных еще никто не уходил! Они педофила легко вычислили и уже собрали прямые доказательства.

Породистое лицо. Густые волнистые волосы. Ухоженные руки. И черная душа. В глазах цвета темного ореха неверие сменяется ужасом, когда появляются огненные палачи. Трое помощников обнимают приговоренного, заключая в смертные вечные объятия.

Вспыхивает священное пламя, поглощая последний крик. Яркий белый цвет огня утасует, не оставляя даже пепла. И маленький четвертый огонек кидается ко мне и впитывается в протянутую для помощников ладонь.

Не понимаю, что происходит? Откуда?!

Удар током потрясает. Из глаз текут слезы, я прикусила язык. Жаром по телу жуткая, всепоглощающая похоть. И пятнами фотографий лица всех жертв перед глазами.

– А-а-а! – Я пришла в себя на коленях, сжимая гудящую, как бубен, голову руками. Что это было?!

Встала, отряхнув пыль с коленей, и побрела к дороге, где меня ждал Диего. Увидев бросившегося навстречу испанца, флегматично подумала: «Староват. Хотя если немного жестче... Ой! Совсем сдурела». Снова потрясла головой, отгоняя неприглядные мысли.

Кто я? Кто внутри меня? Как избавиться от этого?

– Ты в порядке? – встревоженно спросил телохранитель, поддерживая.

– В полном, – скривила я губы. – Тебе-то что, охранничек?! Твое дело – сторожить тело! – Выпрямила спину. – Поехали!

Вторая остановка

Маньяк. Предпочитает мучить и насиловать молоденьких девушек семнадцати – восемнадцати лет. Телепат.

Худой, сильный, жилистый. Сухие мускулы пловца. Тонкие пальцы музыканта, наносящие режущие удары по шее и лицу скальпелем. Голубые глаза ангела, загорающиеся от вида крови и криков жертвы.

Он сгорел быстро. Быстрее, чем заслужил. Только вот выпустила я четверых помощников, а ко мне уже вернулось пять...

Снова удар током. Меня затоснило. Мучительная жажда крови и боли. Изуродованные лица молоденьких девушек.

– Не-э-эт! – Мозг разрывает смертная мука. Внутри идет нешуточная борьба. Их пятеро – я одна. Кое-как с грехом пополам справилась.

Выпрямилась. Дождалась телохранителя. Пока он шел ко мне, пальцы сжимались, будто ощущая скальпель. Под кожей бился пульс, мозг выворачивало звериное желание изувечить, нанести боль. «Слишком смазлив, – ядовито нашептывал внутренний голос. – Пометь его. Заклейми. Спрячь его красоту от всех!» И мучил странный невыносимый зуд в кончиках пальцев.

Кто я? Кто они? Как мне пользоваться этой силой дальше, если она меня убивает, калечит все лучшее во мне?

– Что с тобой? – Вопрошающие аквамариновые глаза заглядывают в душу.

– А что со мной? – Заломленная бровь и кривая усмешка. – Я – палач! Ты забыл, человек? Так вспомни! – Встряхнула головой. – Водила, погнали!

Третья остановка

Убийца. Эмпатический вампир-социопат.

Молодые женщины.

У каждой смерть от потери крови. Медленной потери.

Белокожий, с черными, зачесанными назад волосами. Интеллигентный и смертельный. Ищущий вечной жизни. Свихнувшийся на вампиризме. Белые зубы голодного хищника – и мерзкая грусть шакала.

Он ужасно кричал, когда горел! Со слезами умолял о пощаде! Забыл, как точно так же умоляли его невинные жертвы. Женщины, которые уже никогда не вернутся домой, к родным. Только в отличие от них он умер быстро. Почти мгновенно. Я не умею убивать долго.

«Умеешь!» – змеей закрался странно знакомый голос. Я потрясла головой. Наверное, от усталости мерещится.

Я узнала их всех, когда он вернулся ко мне огнем. Всех! Их лица, тела. Познала чужую смерть. Кровавую извращенную радость хозяина-убийцы. Все это пронеслось током по венам.

Чувствовала необходимость для убийцы ощутить последнее дыхание, трепыхание невинной жертвы. Насладиться смертельным ужасом в гаснущих глазах. Видеть, как тело, недавно теплое и подвижное, окоченеет в твоих руках.

«Хочу! – вспыхивает фейерверком в мозгу. – Позволь себе расслабиться! Кто они для тебя? Ты – вечна. Ты – власть, сила и закон!»

Я тону! Меня погребает духовная нечистота! Помогите!

– Уйди! – Закушенные до крови губы и впившиеся в ладони ногти. – Убирайся!

«Как можно уйти от себя? – ласковый шепот. – Ты – это я. Я – это ты. Нет тебя без меня, как и меня без тебя».

– Мария! – трясет меня за плечи испуганный до бледности Диего. – Мария! Приди в себя! Очнись! Что происходит?!!

«Убей его, – покорной собачкой ластится голос, сладко убаюкивая сонный разум. – Он мешает нам стать единым целым. Он отнимает тебя у меня. Ты моя жизнь, мое спасение, моя свобода!»

Боже! Как же мне плохо! Просто выворачивает наизнанку. Пылает лава в венах, глаза заволкло туманом! НЕНАВИЖУ! ВСЕХ НЕНАВИЖУ!!!

– Все хорошо. – Я свернулась калачиком на земле. – Сейчас будет все хорошо...

«Освободи меня! – умоляет голос. – Освободи нас – и мы будем вместе во веки веков. Вместе мы будем править миром!»

Да чтоб тебя, нечистая сила! Сгинь! Вот только править миром мне и нужно! Сплю и вижу! Да я с котом управляюсь еле-еле! Хвостатый у меня на голове сидит и лапки свесил. Еще мира у себя на голове мне для полного счастья не хватало! Меня ж раздавит!

– Родная, – Диего прижимает меня к себе, вытаскивая из этого кошмара, – поехали домой.

Я с трудом обрела способность говорить.

– Домой?.. – прошептала, открывая глаза и глядя на мир сквозь багрово-алую пелену. – Да. Отвези меня домой, Диего. Я так устала...

«Устала...» – повторяет один неприятно-насмешливый голос внутри моей головы.

«Устала?» – издевается второй.

«Устала... устала...» – передразнивают еще четыре. Нет, пять!

Кто я? Что это за голоса во тьме?! Что со мной, черт побери, происходит?

На следующий день мы вернулись в родной город и сразу поехали к Лёне. Мне хотелось

поскорее закончить с Вольдемаром.

– Как все прошло? – бросилась ко мне с объятиями шатенка.

Я испытала необъяснимую брезгливость и поспешно отодвинулась.

– А как должно все пройти? Все хорошо.

– Мария?.. – заглянула Лёна мне в лицо и отшатнулась: – Что с тобой? У тебя глаза страшные... мертвые!

– Может быть, просто уставшие? – усмехнулась я, усаживаясь в кресло. Вернула нашу беседу в деловое русло: – Как обстоят дела с Вольдемаром?

– У тебя завтра с ним встреча на шестом километре Загородного шоссе, – отрапортовала шатенка, не переставая сверлить взглядами меня и Диего. – Он уже достаточно созрел. Просто не понимаю, зачем тебе это нужно?

– Тебе и не нужно понимать, – не слишком любезно отрезала я. – Не твоего это ума дело, милая. – Вздернула бровь. – Что-то еще?

Лёна молча подала мне тонкую папку. После нашей пикировки она просто заледенела.

– Пошли, – бросила я Диего, встала и вышла не прощаясь.

Зачем? С наемными работниками следует поддерживать исключительно деловые отношения. Подчиненные должны знать свое место.

– Ты зря обидела Лёну, – сообщил мне Диего, садясь за руль.

– Да неужели? – скривилась я, откидываясь на спинку. Поддела охранника: – Ой! В самом деле?.. Тогда это горе. Теперь у меня испортится аппетит на черную икру, и я перестану смотреть «Спокойной ночи, малыши».

– Ты как-то странно изменилась, – заметил испанец. Нахмурился. – Не в лучшую сторону.

– Может быть, поумнела и выросла? – вскинулась я, рассматривая свои ногти. Надо будет срочно сходить сделать маникюр. Жестко: – И перестала в каждом подчиненном видеть друга?!

Мы приехали домой в полном молчании. Лично мне это ничуть не мешало. Слишком уж много воли в последнее время стал себе позволять телохранитель. Пора менять. Красивых мужчин много, а угождать их прихотям и поддерживать чужие глупые иллюзии я не намерена. Так и разорваться можно от усердия.

– Ну наконец-то! – встретила нас в дверях Натка. – Я за вас очень переживала. Ифрит сильный противник, не каждому по зубам. Ты не ранена? Плохо выглядишь. А я вот пирожков напекла. И греческий салатик сделала. И для Диего этот ваш суп... как он там называется? О! Карпаччо!

Я страдальчески сморщилась и произнесла, возможно, с излишней резкостью:

– У тебя на кухне все дела уже переделаны, чтобы ты путалась под ногами?

– Что стряслось? Тебя какая гадюка цапнула? – грозно уставилась на меня Натка, сжимая поварешку. – Покажи пальцем, я ей живо бошку на деликатес откручу!

Диего, не раздумывая, встал между мной и домовушкой. Но мимика бодигарда отображала глубокие сомнения в моей правоте. Мне это не понравилось. Немой упрек очень некстати. Раздражает.

– Твои кастрюли по тебе соскучились, – холодно сообщила я Натке. – А я – нет. Так что шагом марш на кухню и не мозоль мне глаза.

Зеркало прихожей отобразило холеную блондинистую стерву. Надменные золотистые глаза. Презрительную складку у краешка губ. Злую красоту.

Словно там и не я. Впору собой гордиться.

Домовая пронзила меня убийственным взглядом, испытующе зыркнула в сторону опустившего взгляд испанца, после чего фыркнула и ушла. Вскоре на пищеблоке загремела бьющаяся посуда.

– Вычту из жалованья до копейки! – мстительно выкрикнула я, поднимаясь к себе.

– Ты сейчас оскорбила хранительницу, – поймал меня за руку Диего. На его лице читалось ошеломление на грани возмущения, в глубине выразительных аквамариновых глаз поселилась тень тревоги. Некоторое время испанец молча смотрел на меня, прежде чем продолжить: – Как ты могла так с ней поступить?

Я вырвалась. Подчиняясь внезапному порыву, произнесла с расстановкой:

– С кем? – Нехорошо улыбнулась. – С прислугой?! А что я должна была с ней делать? Взапас целовать? До гланд?

У Диего на виске забилась жилка.

– Ты пожалеешь. Пожалеешь, да поздно будет, – враждебно предупредил меня испанец. – Когда останешься одна... – Диего стремительно, с каждым словом от меня отдалялся, чему я была откровенно рада.

Я остановилась на середине лестницы, внимательно посмотрела на него глазами ифрита. Издевательски хохотнула:

– Мне это не грозит! Меня слишком много, чтобы быть одной.

Диего отшатнулся и сжал кулаки. Постоял в недолгой растерянности, то открывая, то закрывая рот, словно испытывая огромное желание меня о чем-то спросить. Но удержался. Сцепил зубы и ушел.

Стало тихо. Даже кот от меня сбежал и не показывался. Предатель ушастый!

В спальне меня застало врасплох запоздалое раскаяние. Было ужасно стыдно перед всеми за свое отвратительное поведение и мерзкие слова. Но ледяной камень внутри – целая гранитная стела! – не давал возможности все исправить.

Алые глаза, глядящие в душу, вот кто мешал! Шесть огоньков, стерегущих ее. И вкрадчивый голос, постоянно нашептывающий: «Власть! Самое главное в жизни дает власть. И богатство! Рвись к власти, я помогу! Стремись к богатству – и я приду к тебе на помощь!»

– Отстань! – слабо отбиваясь от навязанного внушения, понуро бормотала я, качаясь на коленях в кровати и тоскливо сжимая гудящую голову. Крикнула: – У тебя было богатство! Каким путем ты его добыл? Жизнями несчастных девочек?

«Пути не имеют значения, – шептал голос. – Главное – результат. Девчонки – товар, мусор, расходный материал! Однодневки! Они все доброго упоминания не стоят. Бессловесное быдло, пустоголовые дурочки. Курицы, отданные на съедение. Ты – сила, которая может этим управлять. Ты!»

– Нет! – бессильно сопротивлялась я, извиваясь на влажных от пота шелковых простынях. – Нет ничего важнее человеческой жизни. Все равно – своей или чужой!

«Нет ничего важнее тебя! – сладко уговаривал голос. – Ты, и только ты имеешь значение. Твои желания должны исполняться. Все остальные созданы для служения тебе!»

– Уйди, – плакала я, раздирая до крови поблекший ожог на груди. Если бы могла – срезала бы вместе с мясом и кожей. – Оставь меня! Я тебе не принадлежу. Я хочу жить и решать сама!

«Дурочка, – ласкал бархатом вкрадчивый баритон. Мне почудился снисходительный смешок. – Это я принадлежу тебе. Я служу тебе. Выпусти меня, и вместе мы достигнем небывалых высот. Твоя красота и моя сила – небывалое могущество!»

Я не выдержала. Сползла с постели и заглотала половину пузырька снотворного. Убить не убьет, зато вырубит качественно и надолго.

Сновидений и раздвоения больше не было. Просто чудилось, что меня баюкают сильные родные руки.

Глава 17

Мир не прост, совсем не прост, Здесь вместо звезд выдают компост...

– Диего!

– Рамон...

Все то же самое восточное кафе. Статуя лукаво улыбающегося Ходжи Насреддина при входе. Дневное сонное царство одиночных посетителей.

Затихарившийся, слегка зашуганный бармен, рядом с ним хозяин заведения с лицом испуганным и раздраженным.

За столиком двое. Иностранцы. Оба в черном. Смотрят друг на друга с таким выражением... на их фоне Пушкин с Дантесом при дуэльных пистолетах кажутся близкими друзьями.

– Зачем ты звал меня, Рамон? – Первый сух и собран.

– А разве мы, два иностранца в этой Богом забытой стране, не можем просто посидеть и пообщаться? – Второй пытался быть очаровательным, и это даже ему почти удалось. Почти. Потому что рядом с ним не женщина, способная легко повестись на эту бездну южного дружелюбия.

Диего молча посмотрел на соотечественника, но так, что длительные дружеские заигрывания и прелюдии сразу кончились.

– К делу, огненный.

– Как скажешь, водный... – Рамон вальяжно откинулся на диванчик и достал сигару, заведомо зная, что Диего запах сигар и сигарилл ненавидит.

И Диего знал, что Рамон знает это.

Сигара упорно не поджигалась. Рамон отшвырнул зажигалку, доставая спички. Ситуация не изменилась. Диего с легкой усмешкой дожидался, чем закончится сражение с внезапно отсыревшим табаком.

Сражение завершилось ничьей. Когда разозленный владелец применил свой внутренний огонь, в его руках вместо сигары осталась горстка пепла.

Диего все так же невозмутимо улыбался, наблюдая, как громко ругающийся огненный вытирает салфеткой испачканные руки. По знаку водного официант принес ему бокал белого вина, и водный отхлебывал его по маленькому глоточку.

Когда ругательства Рамона иссякли, он перевел дух и заговорил о деле:

– Совет принял решение о ликвидации моей сотворенной. Тебе поручено устранить ее.

– Когда? – спокойно спросил ликвидатор.

– В ближайшее время. – Рамон скалился во весь рот. Одна мысль, что ненавистная сотворенная покинет этот мир, заставляла его широко улыбаться.

Его противник вопреки ожиданиям был вежлив до приторности:

– Нет, ты не понял! Когда собирался Совет?

Рамон быстро – слишком быстро! – ответил, слегка скосив глаза:

– На днях. Точно не знаю. Мне самому передали только что. Дела, дела...

Диего картинно заломил черную как смоль бровь и отхлебнул еще глоточек. Махнул рукой, и ему поднесли горячий кофе, сваренный по-арабски, и стакан воды. Глядя глаза в глаза, произнес мягко, словно огромный кот, легко ступающий на огромных лапах,

но каждую секунду готовый к прыжку:

- Ты можешь мне показать документ, удостоверяющий принятое решение?

Неприятная пауза.

Впрочем, недолгая. Рамон – тертый калач и быстро восстановил душевное равновесие.

- Нет. Ты же знаешь, что нет. Но решение уже принято. Или будет принято в ближайшие дни. Она нестабильна. Сейчас в ней соседствует сущность ифрита и шесть поглощенных душ. Ненормальных душ, замечу! Ей против них не устоять. Ты сам, наверное, заметил.

Водный страж откинулся на спинку стула.

- И ты больше ничего после каждой казни получить не можешь?.. Все огненные части души казненных пролетают мимо тебя? – не то спросил, не то заявил Диего, все так же усмехаясь, только усмешка стала чуть кривоватой.

Огненный проглотил оскорбление.

Диего не умолкал:

- А ифрит – жирный кусок, и упускать такую возможность одним ударом расправиться с огромным количеством проблем ты просто не можешь, так? Понятно...

- Тебе-то что за дело? – презрительно фыркнул Рамон. – Делай свою работу, водный убийца. И тебе все останутся благодарны. Не только ее друзья-приятели, но даже я. А я умею быть благодарным, поверь. – Вздохнул и заговорил быстрее, активно жестикулируя: – Все равно этого не избежать! Ифрит стар, как мир. Он ее в бараний рог скрутит. Ты и «мама-папа» произнести не успеешь, как он ее растворит, переварит и выплюнет. Ему смертные людишки на один зуб!

- Ola! Ты так его хорошо знаешь? – не менее экспрессивно отозвался Диего. Маска невозмутимости слетела в один миг. Выплюнул: – Не потому ли ты настолько хорошо информирован, что сам имел с ним дело?! И если я убийца, то кто тогда ты?!

Рамон вздрогнул, но взял себя в руки.

- Мало ли с кем я мог иметь дело? – туманно откликнулся. – Мы сейчас не о нем речь ведем. О твоей и моей подопечной.

- Слушаю. – Ликвидатор опять вернулся к состоянию снисходительной невозмутимости.

- Убей ее, Диего! Просто убей, – взмахнул рукой Рамон. Огорченно вздохнул. – Можешь даже быстро и чисто. Я легкой смерти ей не хотел, но... сейчас не тот случай. Считаю, это ей мой последний дар.

- Бумаги ты мне не показал, решения Совета на руки не представил, так с чего мне ее убивать? С какой стати? – шевельнул челюстью Диего. – Если хочешь от меня каких-то действий – аргументируй! Я свою шею под неправомерные действия перед Советом Стихий ни за что не подставляю. А убийство подопечной именно мне будут инкриминировать, не тебе! – Диего сделал резкий жест рукой поперек шеи.

Огненный придвинулся через стол и понизил голос:

- Диего! Ты не понимаешь! Это же ифрит! ИФРИТ! Старый. Могущественный. С помощниками. Ты думал, вы его в землю закатали? Нет! Он в ней сидит. Сидит и разрушает. – Снисходительно: – Это не убийство. Это акт милосердия.

Водный фыркнул и выразил мимикой недоверие.

Огненный творец продолжал наседать. Слова лились из него сплошным потоком:

- Ты думаешь, зря начальство ей одно за другим три подряд задания выдавало, вместо того чтобы дать отдохнуть как положено? А вот и нет. Не зря. Они понимают, что долго она не продержится, а когда еще удастся сотворить нового палача и обучить основам работы... На все время нужно. А у Марии его уже нет. Ее время вышло. Ифрит убивает ее

изнутри, неужели непонятно? Убивает! Да еще с... давай-ка посчитаем вместе... четыре, пять... с шестью помощниками! И все как на подбор – маньяки, убийцы, насильники.

Диего передернулся.

– Она уже странно себя вела? Было что-нибудь необычное? – напряженно спросил огненный.

Водный красноречиво промолчал.

– Вот. Думаю – было. А когда ифрит в ней освоится, ты с ней уже не справишься. С ней полная пятерка стихий не справится! – убеждал Рамон, качая головой. Надавил, повышая голос до крика: – Не упрямься, спаси девочку, ведь она небезразлична тебе, правда! Прояви к ней милосердие!

Диего глубоко задумался. Встал.

– Я подумаю. Но без бумаги Совета в любом случае не буду ничего предпринимать. И никого другого нанимать не рекомендую. Если поймаю – жестоко расправлюсь и с ним, и с заказчиком, уяснил, Рамон? И земляные с воздушными тебя по головке не погладят! А уж эфиры – те вообще на тебя клык размером с башню Агбар! Уж очень им непонятно, куда некоторые из их собратьев после общения с тобой подевались... – медленно проговорил Диего, наблюдая, как его собеседник то белеет, то багровеет.

– Кхе-кхе-кхе...

– Ну я пошел. Бывай, Рамон. Надеюсь никогда с тобой больше не встречаться.

Элементали покинули кафе.

После побудки заранее поставленного будильника я спустилась вниз почти к обеду. Дом как будто вымер. Обычно всегда слышались какие-то звуки: звенела кастрюлями Натка, хихикали эфиры, незлобиво ругался Диего, мявкали Дарси... Дом жил.

Сейчас стояла мертвая тишина. Гробовая. Как раз под стать моему настроению. Всю ночь я сражалась с призраками внутри себя, не давая им поглотить то немного, что осталось. Землистый цвет лица и черные круги под глазами придавали мне прямо-таки неземное очарование. В смысле, что с таким лицом проще закопать, чем вылечить.

Я зашла в гостиную. Около открытого настежь окна стоял Диего, подставляя ладони под летний теплый дождик.

– Где все? – спокойно спросила я, подходя к потухшему камину.

– Кто тебе нужен? – не поворачиваясь, с прохладцей спросил испанец. – Ты вчера коллегам и домочадцам все по пунктам разложила и рассказала. Никто не хочет повторения.

– Их право, – поворошила я пушистую золу, ища хоть искорку. Душа и тело покрылись метафизической ледяной коркой.

– Ты помнишь о встрече? – задал вопрос телохранитель.

– Конечно, – встала я на колени около камина. Я боролась с желанием разжечь огонь и боялась этого. Боялась, потому что те внутри меня тоже питались огнем, но их гораздо больше. Справлюсь ли я с ними в следующий раз?..

– Тебе помочь? – В моем поле зрения возникли начищенные ботинки.

– Нет, – отказалась я, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно.

– Мария, – присел он на корточки, – тебе что-то нужно?

Решение пришло в один момент.

- Нужно, - кивнула, не поднимая головы. - Свяжись через Лёну с Эйденем и спроси, как можно меня уничтожить, не привлекая Рамона. И от кого должна прийти санкция.

- Ты спятила?! - Меня схватили за плечи и потрясли, будто детскую погремушку. - С чего такие мысли?

- Мне нужно знать, - упрямо продолжила я, - что я никому не смогу причинить вреда. Для меня это очень важно. Может наступить такой момент...

- Какой момент? - взорвался Диего, не прекращая меня болтать, словно коктейль в блендере. - КАКОЙ момент?!!

- Когда я не смогу себя контролировать, - сжала я покрепче челюсти. - И тогда...

- Не будет «тогда»! - рявкнул испанец, вскакивая и волоча меня за собой. - В твоём и моём лексиконе нет этого слова!

- В лексиконе нет, - покорно согласилась я, поднимая на него измученные глаза. - В жизни - есть. Хочу уйти без проклятий.

- Чего орете? - В дверях нарисовалась недовольная Натка. - Прищемили чего?

- Совесть! - заорал Диего. - Тут кто-то очень умный умирать собрался!

- Ты чего это, девка, удумала? - подняла мне подбородок поварешкой хранительница. - Совсем рехнулась? Сначала грубит, потом блажит?

- Я хочу уйти с чистой душой, - пояснила я, не отводя взгляда от по-матерински проницательных глаз Натки. - Мне это важно.

- Успеется!.. Дурочка! - легонько стукнула меня по затылку хранительница и прижала к пышной груди. - А ты о нас подумала? О тех, кто рядом? Как мы без тебя будем?

- Как раньше, - упрямо сжала я губы. - Будет другой огненный страж. Всего лишь...

- Страж будет, - согласилась женщина, поглаживая меня по волосам. - Тебя не будет.

- Все! - успокоился Диего и перестал бегать по комнате. - Это не обсуждается!

- Тогда поехали на встречу, - скривила я губы в недоброй усмешке, высвобождаясь из уютных домашних объятий Натки. - Хоть злость скину.

- Ты, главное, еще чего не скинь, - хмыкнула хранительница, удаляясь. - А то дело молодое...

- Натка! - сурово сдвинул черные брови Диего. - Мы на работе! - Эти аквамариновые глаза с поволокой, густые, иссиня-черные волосы, мужественное лицо... не мужчина, одна сплошная увертюра к греху!

- И что? - сильно удивилась домовушка. - Кому это когда-то мешало? Сколько лет уже по телевизору крутят «Служебный роман» как пособие к действию?

- То есть мне теперь нужно называть Марию Мымра? - засмеялся испанец, весело подмигивая мне.

Я отвела глаза от самого желанного на свете мужчины, почесала нос и честно заявила:

- Ну... Вообще-то я мымра и есть.

Тут у Натки с Диего приключился приступ каталепсии или кататонии... в общем, они застыли статуями. Только ресницы хлоп-хлоп у обоих.

- Ты ей, часом, вчера ничего в кофе не подсыпала? - минуту спустя обратился мужчина к хранительнице, при этом внимательно изучая подопечную, то бишь меня.

Я одернула белую футболку с надписью из розовых сердечек: «Трогать здесь - руки убирать быстро. У меня нервы слабые!»

- Нет, - растерянно ответила Натка, все еще ошарашенная моим прикидом. - Хотела вчера цианида насыпать для вкуса, да продукт пожалела - все одно не поможет. Даже изжоги не будет. Знаю я этих огненных. Все переварят и добавки попросят. Они такие...

- Мария, - спокойно и размеренно спросил Диего, обращаясь словно к сумасшедшей, - ты в ванне с утреца не перекупалась?

- Не-а, - ухмыльнулась я, подтягивая рваные джинсы повыше. - У меня просто настроение мымристое. Сегодня. С утра. Минуты три...

- А-а-а, - выдохнули они вдвоем. В унисон: - Тогда иди, деточка, переоденься.

- Зачем? - настал мой черед удивляться.

- Ты же на работу едешь? - осторожно поинтересовалась хранительница. - Или нет?

- На работу, - согласилась я, ковыряя ковер носком белого мокасина.

- В таком виде? - еще осторожнее спросила Натка, окидывая меня обеспокоенным взглядом и теребя в руках подол фартука.

- Ну да, - никак не могла я взять в толк их логику.

- А это прилично? - тихо закончила допрос хранительница и зачем-то поискала за поясом свою любимую поварешку. - Ты как бы с человеком встречаешься...

- Это его последняя встреча, - пожалала я плечами. - Какая разница, в чем он меня увидит? Все равно Гитлер капут.

- Ты права, - согласилась со мной женщина. - Но все же эстетичней дать ему...

- Мы ему ничего давать не будем! - отрезал сразу помрачневший Диего, обхлопывая под пиджаком кобуры на предмет очевидности их присутствия. - Поехали!

- Поехали, - улыбнулась я помертвевшими губами. - Сделал дело - уберу тело!

Сегодня Диего решил уважить Вольдемара, если уж я не захотела расфуфыриваться, и выгнал во двор из гаража черный BMW.

- Маскируемся? - вяло поинтересовалась я, кидая на заднее сиденье рюкзачок и усаживаясь. На носу заняли свое место любимые темные очки.

- А ты хочешь за ним по всей округе гоняться? - любопытствовал испанец, садясь за руль. - Он как «мерс» с нашими номерами увидит, сиганет почище зайца без автостопа. Не удивлюсь, если он тобой всех окрестных детей пугает.

- Я просто спросила, - фыркнула я. - Мне все равно, на чем костлявую с косой изображать. Правда, на велосипеде было бы неудобно. Как-никак дресс-код и статус не позволяют.

Машина рванула с места. Диего хватило ровно на три минуты, перед тем как начать меня доставать:

- Мария, мне хотелось бы знать, откуда такой пессимизм?

Тоже мне Дзержинский нашелся! Нет, он был председателем ВЧК. А кто там у нас из следователей знаменитых? О! Сыщик. Шерлок Холмс!

- От верблюда! - кратко проинформировала его я, доставая из рюкзачка бандану с черепами.

- Это теперь стиль такой? - чуть не поперхнулся воздухом испанец.

- Не нравится? - хмыкнула я, залихватски вставляя в ухо пиратскую серьгу. - Привыкай!

- Костюмированный выезд на природу? - попытался догадаться мужчина и попал пальцем в небо.

– Не-а, – запихала я в рот жвачку и выдула большой розовый пузырь. – Возвращаюсь в детство. Маразм.

– Зачем все это? – не отставал бодигард, мучаясь, видимо, от несварения любопытства.

– Всегда хотела попать устои, – улыбнулась я, чавкая. – Раскрепоститься и совершить анархию. Пусть и на одной отдельно взятой территории – моей.

– Не понял, – оторопел испанец, поворачивая машину на нужную дорогу.

– Я с детства была очень примерной девочкой, – объяснила я. – Белые бантики, гольфики, «пятерки» в школе. Потом университет. Юбки ниже колена. Никакой вульгарщины, никакого бунтарства.

Я замолчала, чтобы попытаться сформулировать правильно.

– У меня этого никогда не было, – закусил я нижнюю губу. – Сначала было страшно что-то менять, а потом... потом я умерла.

– Ты! – задохнулся Диего. – Ты думаешь, что...

Машина резко съехала на обочину и встала.

– Если ты сейчас выскочишь и начнешь меня трясти, – предупредила я, – то это ничего не изменит.

– Я не буду тебя трясти, – пообещал мне испанец, сверкая аквамариновыми глазами. – Но ты должна будешь мне пообещать... бороться до последнего.

– Диего, – грустно улыбнулась я, зябко поджимая под себя ноги, – ты не знаешь, о чем просишь. Я устала уже сейчас. А если еще один... Никто не знает...

– Я знаю, – твердо сказал мужчина. – Ты под моей защитой, и...

– Диего, – протянула я руку, останавливая ненужные и несвоевременные уговоры. – Мой родной, замечательный Диего. Ты не всемогущ, к сожалению, знаешь?

– Нам пора, – почему-то резко оборвал разговор испанец и снова тронулся с места.

Возникло чувство недосказанности. Видимо, у него тоже были свои секреты. Наверное, как у всех нас.

Мы приехали чуть раньше Вольдемара. Место Лёна выбрала идеальное. Зброшенная дорога. По ней практически никто в последние несколько лет не ездил. Здесь не было ни леса, ни озера. Полуразвалившаяся брошенная деревня в конце пути.

Диего вышел из BMW и осмотрел местность. Потом достал из багажника еще один пистолет крупного калибра и затолкал его за пояс брюк сзади.

– И зачем сие представление? – хмыкнула я, подставляя лицо солнцу.

– Для солидности, – пояснил Диего. – Нет гарантии, что этот хмырь явится один.

– А ты, значит, будешь всех свидетелей свинцом шпиговать? – поразила я его воинственной кровожадности. – Стрельбу по-македонски, с двух рук, демонстрировать?

– Я буду изображать крутого телохранителя за твоей спиной, – прошипел испанец, поправляя оружие. – Но если надо по-македонски – будет по-македонски. Все для тебя, моя милая!

– Ну-ну, – хмыкнула я. – Не отстрели себе чего-нибудь важное. Твои подружки не переживут потерю ценного генофонда.

На дороге показалась машина. Я чуть не подавилась травинкой. Не то чтобы я была сильна в автомобилизме, но «копейку» за километр смогу распознать.

– Это кто? – икнула я от неожиданности.

- Вольдемар, – кратко проинформировал Диего, запихивая меня в машину.
- В этом?! – поразилась я. – Оно ж движется только под угрозой лома и монтировки.
- Зато никаких вопросов по поводу доходов у налоговой, – пояснил мужчина. – Сразу видно – человек живет по доходам.
- А тот серебристый «вольво», на котором он девчонок снимает? – хмыкнула я, рассматривая последнее чудо техники. Последнее – потому, что, возможно, оно ехало в последний раз. – На соседа?
- На другую фамилию, – кивнул Диего, не сводя глаз с приближающейся машины. – Так же как и квартира, и счета за границей.
- Хорошо устроился, – хмыкнула я, разминая пальцы и предчувствуя конец своей многолетней жажды мести.

Конечно, в сущности своей не он был прямо виноват в случившемся двадцать лет назад. Не он вывел меня за руку на улицу, не он заставил бродить по темным переулкам в поисках забвения, не он отнял мою жизнь...

Но именно он послал на гибель и муку сотни девочек, желавших лишь изменить свою жизнь к лучшему! Именно он лгал, изворачивался и обольщал, отлично зная, чем кончится для девочек многообещающее путешествие.

Так что – да. Так или иначе – он был виновен!

«Копейка» подъехала и остановилась неподалеку. Из раздолбанной таратайки вышел Вольдемар и замер, выжидая, глядя в нашу сторону.

- Уходи, – мурлыкнула я, протягивая руку к дверце. – Здесь моя территория.
- Ты не можешь его сейчас уничтожить, – мрачно сказал Диего, с досадой ударяя руль. – Эта мразь притащила с собой ребенка.
- Ребенка? – поразилась я, возмущенная до глубины души. – Черт!

Одним из основных правил огненных было не допускать участия невинных свидетелей, особенно детей. Я, конечно, могла потом «промыть» ребенку память, но как объяснить отсутствие взрослого, стоя на пепле?

- Ацидофилин тебе в гланды, архар ты горный! – от души выругалась я. – Как я теперь буду улаживать эту ситуацию?

Рядом возникла Марика:

- Все чисто. Он никого не приволок.
- А в машине? – фыркнул Диего. – Не считается?
- Не-а, – ухмыльнулась девчонка. – Мне сказали проследить, нет ли «хвоста», но ничего не говорили про «хвостик». – И быстро испарилась.
- Икебану ему в дышло! – не переставала возмущаться я, наблюдая за теряющим терпение Вольдемаром. – Чтобы через уши вошло, а через ноздри вышло!
- Что будем делать? – остановил поток моих стихотворных потуг испанец.
- Разговаривать! – рывкнула я, выбираясь из BMW и направляясь к этому майонезному шлепку.

Диего последовал за мной на расстоянии, как и положено высокочлассному телохранителю.

- Привет, мой сладкий! – проскрежетала я, оскаливаясь голодным крокодилом. – Мы так давно не виделись!

- Мария?! - оторопел Вольдемар, пятясь назад. - Но как?..

- Какое кверху, - весело ответила я, приближаясь. - У нас, кажется, есть незаконченное дело?

- Но... - никак не мог взять в толк Вольдемар, о чем я. - У меня здесь назначена встреча...

- Угу, - кивнула я, надувая жвачку. - Со мной. Так что, «peace-door-ball», кончай мямлить и показывай, как ты будешь свою карму чистить.

- У меня нет денег, - заныл Вольдемар, озираясь по сторонам. - Откуда у скромного служащего такие суммы?

Не поняла - он ждет роту спецназа? Так эфиры его звонок не пропустили.

- От сутенерства, - любезно пояснила я, складывая руки на груди. - За это, говорят, хорошо платят. Слишком хорошо.

- Я ничего не делал! - взвизгнул крысеныш и закопошился ручонками в одежде.

Диего мигом лишил его всех иллюзий и отобрал припрятанное оружие, а заодно и потряс немного - минут пять - для профилактики.

- Еще раз что-то подобное выкинешь, - скучающе сказала я, накручивая локон на палец, - увеличу твой долг вдвое. И то... только из-за моего хорошего к тебе отношения. Где бабки?

- У меня их нет, - промямлил Вольдемар, сжимаясь от испуга. - Здесь нет, - поправился, когда Диего сделал выпад в его сторону. - Мне нужно время...

- И ты надеешься, что я тебе это время дам? - хмыкнула я, подавляя в себе желание извлекать эту сволочь в грязи. - Не много ли ты хочешь?

- Почему? - вдруг выпалил Вольдемар и присел от страха. - Почему именно я?

- У меня к тебе ностальгические чувства, - призналась я, опасно улыбаясь и показательно шевеля ноготками.

- Но мы даже не были знакомы до недавнего времени? - Вольдемар жутко потел, и под мышками дешевого пиджака расплывались мокрые круги.

- Разве? - нагнулась я к нему, приспуская темные очки. - Какая у тебя короткая память, Василек.

- А? - застыл он, глядя на меня, как мартышка на удава.

Я залезла в задний карман джинсов и подала ему старый снимок, на котором высокий спортивный парень обнимал за хрупкие плечи тоненькую девушку.

- Не может быть... - прошептал Вольдемар, рассматривая снимок. - Это твоя ма...

- Это я, - ухмыльнулась бывшая дама сердца. - Правильный образ жизни и физические нагрузки. Поднятие тяжестей частенько продляет жизнь, - подмигнула я ему. - Особенно если это кейс с деньгами.

- Ты работаешь на конкурентов? - вдруг додумался Вольдемар. - Тогда тебе нужно поговорить с Рошаном.

- Я уже поговорила, - не стала разочаровывать его и рассказывать об истинных мотивах. - Он тебя сдал как основного организатора. Так что... плати, любитель свежатинки. А не то я сильно рассержусь и расскажу родителям девочек, кто помог их дочерям исчезнуть из страны и познать плотскую жизнь в непомерно большом объеме. А у Вероники, которую ты поимел две недели назад и отправил в Турцию для дальнейшего самосовершенствования, двоюродный дядя начальник уголовного розыска! Девочка просто постеснялась тебе об этом сообщить. Дурочка боялась, что с такими связями ты ее не возьмешь...

- Это еще нужно доказать! – фальцетом выкрикнул Вольдемар.

- Не нужно, – подошел Диего и протянул ему пачку фотографий. Дожал: – Есть еще записи и видеосъемка.

- Я заплачу, – прошептал мерзавец, скорей всего в подробностях представив, что его ждет в случае разоблачения.

- Конечно, заплатишь, – фыркнула я, отбирая свою фотографию и убирая ее в карман. – Вопрос: когда? И чем ты можешь гарантировать свою платежеспособность. А то ведь сбежишь ненароком – и поминай как звали.

Диего решил ускорить объяснения и чуть-чуть потыкал его почки пистолетом.

- Скоро! – снова взвизгнул впечатленный демонстрацией мерзавец. – А пока у вас побудет мой сын!

- ?!! – Тут обалдела даже я. – Ты привез своего собственного ребенка в заложники? Плоть от плоти своей?

- Ну-у-у, – замялся Вольдемар, облизывая губы. – Он в курсе... и вызвался помочь.

- Ой! – Теперь я поняла смысл фразы – «в зобу дыханье сперло». Поднялась такая волна черной злобы, что я недолго думая врезала этому уроду в челюсть. Немного не рассчитала, правда... Сила-то у меня уже не человеческая. Вольдемар пролетел пару метров и приземлился около заднего колеса своей колымаги.

- Папа! – выскочил из «жигулей» высокий подросток с буйной шевелюрой цвета заходящего солнца. – С тобой все в порядке?

- НЕТ! – рывнула я, спугнув всех сусликов и мышей-полевок в округе. – С ним не все в порядке! У него полностью отсутствует все человеческое!

- Сынок, – простонал притворщик, изображая умирающего, – я же тебе говорил – они звери...

- Да?!! – нагнулась я над ним, поднимая рывком за лацканы пиджака. – А ты ангел? Ты сыну сказал, куда и к кому его привез?

- Папа все рассказал, – ломающимся юношеским баском ответил парень, поднимая на меня взгляд угрюмых зеленоватых глаз. – Ему нужно время, чтобы продать квартиру и машину, а я – гарантия...

- Ты – цена его свободы! – рыкнула я, вклепывая папочке еще один добротный хук.

Лучше уж я, чем Диего. Судя по выражению лица испанца – закопает живьем в обществе муравьев и скорпионов. Последних лично насобирает.

- Это неправда! – с юношеской непримиримостью встал на защиту отца парнишка. – Ему просто нужно время. А вы...

- Ему нужно хорошенько врезать! – заявила я, отвечивая смачный пинок родителю. – Тебе папуля не сказал, что он в порноиндустрии подрабатывает? Нет? Поскромничал?.. И, наверное, забыл добавить, что таких симпатичных мальчиков там используют только одним способом, весьма неуважаемым среди взрослых мужчин? Тоже не сказал? Ай-ай-ай! – Я пнула еще раз. – Как же ты, шакалий выкидыш, умолчал о таком? А?

- От него не убудет! – завизжал Вольдемар, прикрываясь руками. – Такой здоровенный лоб вымахал! Еду молотит, как газонокосилка. И спортом занимается. Ничего с ним не будет! Переживет!

- Папа?.. – растерянно сказал подросток, глядя на отца. – Это правда? Ты хотел меня... – Сглотнул. – Продать?

- Ну! – занесла я ногу над мерзавцем. – Хоть раз в жизни скажи правду!

- Да! – крикнул Вольдемар, уворачиваясь. Заскулил: – Откуда у меня такие деньги? А так,

может быть, договорились бы... – Сыну: – О матери подумай! Как ей жить дальше бездомной?

– Денег нет? ДЕНЕГ? – рассвирепела я вконец. – Два немаленьких банковских счета за границей и вилла на морском побережье Испании не считаются?

– Это не мое! – открестился Вольдемар, отползая от осуждающего взгляда сына. – Я просто управляющий!

– Не надо, папа. Хоть напоследок не ври, – как-то опустошенно произнес подросток. В его глазах поселилась глухая безнадежность. Потом повернулся ко мне: – Это ваша машина? – Дождался моего молчаливого кивка. Тускло и невыразительно: – Оставьте его в покое, я согласен на все ваши условия.

– У-у-у! – взвыла я раненым изюбром. – Счас я окончательно выйду из себя, и когда меня станет много...

– Мария! – предупреждающе крикнул Диего, почуяв в воздухе запах дыма.

– Ладно, – попыталась я взять себя в руки, но почему-то сами поднимались ноги и все норовили пнуть скотину в ливер. Рывкнула пареньку: – Марш в машину!

Диего повел убитого неприглядной правдой мальчишку в BMW. Я присела на корточки рядом с Вольдемаром и брезгливо ткнула в него пальцем.

– Срок – неделя. Не принесешь бабки – нарежу на ломтики и подарю каждой семье, у которой ты отобрал ребенка, по кусочку. Мальчишка пока побудет со мной, чтобы ты его еще кому-нибудь не успел продать. Все понял, гнида?

Вольдемар промолчал. Я поднялась, пнув его от души напоследок.

– Спрашиваю – все понял?

– Понял, – закивал мерзавец.

– Чудненько, – расцвела я и окончательно распустилась. Почки Вольдемара это прочувствовали сполна.

Кипя возмущением, я плюхнулась в машину и повернулась к забившемуся в угол мальчишке.

– Как зовут?

– Максим, – нехотя ответил подросток, не поворачивая головы. По-моему, он начинает впадать в ступор. Лучше его как-нибудь отвлечь от надвигающейся истерики, в чем бы она ни выражалась. Потормозить.

– Что матери наврали? – задала я второй вопрос.

– В спортивный лагерь еду, – так же безразлично сказал Максим, глядя перед собой пустыми глазами.

Но хоть ответил, и это хорошо. Может, удастся его растормозить и предотвратить срыв. Мало мне своих внутренних семерых гавриков, мне еще подростковых психов не хватало. И без того обстановка ненормальная.

– Понятно, – удовлетворенно кивнула я. Обратилась к Диего: – Поехали домой. У нас теперь занятие на неделю – устраивать ребенку летний лагерь!

Парнишка покосился на меня с опаской.

– Все, что тебе грозит в нашем обществе, – улыбнулась я, – это перекорм от Натки.

– Ну, еще проиграешь пару раз в комп Марики и Сапфире, – поддержал меня испанец.

– Диего, – прищурилась я, подмигивая пареньку, – спорим, Максим выиграет у тебя заплыв в бассейне?

Глава 18

И лишь один из них сам ангел во плоти.

И мимо не пройти, и больше не уйти...

Через три дня после приобретения нового члена семьи, если так можно сказать, я чувствовала себя выжатым лимоном, который дополнительно прокрутили в мясорубке, истолкли в ступке и потоптали ногами.

За это время я научилась ползать под теннисной сеткой, уклоняться от удара волейбольного мяча, лежать на импровизированных воротах вратарем и тонуть в бассейне.

В общем, наелась активным времяпрепровождением до самой макушки и, если честно, уже просто давилась. Одно утешение – меня часто спасала Натка. Она притаскивала очередное кулинарное чудо и требовала, чтобы Максим это немедленно съел, ибо «потом будет невкусно и... мальчику нужно расти». Аппетит у этого мальчика был как у троглодита с повышенным метаболизмом. Молотили мы все с добавкой, и я никак не могла понять – куда все девалось? На юношеском худощавом теле с начинающимися вырисовываться мышцами жира не было вообще. Ни капли.

Будь я обычной девушкой, меня бы брали жуткие завидки.

– Мария! – подлетел ко мне этот перпетуум-мобиле и затанцевал рядом от переизбытка энергии. – Пойдем в теннис покидаем?

– Уйди, чудовище! – застонала я, закрываясь шляпой и растекаясь по шезлонгу около бассейна. – У меня технический перерыв!

– Ты же не машина, – обрадовал меня рыжеволосый юный гений, подскакивая рядом и напоминая игривого щенка.

– Поэтому и перерыв, – просветила его я. – Иди к Марике пристань. Или к Сапфире набивайся.

– А они ушли, – порадовал меня воспитанник. – Сказали – для просветления мозгов и обретения внутреннего равновесия.

– Предатели! – процедила я сквозь зубы. – Тогда к Натке сходи на кухню.

– Не могу, – поковырял босой ногой плитку парнишка. – Она уехала на рынок с Диего. Им там необходимо приобрести что-то очень нужное и в больших количествах.

– Дважды предатели, – расстроилась я. – Могли бы и меня взять. Мне, наверное, тоже что-то нужно. То, которое очень трудно найти.

– Пойдем, – тянул меня неугомонный мальчишка. – Ты так всю жизнь пролежишь!

– Всю жизнь! – мечтательно повторила я. – Какая прекрасная перспектива! Давай воплотим ее, а? Ты как-нибудь сам поиграешь или поплаваешь, а старая тетка полежит и получит кайф от ничегонеделания.

– Ты не старая, – обиделся за меня Максим. – Ты очень, очень красивая.

Уловив в голосе нежелательные для меня нотки, я подняла шляпу и покосилась на парнишку. В зеленоватых глазах плескалось прямо-таки неземное обожание и, что меня больше всего добило, – наивная детская влюбленность.

– Максим! – строго сказала я, мысленно шлепая себя по затылку за то, что раньше этого не увидела и не предотвратила. – Напоминаю, я тебе в матери гожусь! У меня седина! Вот! – Ткнула наугад в свою шевелюру.

– Тебя это не портит, – заявил паренек и уселся рядом с моим шезлонгом. – И потом, ты же не моя мама.

- Это непринципиально, - отмазалась я, прикрываясь полотенцем, чтобы пресечь слишком красноречивое изучение моего тела. - Максим, география как наука не входит в развлечения недельного лагеря. Потому, будь добр, свали купаться и оставь меня греть старые кости на солнце.

- Я уйду, - поднялся подросток, - но это ничего не изменит. Я тебя все равно люблю.

- О боже! - подскочила я, как будто меня точно клюнула стрела Амура в зад. - Это тебе так кажется!

- Это тебе кажется, что кажется, - мудро заметил Максим. - А я точно знаю.

- А знает ли это Диего? - попыталась я схитрить.

Ну мучила меня совесть. Прямо грызла, паскуда, изнутри. У паренька вся жизнь впереди. Зачем ему эта глупая влюбленность? А если, не дай бог, еще и комплексы какие-то появятся? Мало ему папы-урода?

- А что Диего? - не понял мальчишка, присаживаясь передо мной на корточки.

- Я думаю, ты его этим обидишь и он будет ревновать, - зашла я с другого бока. Ну нет у меня таланта детского психолога!

- Почему?

Хм, действительно, почему?

- Потому что он меня тоже любит, - припечатала я, мысленно прося прощения у невинно оклеветанного Диего.

- А ты его? - начал выяснять подробности Максим. Дотошный какой. - Ты его любишь?

- Конечно! - не моргнула я глазом. - Обожаю! Горячо и пламенно!

- Непохоже, - засомневался Максим. - Вы за эти дни ни разу друг к другу даже не прикоснулись.

- Мы поссорились, - выкрутилась я. - Временно. На три дня. Сегодня мириться будем.

- Угу, - кивнул настырный влюбленный. - Попробуй. Только чтобы по-настоящему, а не для отмазки...

Мама! Роди меня обратно! Какая нынче продвинутая молодежь.

- Я постараюсь, - истово закивала я. - Как только появится, так сразу и пойду мириться. - В душе надеясь, что Диего от рынка не оторвется до завтрашнего вечера.

В этот момент в бассейн влетело болидом смуглокожее мускулистое тело с криком:

- Как здорово дома!

- Что ж тебе на рынке не сиделось!!! - прошипела я сквозь зубы и сделала вид, что крепко сплю.

- Иди, - тронул меня за руку Максим. Напомнил: - Диего уже здесь. Чего тянуть-то?

Я бы ему рассказала, что конкретно можно тянуть... от резины до... Впрочем, дальнейшее не для детских ушей.

- Иду, - восстала я из кресла Жанной д'Арк. Слукавила: - Я его просто не заметила.

- Да-да, - закивал лохматой шевелюрой мальчишка, рассматривая пловца. - Его трудно заметить.

- Поговори мне! - нахмурилась я. - И вообще, нечего тебе здесь отираться. Сейчас будет кино для взрослых!

- Программа «Время»? - наивно округлил глаза Максим. - С перерывом на рекламу?

- Реклама, - поправила я. - С перерывом на время отдыха. Марш к себе!

- Помиритесь - уйду, - согласилась эта пиявка.

Кровосос малолетний. Вампир недоделанный. Прикормила мелкозавра на свою голову!

- За что мне такое наказание? - бурчала я, шлепая к бассейну. - Что значит в его понимании «по-настоящему»? Вдруг у него завышенные запросы?

Подошла к бортику, мысленно перекрестилась и нырнула. Диего увидел мой прыжок и поплыл в другую сторону.

Это я за ним гоняться должна? М-дя-а, ситуевина. Я за мужчиной - тот бежать, и вприпрыжку под кровать!

- Диего, - позвала я испанца, - нам нужно поговорить. - И состроила ему глазки.

- О чем? - изумился телохранитель, на всякий случай отплывая от меня подальше.

Не поняла. Я что, кусаюсь?

- О нас, - выродила я сквозь зубы, прикусив язык.

- А что о нас? - не понял Диего, оглядываясь по сторонам. - Что с нами?

- Нам, - сказала я с нажимом, подплывая к нему. - Необходимо... Я бы сказала, ПРОСТО ОЧЕНЬ НЕОБХОДИМО возобновить наши отношения. - И кинула на него взгляд голодной акулы.

Диего так растерялся, что ушел под воду.

- Ну нет! - рывкнула я, окончательно расстроенная. - Так просто ты от меня не избавишься! - И нырнула за ним.

Потом он меня спас. Два раза. Второй раз, потому что мне понравилось быть спасаемой.

Я бы, наверное, и третий раз потонула, но Диего прижал меня к бортику и удивленно поинтересовался:

- Ты что, пока нас не было, головой где-то стукнулась? Сильно.

- Как-то так, - хмыкнула я и, пользуясь моментом, повисла на нем, обхватив за талию ногами и впившись в губы.

Надеюсь только на одно, чтобы он не заорал «Вампир!» или «Насилуют!». И то и другое серьезно подмочат... а я уже и так мокрая... испортят мою репута...

- Ты сводишь меня с ума, Мария, - произнес Диего особенным горловым тоном, в котором плескалась нежность. В его низком голосе звучали буря, взрыв, целый ураган эмоций.

- Я... - Реплика закончилась, даже не начавшись. Как же здорово он целуется!..

Я забыла про мелкого тирана, приличия и домовушку. Лёну, Вольдемара и задание. Даже причины, по которым отказывала Диего не один год. Потому что в тот момент были он и я. И никого больше.

Все остальное куда-то исчезло, растворилось, пропало. Растворилось в космической дали. Даже под угрозой пыток и расстрела я не смогла бы выпутать свои руки из его волос, перестать ласкать его гладкое литое тело, целовать слегка колючую челюсть, суровый изгиб рта.

Как человека, прошедшего без воды день в пустыне, невозможно оторвать от прохладного чистого источника, так меня немислимо было разлучить с Диего. Это словно... малая смерть. Я умирала в его объятиях каждое мгновение, каждую секунду - и как же сладко это было!

Диего поставил меня на ноги, вытащил из бассейна и уволок к себе, а я еле переставляла ноги, одурманенная его поцелуями, опьяненная его реакцией на нашу близость.

А Диего... всегда спокойный, хладнокровный и невозмутимый Диего словно двинулся рассудком. Он ласкал меня словами так, как никто и никогда не ласкал меня всем телом. Хриплым волнующим шепотом он завлек меня в свою комнату, как сирена мореплавателя. Подкреплял свои крышесносительные слова обалденными поцелуями, будто учитель хорошими оценками выученный урок, а птица свободу – песнями.

Как говорят англичане – to fall in love? Да! Я действительно упала в любовь. Упала, как в пропасть, как в бездну, откуда потом не выбраться. Упала со всем отчаянием неизбежной грядущей смерти и холодом в груди от свиста воздуха, разрывающего легкие. Упала, чтобы не подняться.

И мне было сладко, безумно сладко в момент падения.

Наконец он остановился перед своей кроватью и выпустил меня из рук, отстраняясь и давая возможность передумать. МНЕ? ПЕРЕДУМАТЬ?! После такой встречи?!!

Да скорее я пойду в гости к Рамону или поменяю стихию! НИ! ЗА! ЧТО!

Привычная боль, страх потерять затаились внутри замороженным гадючьим клубком. Даже моя компания огненных монстриков и записных убийц затихарилась, словно сгинула. Потому что здесь и сейчас были только ОН и Я. МЫ.

Видимо, Диего поймал что-то такое в моих глазах, потому что больше безмолвно не спрашивал, он рвал на клочки мой купальник и доминировал – страстью с привкусом нежности, напором с толикой отчаяния.

Он не шептал мне на ухо: «Не отпущу», – он молчал. Но я понимала, видела по его лицу ясно – не отпустит! Как и я его! Он мой, мой навсегда. Пока я жива – мой!

А Диего трясущимися руками с глухим рычанием свирепо дорывал кусочки трикотажной тряпки, словно они его самые лютые враги.

Когда дорвал, он смял меня, прижимая к себе, опрокидывая на себя. Против обыкновения, против всей своей сущности позволяя доминировать в дальнейшем уже мне.

Я с радостью воспользовалась дарованной инициативой, кусая, лаская, облизывая любимого. Боже мой, я так давно этого ждала! Кажется, всю жизнь! Он лежал, вздрагивая и прерывисто дыша, и тянулся ко мне пальцами и ртом, успевая раздаривать мелкие жгучие поцелуи.

Мы с ним были одним обнаженным комком нервов, одной сплошной жаждой, не утолить которую – значит умереть. Это сумбурное сплетение тел, сумасшествие довело меня до того, на что я, слишком мало видевшая мужчин и ласки в своей постели, слишком давно, – никогда в жизни бы не осмелилась.

Наше слияние – это был гимн обладания друг другом. Мы метили друг друга, ставили клеймо губами, зубами и языком. Мы хотели как-то запечатлеть обоюдную принадлежность. В этом было что-то низкое и животное, в этом было что-то безумное с привкусом отчаяния. Ваниль и шоколад, кофе с запахом корицы – вот что это такое.

А для меня это было прощанием с Диего; со всем, что дорого. Такое себе эгоистичное последнее «Прости и помни», последний жадный поцелуй перед виселицей.

Я знаю, Диего не согласился бы со мной. Знаю – его поцелуи были криком: «Жизнь только начинается!» Знаю. Он фонтанировал надеждой, будто вулканический гейзер лавой. Он излучал уверенность, которой у меня не было.

Он... он по-настоящему любил меня. И за это я ему до конца недолгих своих дней останусь благодарна. И сделаю все – ВСЕ! – чтобы ни Рамон со товарищи, ни кто-либо другой не посмел посягнуть на любимого. Даже если он презренный слабосильный человек, а не воплощенная стихия. Ведь главная сила не в физической мощи – в сердце.

Мы лежали вымотанные и уставшие. Наверное, своими криками и громкими стонами переполошили весь дом, хорошо хоть к нам в спальню никто не ломился. Спасибо и на том.

Я гладила сухие мускулы расслабленного Диего и тихо млела. А он, закрыв глаза, прикорнул, и только легчайшая дрожь под пальцами говорила о том, что он не спит. Красивый и сильный, гибкий, смуглый – вот ты какой, мужчина моей мечты! Испанец.

Спасибо, что пришел! Спасибо, что ты есть. Я благодарна судьбе, что она подарила мне тебя, язвительного и угрюмого, веселого и насмешливого, безумно терпеливого и зажигательно-страстного. Ты один во всем мире, другого такого нет.

И ты мой.

Благодарю за это.

Я не хочу видеть тебя в клетке любых обязательств, да у тебя и не выйдет. Ты сильный. Смелый. Хочу и дальше видеть тебя таким, слышишь!

И прости... даже за эту ночь, за самодовольное, неправильное желание привязать тебя. Прости.

Я уйду, потому что должна. И за это тоже прости. Не могу без тебя, не хочу без тебя. Прости за это тоже. Единственный живущий на земле мужчина, которому я нужна такая, какая есть, со всеми проблемами, болью и недостатками, – прости. Больше не буду задирать тебя и чуточку, самую малость соблазнять. Не буду хотеть тебя по утрам, стискивая влажную простыню. Прости. Забудь.

Я заставила себя прикрыть глаза. В уютной темноте слушать равномерное дыхание любимого мужчины – в этом есть что-то мистически умиротворяющее. Сонный Диего хозяйским жестом подгрел меня под бочок и облапил обеими руками. Вроде же и рослая, и немаленькая, а облапил, как плюшевого мишку, – не вырваться. Впрочем, мне приятно и хорошо. И даже почему-то совсем не жарко. Под заунывное пиликанье сверчка я впервые за долгое-долгое время спокойно уснула.

В ту ночь мне снилось что-то воздушно-благостное и приятное, цветные сны без сюжета, начала и конца. Запомнился крик чаек и шум океанского бриза, мерный плеск весел и журчание прибрежных волн.

Исполненная сладкой истомы, я продрыхла на целых три часа дольше, чем обычно. Проснулась от настойчивых ласк груди, довольная жизнью и жутко голодная. Вздохнула – с таким настроением бы каждый день вставать! – и поднялась встречать новый день во всеоружии, что бы это в конечном счете для нас ни значило...

Глава 19

В дали дальние мозги отправятся.

Умом я тронуся, а что останется?

– Маша! – заорал под дверью неугомонный ребенок пубертатного периода. И что ж некоторым не спится в рань глухую?! – Маша, долго вы еще будете дрыхнуть?

– Он тебя Машей назвал, – наябедничал Диего, подгребая меня поближе и утыкаясь лицом в волосы. – Бить будешь или сразу грохнем гаденыша?

– Он еще маленький, – промурлыкала я, прикивая к нему всем телом. – Пусть живет...

– Не дай себе засохнуть! – заорал только что спасенный от страшной участи мальчишка. – Выпей кофе, и пошли в футбол погоняем!

– ...пока! – договорила я, нежась под ласками. – А потом я встану... и этот любознательный отрок будет бедным...

– Сначала я, – подколот Диего, с успехом показывая, что не только ночью можно с пользой проводить досуг. Бывает еще и другое время суток...

– Ладно, – махнул на нас рукой Максим. – Если вы там друг в друге застряли, то пойду сам чем-нибудь займусь.

– Какой милый ребенок, – пробормотала я, прижимая черноволосую голову к груди. – Я его уже почти простила.

Диего проявил желание к дальнейшему сотрудничеству.

– Ой, что это у тебя? – воскликнула невольно. – Какая интересная татуировка под волосами! Как-то раньше ее не замечала. – Я ощупывала пальцами на затылке Диего небольшое синее тату размером с пятикопеечную монету, спрятанное в густой шевелюре, выше линии роста волос. На тату изображен символический язычок пламени.

Диего широко улыбнулся:

– Правда? А мы раньше и не проводили вместе ночь. Откуда тебе было ее видеть...

Я не стала спорить. Диего, невероятно воодушевленный и счастливый, кинулся меня щекотать и целовать в шею, в затылок, словно нарочно выбирая точно такое же место, где у него тату. Потом мне уже стало не до обсуждений и наблюдения за шустрым врединой.

Я уже приближалась к пику, когда...

Га-гах! – бабахнуло рядом. Дуф-ф-ф! Ви-и-и-и-у!

– Это я? – вынырнула я из сладкого забытья.

– Ты так громко не кричишь! – разозлился Диего, скатываясь с кровати и в спешке натягивая штаны. – Это наш постоялец чего-то здесь нашел. И приспособил.

– С каких пор в нашем доме залежи взрывчатки? – нахмурилась я, жутко недовольная. Особенно тем, что прервали в такой неподходящий момент.

Ну, Максик, погоди! Поймаю и замотаю в бигуди!

– Нет, – бросил мне свой халат испанец. – Но эфиры в гараже оставили три коробки петард после Нового года... Так вот, одна уже взорвалась.

– В гараже? – Меня будто ветром сдуло с кровати. – А машины где? Не взлетят на воздух? Ну попадись мне, наследник Вольдемара! Мне этот пакостник живым нужен, чтобы уши ему оборвать!

- Уши, я думаю, у него остались, - выскочил за дверь мужчина. - За остальное - не ручаюсь!

И-и-и-и! Ба-а-ах! И дикий грохот. Кошмар. Вражеский налет на мирную территорию.

- Статуй погиб, - объяснил Диего, пока мы бежали на звук взрывов. - Натка будет сильно опечалена.

- Она же этого монстра терпеть не могла?! - удивилась я, скатываясь по лестнице вниз.

- Поэтому и расстроится, - поймал меня на лету Диего. - Кого она теперь терпеть не сможет?

- Блин! - расстроилась уже я.

Ребенка мы нашли целого и невредимого, слава богу, за гаражом, но статуя неопознанного мужика, призванная изображать писающего мальчика, действительно полегла осколками. Мелкими.

- Стоять! - рявкнул испанец, подлетая к подростку и вырывая у него коробку каминных спичек. - Совсем спятил?

- Не совсем, - пожал плечами подросток. - Вы так крепко дрыхли, что я решил устроить вам побудку и заодно отпраздновать ваше примирение. Здорово получилось? - И потер под носом закопченную физиономию.

- Здорово, - кисло согласилась я, разглядывая окружающий погром. Меланхолично, с легким оттенком угрозы - Будет еще здоровее, когда это увидит Натка. Кстати, где она?

- В город уехала, - доложил Максим. - У нее сегодня семинар по обмену опытом.

- Значит, еще какое-то время проживем, - жизнеутверждающе заключил Диего, оценивая ущерб. - Как будем объяснять гибель мужика с констипацией?

Статуя действительно демонстрировала позу для деревенского туалета.

- Скажем, сильно напрягся, - предложила я, отвечивая виновнику легкий подзатыльник. - Марш за ведром и метлой! Будем делать вид, что это были не мы.

- Ага, - кивнул Диего. - Мужик ожил и сам ушел.

- Маленьких бить нельзя! - комично надулся Максим. - И вообще, детский труд запрещен законом!

- Зато наказания разрешены! - посулил ему испанец. - Так что - либо труд, либо наказание.

- Уже ушел! - Сообразительный мальчик. Мигом умчался в сторону сарайчика за садовым инструментом.

Почти два часа мы хоронили статую, делая вокруг любимых Наткой розовых кустов бордюр из белого мрамора.

Получилось довольно симпатично.

Потом еще около часа прятали последствия захоронения. И еще где-то столько же - последствия этих последствий.

- Если ты сейчас... - начала я прочувствованную речь, с трудом разгибаясь и стягивая рабочие перчатки. Мои джинсы и рубашка пришли в полную негодность. Даже после боевых действий я так никогда не выглядела.

Отсюда вывод: один подросток гораздо страшнее, чем пара маньяков. В смысле более непредсказуемый.

- А может, мы сейчас пойдем в бассейн? - предложил Максим, не услышав угрозы в моем голосе.

«Скажи мне правду, атаман!» - завопил мой телефон и спас одному нахальному пацану годичные мышцы от изменения цвета.

- Да, Лёна, - подняла я трубку, делая страшную гримасу в сторону рыжего Максима.

- Тебя вызывает Эйден, - тревожно сказала подруга, забыв о моем недавнем хамстве. - Тебе нужно прибыть на суд Совета через три часа. Успеешь?

- На суд? - задорно и даже отчасти весело переспросила я, бурно радуясь возможности слинять из дому под благовидным предлогом. - Какая прелесть! Конечно, буду!

Я согласна идти на передовую, биться в первых рядах с монстрами, моральными уродами и извращенцами, только избавьте меня от излишне жизнерадостного и энергичного малолетнего поганца! Не знаю, как Совет Стихий, но этот малый меня точно угробит!

В трубке закашлялись.

- Ты что, мухоморы жарила? - поразила Лёна. - Тебя Эйден вызывает, а ты радуешься.

- Хочешь, я тебе подкину активного подростка с буйным воображением и неумной энергией? - поинтересовалась я. - Ты через два дня кому хочешь обрадуешься, лишь бы от него смыться!

- Все равно спятила, - пробурчала подруга. Уже более взвешенно и спокойно: - На прежнем месте. Через три часа. Тебя заберут, как обычно.

- Спасибо, дорогая, - ответила я. - И... Лёна, прости меня... мне правда очень стыдно. Очень-очень...

- Не бери в голову, - подобрела Лёна. - Все в порядке.

- Она возьмет меня, - вклинился в разговор Диего, обнимая меня за талию. - Мы будем вовремя.

- Никак все же получилось? - возликовала подруга. - Поздравляю, Диего!

- А меня? - шутливо фыркнула я.

- С чем? - удивилась Лёна. - С тем, что отхватила себе такого знойного мужика? Милая, тебя не поздравлять, тебе завидовать нужно. Я уже начинаю этим заниматься. Так что прости, лапочка, но завистью я страдаю в одиночку, ни с кем не делюсь!

На том и простились.

- Думаешь, что-то серьезное? - прошептал мне на ухо любимый мужчина, эротично прижимаясь к спине. Жаль, нет возможности поваляться еще! А все этот мелкий вредитель с плохой родословной...

- Откуда мне знать? - честно ответила я. - Но Совету не отказывают, и причинами вызова Эйдена умные люди... или совсем НЕ люди... не интересуются.

Надо бы добавить - «если хотят остаться живыми», но это я оставила между строк. По умолчанию.

Мы собрались на Совет и быстро и слаженно выдвинулись.

Вообще-то, если рассудить по-хорошему, мне впору мандражировать и биться в истерику. Такой срочный вызов на Совет говорит о том, что я где-то крупно накосячила и сейчас начнется распил башки и разбор полетов. Впору трястись и молиться. Результаты вызова на Совет Стихий могут быть любые, вплоть до решения о ликвидации.

Но после волшебной ночи с Диего я не только не была настроена трястись - я была в состоянии в одиночку победить целую армию. На сердце было радостно, в теле - легкая расслабленность.

Когда я сидела на переднем сиденье рядом с любимым человеком, меня тянуло начать мурлыкать, будто кошка. И в глубине души – вот что тут поделаешь, видно, все женщины такие! – мне сейчас было глубоко плевать на все советы мира. Причем с высокой колокольни.

В моих глазах цвели розы влюбленности, в глазах любимого – еще какие-нибудь... гладиолусы, и нам по большому счету не было дела ни до чего. Абсолютно.

В таком благодушном настроении добрались мы до места. Нет, неправильно – до портала к МЕСТУ.

На самом деле переход – это неприглядный заброшенный пустырь с полуразвалившимся общежитием. Такой себе нетронутый людьми пяточок. Организован он так, что никто посторонний этот домишко не увидит. Если каким-то чудом увидит – не сможет войти внутрь. Перестраховка.

Но даже если насильственно засунуть туда человека, опять-таки это ничего не даст, потому как сам перенос могут осуществлять исключительно две категории.

Высшие, или как их еще называют – несотворенные. Они рождены чистой стихией. Вторая очередь элементарей – рожденные. В отличие от низших, они происходят естественным способом от высших. Рождаются от мамы и папы, как люди. Имеют много, очень много силы. И все же ее меньше, нежели у несотворенных.

Низшие – самая последняя категория. И мы в плане перемещения бессильны.

Нас – людей, созданных рожденными или высшими от частицы своей стихии, – называют низшими, или сотворенными. Нами пользуются, некоторые творцы считают низших своими детьми, но внутри сообщества сотворенных чуточку жалеют. И не слишком-то уважают, можно сказать – слегка презирают.

Мы, относительно короткоживущие, для них нечто вроде домашних питомцев. Милые, забавные, назойливые, смешные. Требующие неустанной любви и заботы. Глупенькие...

Разумеется, даже низшие способны жить до тысячи лет – мафусаилов век для обычного человека! Но с учетом времени жизни высших – это краткое, мимолетное мгновение. Не знаю, насколько ограничен возраст высших, могу сказать одно: своей смертью они не умирают! Да и низшие, как правило, тоже не доживают до глубокой старости. Вот так...

Возвращаясь к началу... Переходов на самом деле много. МЕСТО – одно. Каждый добирается порталами из своего района, как ему удобней. Людей, за небольшим исключением, в МЕСТО вообще не допускают.

– Здравствуйте, леди. Меня зовут Мадхукар. Я сопровожу вас. – Нас поджидал посланник Эйдена, милый сухопарый старичок-индус с красной точкой между бровями, в чалме и белой национальной одежде. Насколько я его воспринимаю, элементарь воздуха.

Кстати, впервые его вижу. На Совете он мне тоже доселе не попадался. Обычно меня переносил другой элементарь, огненный. Один и тот же. Всегда.

К чему бы это? Ненавижу перемены. Они пугают.

– Прости, мы оставим тебя тут, дальше нельзя, – обратилась я к Диего.

Тот привычно кивнул и уселся дожидаться за письменный стол дежурной в пустом холле. Успокоил меня:

– Ничего. Я подожду.

Старичок как-то странно на него оглянулся, но ничего не сказал. Он взял меня за руку, и мы перенеслись.

Я вдохнула полной грудью. Как рассказать, что такое МЕСТО?

Петля пространства и времени. Рай на Земле.

Вечнозеленый тропический цветок. Песчаные пляжи, много солнца и пальмы. Голубая-голубая вода. Лагуны, кишашие рыбой, и ни одной акулы.

Для высших, которые не любят жару, дальше, на условном севере, есть места, полные искрящегося снега и холода. В другой стороне, на востоке, – места вечной европейской весны. Есть и осень. Она на западе. Разумеется, тоже условном.

Когда-то по приглашению Эйдена я там побывала, знакомилась с разными элементариями-отшельниками, которые в наш мир ни ногой. Но это было давно.

Не знаю, кто и зачем создавал эти места, но отдыхать здесь приятно. Всегда тихо. Мирно. Первозданная природа.

И совсем нет людей.

Здание Совета размещалось в глубине зеленого острова. Нам оставалось пройти метров пятьсот, когда приятный старичок, вежливо улыбаясь, предложил поговорить:

– Госпожа Мария, я много слышал о вас. Не будете возражать, если я задам вам несколько вопросов?

Старик превратился в юношу, почти мальчика, и уставился на меня наивными округлыми добрыми глазами, словно ребенок на экзотическую зверюшку. Вот это пенки!

К тому же у него из штанов вылез обезьяний хвост и зажил своей отдельно взятой жизнью! Хвост меня, должна признаться, очень нервировал.

Мадхукар на острове даже подрос и раздался в плечах. Наверное, такая особенность высших – менять здесь свою форму? Хотя за остальными я этого не наблюдала.

– Интересно, интересно... – улыбался своим мыслям воздушник. Обошел меня вокруг раза три. Восхитился: – Какой чистоты огонь! Первый раз такое вижу у самого обычного человека! – Еще намотал пару кругов.

У меня уже в глазах начало рябить. Сказать, что я давно не самый обычный человек, – заведомо сморозить глупость. Несотворенный элементаль этого все равно не поймет. В их глазах мы обыкновенные слабые люди.

Индус еще побегал, по дороге смачно хрумкая невесть откуда взявшимся экзотическим плодом. Подошел ко мне и осторожно прикоснулся пальцем к груди, тут же отдергивая руку.

– И откуда у вас столько огоньков? И вы их умеете контролировать! Просто удивительно! – Перешел на «ты»: – Это плод манго. Хочешь? – Протянул мне.

Взмахом руки я отказалась. Облизнула внезапно пересохшие губы. Начало смущает. Плохо, очень плохо! Неужели кто-то донес про лишние огоньки-души?

– Поразительно! Счастливчик Рамон! Такую девушку разыскал. Бриллиант! Редкость!

От ненавистного имени я невольно вздрогнула и подумала: «Лучше бы он меня убил! Или не спас тогда».

Старичок поглядел на меня внимательно, словно я произнесла мысль вслух.

– Милая, у вас были какие-то трения с вашим создателем?

Опустив голову, я промолчала. С другими творцами обсуждать своего не принято. Просто-напросто чревато последствиями.

Но думать-то мне никто не запрещал! И я погрузилась в страшные воспоминания. Индус может их подглядеть? Всегда пожалуйста!

– Даже так?!! – Юноша мгновенно состарился, в волосах на висках пробилась седина. Воздушник помрачнел. Ссутулился. Мне показалось, что у него показались слезы.

Старик закрыл руками лицо и постоял так некоторое время. Потом подошел к линии

прибоя, умылся соленой водой.

Выпрямился.

– Идем, милая. Совет уже собрался. Передавай Диего от меня привет. – И попрыгал впереди меня, цепляясь за лианы и перелетая с дерева на дерево, словно заправская обезьяна.

Никогда не видела такого странного элементаля!

Многоярусный актовй зал кишел народом, видимо, мой вызов пришелся на приемный день, в суде сегодня рассматривались многие дела. Вверху на скамьях в духоте теснились потеющие зеваки. Некоторые пришли сюда, как в цирк, получить хлеба и зрелищ. Ехидно ухмыляющиеся организаторы-воздушники устроили внизу славный ветерок, но верх специально не вентилировали, чтобы хоть немного отвадить любителей «жареного». Куда там! Те согласны и на заостренных кольях сидеть, лишь бы не упустить интересное.

Ничего не скажешь, элементали... Прирожденные чудики. Фрики в пестрых одеждах всех рас и народностей. Молчаливые и болтливые, молодые и старые, любопытные, как дети, и бесконечно чуждые нашему мировосприятию.

На сцене за П-образным столом торжественно восседали судьи в серых шелковых мантиях. Необычным казался факт присутствия всех членов Совета Стихий. Всех до единого, кроме самого главного. А вообще увидеть полный состав – большая редкость.

Совет начался предсказуемыми неприятностями. Рамон действительно (в очередной раз!) настроил жалобу. Он обвинил меня в неподчинении творцу, приплел кучу других прегрешений: больших и малых, мнимых и действительных. Но самое страшное – обвинил в неадекватности. Дескать, я сорвалась, перегорела, утратила дар управления стихией. Приобрела огненную ярость...

Вот это уже серьезно.

Если обвинение подтвердится, меня ликвидируют. Прямо тут, на глазах многочисленных зрителей. Я попробовала понять, что ощущаю по этому поводу. И удивилась: ни-че-го! Пусто. Мой страх, глухой задавленный ужас последних десятилетий, постоянное напряженное и мучительное ожидание незаслуженной расправы пропали, испарились.

Ушли страх и отчаяние. Я больше не боялась – ни Рамона, ни кого-либо еще, ни даже своей гибели. И оттого мне было хорошо – так хорошо!

Благословен будь Диего! Одна только ночь с любимым мужчиной подарила умиротворение и окрыленную уверенность в будущем. Пусть даже это все призрачно и обманчиво.

Я слушала прения по поводу своей персоны и отстраненно улыбалась. Если меня не убьют, вернусь домой, там будет Диего, еще одна страстная, сумасшедшая ночь любви. Меня ждут дома Натка, эфиры, Лёна и ненормально активный подросток.

Я улыбнулась еще шире.

И это правильно. Это замечательно. В этом вся моя жизнь.

А впрочем, к черту Совет! К черту Рамона, если есть Диего!

Был момент, когда он мне даже почудился в сторонке, за колонной. Я так удивилась, что вылупилась в ту сторону, словно деревенская невежа в музее. Конечно же я ошиблась. Там стоял другой. Просто так скучаю по Диего, что он везде мерещится.

В зал ворвался высокий мужчина, принес с собой ауру мощи и власти. Эйден – глава огненных и глава Совета Высших. Один из самых могущественных элементалей. Огненный с практически неограниченным влиянием, чьи решения не обсуждаются и не подвергаются сомнению.

Тряхнув золотой гривой до лопаток, Эйден присел на ручку высокого кресла, обвел всех

внимательным взглядом глаз цвета яркого пламени и глубоко вздохнул, поманив меня пальцем.

Я подошла и встала перед ним, не опуская глаз.

– Мария, – раздался хриплый баритон, – ты знаешь, в чем тебя обвиняют? Признаешь обвинение?

Глава 20

Смело я в бой пойду за то, что верю!

И даже переживу врага потерю...

Мысли у меня, конечно, на этот счет были. Много. Среди них попадались и совсем нецензурные. Но мысли мыслями, а шкура ближе к костям.

– Нет, – твердо ответила я, глядя на него в упор.

– Твой создатель утверждает, что ты перешла грань, – любезно пояснил Эйден, формируя в больших ладонях сгусток пламени.

Красивый, зар-раза! Классические черты лица, властный рот, волевая челюсть, лицо мимически подвижное и умное. Широкие плечи и грудная клетка, мускулистый торс, узкие бедра, длинные ноги... А одежда, приближенная к римской тоге, – та вообще будит фантазию и скоромные мысли. Жаль, для меня недоступный...

А может, и не жаль. У меня есть Диего! Я опять чуть не разулыбалась посреди судебного заседания.

– И ты неспособна себя контролировать, а потому подлежишь уничтожению. Что ты на это ответишь?

– Я не переходила грани, – сообщила абсолютно спокойным голосом, хотя и подумывала об отрывании Рамону одного очень важного органа. Языка. Потом решила, что тогда нужно отрывать и руки, чтобы писать не смог. После рук пришла очередь головы. А потом осталось так мало, что следовало добить только лишь из милосердия.

– Я вижу, – кивнул Эйден и внезапно бросил мне комок пламени, до этого мирно дремавший в его ладонях.

– Спасибо, – растерянно сказала я, поймав огонек. – Вы очень любезны. – Подняла на красавчика-начальника удивленные глаза. – Что мне с ним делать дальше?..

– Ничего, – сверкнул улыбкой на миллион долларов глава Совета и щелкнул пальцами. – Он сам все сделает.

Я немедленно озадачилась. Что сделает? Оргазм?.. Покраснела. У кого что болит, называется... Далась мне эта эротика. Наверное, действительно за двадцать лет оголодала.

Огонек мгновенно впитался мне под кожу и забегал внутри, вызывая ощущение сильнейшей щекотки.

Я едва сдерживалась, чтобы не засмеяться в голос. Еле выдавила:

– Это новый способ уничтожения? Смехом?

– Тебе смешно? – упорно допытывался Эйден, вглядываясь в мое лицо и пристально наблюдая за реакцией. Поджал губы. – Не больно, не тягостно, не злит, нет неприятных ощущений, а именно смешно?

Я зафырчала, как ежик, подтанцовывая от усиливающейся щекотки, но в конце концов не выдержала и засмеялась. Легко, открыто. Как в детстве.

Под высокими сводами зазвучал искренний заразительный смех, и многие присутствующие улыбнулись в ответ, улавливая эманацию счастья.

Вокруг меня загорелся круг белого, ослепительно-чистого пламени. До того яркого, что резало глаза.

– Священное пламя души! – выдохнул один из элементалей. – Такая редкость! Этого давно не случалось...

- Да я и не помню, когда это случалось вообще, - поддержал второй, протягивая ладони к моему огню. - Божественное ощущение.

- Эта девушка не преступила грань! - объявил Эйден, вставая и призывая своего провокатора обратно.

Огонек радостно вернулся к хозяину. Мое пламя погасло, оставив чувство легкости и небольшое головокружение. Как после шампанского с пузырьками. Буль-буль, лопались кусочки счастья, опять вызывая у меня желание хохотать.

- Вопрос исчерпан! - добавил глава Совета. - Все свободны!

- Это ложь! - выступил вперед разъяренный Рамон. - Все подстроено! Она не может быть Носителем Священной Сути. Она сотворенная! И она нечиста!

В Совете поднялся ропот.

- Что значит нечиста? - возмутился Эйден, перекрывая вопль всеобщего негодования. - Сегодня она открыто показала свою суть на глазах у всех стихий! Ты смеешь утверждать обратное? Пойдешь против авторитета нашего сообщества? Выбирай: либо ты немедленно снимаешь все обвинения, или я здесь и сейчас устрою считывание твоего сознания. Как бы ты ни был силен, нашей объединенной мощи на это хватит. И тогда мы узнаем, что на самом деле кроется за твоей многолетней ненавистью к своей - неслыханное дело! - сотворенной.

Рамона перекосило. Он сделал шаг назад и заметался как подстреленный зверь.

- Н-ну? - Эйден не дал ему возможности передумать. - Что скажешь, огненный?

- Хорошо. - Мой творец выдавливал из себя звуки с почти предсмертным хрипом. - Я... признаю, что она... - Голос понизился и стал едва слышным.

- Громче! - потребовал Эйден.

- Признаю, что она не преступила грань, - сиплым шепотом дожал свою гордыню и самолюбие белый от ярости Рамон.

Победа!

Вот только почему во мне зреет уверенность, что он все равно оставил за собой последнее слово?

Наверное, интуиция.

Мой творец покинул актовый зал, шипя под нос проклятия и бросая на меня ненавидящие взгляды. Чую, заплачу еще с ним.

Хотя... а когда было иначе?

Пока я размышляла, все разошлись, кроме главы Совета.

- Мария, - привлек мое внимание Эйден, не спуская с меня строгих глаз, - а теперь серьезно. Что с тобой происходит? Я вижу внутри тебя активную постороннюю сущность, необычную, но весьма могущественную.

- Это ифрит, - мрачно вздохнула я. - При его изоляции случилось непредвиденное. Эта дрянь раскроила себе грудь, выковыряла без наркоза сердце и задулила в меня. Скажу сразу: я его не охмуряла! - Кашлянула. - Только один раз на коленках полежала...

- Я в курсе, - кивнул глава Совета. - Про твое посещение стрип-клуба уже легенды складывают.

- Чего это? - поразила я, смущаясь. - Я же не лох-несское чудовище.

- Ты гораздо хуже, - заверил меня Эйден. - Там «лох» фигурирует, а ты чудишь с умом.

- Не всегда, - призналась я. - Иногда ум доползает к финишу последним.

- Печально, - потрянул гривой мужчина, складывая руки на груди. - Но вернемся к нашим баранам... ифриту. Что ты чувствуешь?

- Неудобство, - попыталась я выразить ощущения. - Боль в груди. Жар. Как будто эта пиявка пытается меня подсидеть в моем же теле и устроить Великую французскую революцию с отсечением меня от тела.

- Плохо, - скривился глава Совета, задумываясь. - И как справляешься?

- Рассказываю мужчине, каково это - быть женщиной, - улыбнулась я. - На перечислении средств личной гигиены он сломался. Пока думает.

- А серьезней? - хмыкнул Эйден. - И поподробней.

- Если подробней, - погрустнела я. И рассказала о своих галюниках и кошмарах. - И что удивительно... - стала закруглять я рассказ. Скомканно: - После того как мы с... Диего... э-э-э... совершили... э-э-э... слияние... проникновение...

- Я понял, что у вас был секс, - остановил мои терзания мужчина. - Итог?

- Молчит, как воды в рот набрал, - пожала я плечами. - Наверное, переживает, что его тоже поймали.

- Мне бы тоже такой поворот не понравился, - с немалым ехидством согласился с моим предположением глава Совета. - Не знаю, чем это может закончиться в итоге, просто настаиваю на частом... э-э-э... слиянии с проникновением. Причем исключительно с Диего. Он очень хорошо на тебя влияет.

- Это будет засчитываться как трудовой стаж? - поинтересовалась я, пламенея ушами.

- Это не будет рассматриваться как отлынивание от работы, - хмыкнул Эйден. - А также требую постоянных докладов мне напрямую, если твое состояние изменится в худшую сторону. Все понятно?

- Вполне, - согласилась я. - Подвожу итог, чтобы ничего не упустить: выполнять свою работу, а в перерывах предаваться кроличьим играм со страстью швейной машинки. В редкие минуты отдыха строчить доклады. Кстати, процесс слияния описывать? Я ничего не упустила?

- Нахалка, - добродушно хохотнул глава Совета. - Иди уже. Тебя проводят. - Крикнул вдогонку: - Удачи тебе!

- Спасибо, - серьезно кивнула я, выходя из зала Совета.

Меня всегда удивляла странная форма публичных зданий элементарей - «строение в строении». Особенно того, где я сейчас находилась. Тут вообще было три или четыре уровня: входишь в одно, выходишь во двор в лес колонн - а дальше опять вход в новый кубик. И так три раза! Причем колонны установлены в форме лабиринта. Типа «враг не пройдет» и «нам Сусанин тут не нужен, сами справимся!». Параноики, млин!

Следуя пустынными лабиринтами-коридорами к залу ожидания, я раздумывала.

Все очень странно. Почему близость с Диего настолько повлияла на ифрита? Ну не мог же он, в самом деле, выпасть в осадок от стыда. Взрослый уже дядя. Должен понимать, что жизнь - штука жестокая: иногда ты кого-то имеешь, иногда он тебя. Закон сохранения равновесия.

- Ну что, сучка! - выскочил из-за колонны разъяренный Рамон, напоминая волка из «Ну, погоди!». - Вот теперь поговорим серьезно!

- Какой ты самокритичный! - восхитилась я, приходя в боевую готовность. - Если учесть, что я происхожу от тебя, то имя тебе - кобель, создатель.

- Осмелела, паскуда?! - прошипел невменяемый мужчина, начиная скручивать вокруг себя жгуты огненной силы. - Сейчас посмотрим, кто кого!

- Не боишься?.. - любопытствовала я, отлично понимая - мне против него

не выстоять! – Все же публичное место.

– Прекрасно, – ухмыльнулся Рамон. – Такое скопление сил и потоков... Никто не поймет, что именно я помог тебе сгореть, крошка!

– От крошки слышу! – прошипела разозленная девушка, наставив на него указательный палец. Во всяком случае, мальчиком меня еще никто не называл!

Из пальца неожиданно вырвалась струя воды и прибила Рамона к колонне.

– Ни фиги себе! – обалдела я, поднимая и рассматривая руку. Я даже пощупала этот перст. – Ничего не понимаю!

– Puta! – яростно выплюнул Рамон, отклеиваясь от мрамора и отфыркиваясь. – Тебя не спасут твои жалкие уловки!

– Никакой протечки... – искренне недоумевала я, снова наставив палец на создателя. А что? Интересно же. Новые грани личностного роста.

Хлынуло как из брандспойта и опять прищипило Рамона... для разнообразия на сей раз к барельефу на стене.

– Похоже, у меня кран прорвало, – вслух порадовалась я, корректируя направление обстрела. Заметила с долей иронии: – Это все гормоны. Все зло от них. Слезы, нервы, агрессия... Тебе бы тоже не помешало провериться. Ага. Мокрый, нервный и неадекватный.

– Прекрати! – захлебывался Рамон. – Немедленно!

– Не могу, – пожала я плечами. – В таких случаях вызывают сантехника. Как ты думаешь, сколько его нужно ждать? А на платного специалиста ты еще не заработал.

– Хватит! – рыкнул испанец, стараясь увильнуть от струи воды.

– Как скажешь, – отвела я палец. – Я так за тобой ухаживаю, создатель, а ты все не ценишь: даже вон душ – и тот с доставкой в любое место! Сервис!

– Мерзавка! – заорал мужчина, делая пассы руками. В результате сильного напряжения возник слабенький огонек, который два раза мигнул, как бы извиняясь, и с тихим «пшик!» скончался от дистрофии.

– Не повезло, – посочувствовала я. – Это, конечно, не мое дело... Но мы тут опытным путем выяснили, что для увеличения потенции отлично помогает хороший промышленный пылесос.

Рамон молчал. Наверное, жаба так испанца задушила, что не смог выдавить в ответ ни слова.

Я невинно продолжила:

– Могу свести с Наткой. У нее обширный опыт в этой области...

Рамон витиевато выругался и исчез.

– Было бы предложено, – хмыкнула я, начиная дрожать коленками. Пробурчала, храбрясь изо всех сил, исключительно для самоуспокоения: – И ведь честно и благородно хотела мужику оказать первую помощь. Но, видимо, Рамон решил, что она станет последней. Наивный! Кто ж так делает? Хвост нужно рубить частями!

И продолжила свое шествие к залу ожидания. По стенке и на подгибающихся ногах.

– Спасибо тебе, великий! – Диего низко склонился, сложив руки ладонь к ладони у груди – как предписывают индийские традиции. – Намасте тебе, вечный ребенок, мудрый и сильный Мадхукар! Я навечно у тебя в долгу! Если бы Рамон сейчас ее убил... я бы не смог этого пережить. – Сглотнул, переступая с ноги на ногу. – Снова. Ты меня

понимаешь?

– Не за что, – рассмеялся подросток в штанах и пестрой жилетке. В его руках были янтарные четки, и полуобезьян их медленно перебирал, шевеля губами, словно накладывал благословение. – Тебе не нужно меня благодарить. Я сам был рад ей помочь. Исключительно необычная девочка – милая и доверчивая. Точно такой была когда-то моя госпожа Шри Сита, возлюбленная Шри Рамы. Когда я сжег факелом на хвосте Ланку... До сих пор горжусь этой проделкой. Моя месть была сладка...

Диего взял фляжку, отвинтил крышечку и погрузил палец в воду. Лицо тревожное. Его явно что-то беспокоило.

– Разве можно пройти мимо такой духовной красоты? – продолжал Мадхукар. – Нет, не благодари. Наоборот, я сам готов благодарить тебя – ты охраняешь редчайшую жемчужину.

Диего убрал флягу за пояс и последний раз склонился перед вечным ребенком. Собрался уходить.

Мадхукар его остановил. Он переменял внешность, становясь из юноши стариком.

– Она в огромной опасности!

– Знаю, – не оборачиваясь, подтвердил водный. Голос хриплый, связки плохо слушаются хозяина.

– Ты не сможешь ее защитить!

– Постараюсь, – мрачней, отрезал Диего. Он все же повернулся и прямо посмотрел в глаза Мадхукару.

– Хорошо. Тогда держи! – Древнее существо из расы полуобезьян протягивало те самые янтарные четки, на которые он только что нашептывал мантры. – Я, конечно, не всемогущ... но в чем-то поддержать смогу.

– Спасибо! – коротко поблагодарил Диего, с очередным «намасте» взял четки и поспешил прочь. На его лице застыла твердая решимость.

Глава 21

Как много лет во мне любовь спала. Потом проснулась и задала жару... Я пыталась уйти от любви, Только ноги оттуда не шли, Только руки тянулись к нему, От себя я уйти не могу...

- Ты в порядке? - бросился ко мне Диего, едва мы с Мадхукаром возникли перед ним. - Как прошел Совет?

- Спасибо вам! - Я тепло поблагодарила чудаковатого, но очень милого провожатого, напоследок засмотревшись на громадный рубин, вдетый в серьгу. - Мне было очень приятно с вами познакомиться.

- Взаимно, Мария! - усмехнулся индус, делая традиционный жест. Зазвенели браслеты и многочисленные ожерелья. Я смотрю, он свои прикиды меняет просто с фантастической скоростью, прямо цирковой факир! - До свидания! - исчезая.

- Так что было на Совете? - вцепился в меня возлюбленный энцефалитным клещом. Правильный мужчина! Тряпки его не интересуют, а любимая женщина - очень даже! При-атно!

- На Совете мне дали совет, - хитро скосила я глаза в сторону. - Эйден порекомендовал почаще качественно заниматься сексом. Именно с тобой. Несколько раз подчеркнул. Переживает за тебя, наверное.

- Мария! - повысил голос испанец, не сводя с меня испытующего взгляда.

- Честное слово! - обиделась я, прикладывая ладонь к сердцу. - Так прямо и сказал: проникайтесь моментом и сливайтесь в экстазе. Я собираюсь четко следовать указаниям. А ты?

Меня тут же облапили без слов.

- Понятно, - сообразила я. - Выдача сведений была преждевременной. Все по полной программе будет только дома!

- А по усеченной? - незамедлительно начал выяснять крайне заинтересованный в конечном результате Диего.

- А по усеченной... - нахмурилась я. - Ты лишаешься главного для экстаза. Его усекают. Усек?

- Понял, - фыркнул испанец, тихой сапой подталкивая меня к разбитой двери общежития. - Чего орать-то?

- Орать сейчас будешь ты, - ласково пообещала я, настырно выкручиваясь из крепких рук. - Потому что хуже пружины в мягкое место на продавленном матрасе с клопами могут быть только рыжие муравьи, которые подружились со скорпионами и решили увеличить свои познания в области анатомии! Изнутри!

- Ладно-ладно, - сдался слегка разочарованный любовник, провожая меня к машине и придерживая за то место, которое я отказалась жертвовать пружине. - Давай до дома.

- Давай, - оскалилась я, усаживаясь на переднее сиденье и плотоядно разглядывая мужчину. - Подготовку к приземлению начнем прямо сейчас!

Надо ли говорить, что мы нарушили все возможные правила дорожного движения? Нет?.. Вообще-то я гордилась: нам уступали дорогу все встречные машины. Без звука. Или мы просто не успевали его расслышать...

Домой мы ввалились уже в состоянии начального слияния. Диего принялся стаскивать с меня футболку прямо около гаража.

- Стоп, - строго сказала я, вспомнив о Максиме. - У нас дома ребенок.

- Ребенок, - раздался сзади обиженный юношеский голос, - уже видел все подробности

в учебнике анатомии и закрепил рассматриванием эротических журналов.

Диего показал ухмыляющемуся Максу оттопыренный большой палец и потащил меня домой в ускоренном режиме.

– А что... – встретила нас по дороге к спальне Натка.

Испанец мужественно сделал пируэт и обошел хранильницу по кривой, не сбиваясь с намеченного маршрута.

– Понятно, – слышалось разочарованное вслед. – Одинаково, что будет на ужин. Эта парочка все равно съест друг друга.

– Согласен начать первым! – толкнул меня в комнату мужчина. – Сама разденешься или помочь?

Пока Диего, как настоящий пещерный громила, утаскивал меня в свою берлогу – моей он не доверял! – телефон успел позвонить четыре раза. Рингтоны были все разные: «Голос слаще сиропа, кожа цвета ванили...», «А я милого узнаю, а по походке...», «А мы его по морде чайником, и самоваром, и паяльником, потом ведром и снова чайником...», «Релаксации полно, даже тело, даже тело офигело...».

На два последних испанец сам офигел вместо «тела» и с откровенным подозрением спросил: «А это от кого было?..» Я скромно промолчала, опустив глазки долу и хихикая про себя. Такая себе скромница в джинсиках и футболочке. Золушка в камуфляже.

В конце концов озверевший Диего вырвал у меня сумочку, телефон и метко зашвырнул оба предмета в кресло гостиной. Точно, пещерный житель. Сейчас укусит за нос и заревет: «Самка, ты моя! Молчать, женщина!»

Хотя... по совести, я на него чуточку наговариваю. Не такой уж он страшный. Коварный – да. Хитрый. Изогранный соблазнитель. Но уж точно не пещерный.

Все мои возражения любимый на корню давил поцелуями и даже умудрился поставить мне на шею засос, после чего был доволен, как кот, пока я громко возмущалась. Я еле успела шепнуть Натке, чтобы она позже принесла сумочку с телефоном нам в комнату. Мне нельзя оставаться без связи.

А Диего разошелся не на шутку. Первым делом он надежно забаррикадировал дверь. Теперь, чтобы попасть в эту комнату, надо вызывать группу спецназа.

Хорошо, что Натка может ходить сквозь стены. Трудно бы мне пришлось, если бы я ночью тайком сдернула за телефоном. Пришлось бы всю эту кучу тихонько самой разбирать. Впрочем, за меня это сделает Натка. Силища у домовых немереная. Обычному человеку с ней не тягаться.

Пока Диего двигал мебель, я засмотрелась на его внешность. Он скинул пиджак. Темная шелковистая футболка была прижата к телу кобурами. На контраст между широкими плечами и узкими талией и бедрами хотелось облизываться бесконечно. Мужественный профиль легко посрамил бы самого Зорро. А уж в плане владения оружием – то тут и говорить не о чем. Вопрос даже не стоит. Диего на моей памяти трижды выигрывал состязания профессиональных телохранителей. И я видела, КАК он их выигрывал.

В самый последний раз под конец против него выпустили бывшего альфовца, который только-только ушел в отставку, чтобы основать собственное дело. Как Диего того уделал – отдельный вопрос!

Моего личного стража потом тот самый десантник пару месяцев изводил – настойчиво упрашивал обучать его телохранителей. И не только он, кое-кто из органов тоже очень заинтересовался... Диего от них как-то с помощью связей элементарей отделался, но с тех пор завязал по соревнованиям ходить.

А я все смотрела надвигающегося бодигарда. Класс! По-моему, он возню с мебелью специально затеял, чтобы еще больше меня раздражить. Под облегающей черной футболкой двигались гармоничные сухие мышцы, руки, перевитые венами, были не грубыми, но и не хрупкими, бицепсы красиво бугрили рукава футболки.

С иссиня-черными волосами, аквамариновыми глазами и в облегающей темной футболке Диего напоминал пантеру, которая, может, сейчас и играет, но всегда готова к смертельному для жертвы прыжку.

К счастью или сожалению, я не жертва.

– Уф-ф! – Диего еще раз оглядел внушительную конструкцию и облегченно вздохнул. – Теперь никакая зараза до утра не пройдет.

– Ты забыл про окна, – насмешливо напомнила я. – Мы все-таки не на двадцать пятом этаже! – В свою очередь осмотрела порушенную комнату. – А кровать...

– Что кровать? – не понял Диего.

– Кровать придвигать туда не будешь? – пошутила я.

Мой любимый ошалелыми глазами посмотрел на свою кровать. С минуту поморгал недоуменно, видимо мысленно трамбуя ее на верх пирамиды, потом расхохотался:

– Мария, издеваешься?

– Конечно, – с достоинством подтвердила я логичный вывод.

– Хоть дразнись, хоть издевайся – тебе все можно, сегодня ты моя! – Он привлек меня к себе, нежно обнимая. С непередаваемой теплотой: – Только моя!

Меня глубоко ранила его сердечность. Сегодня я получу совсем немножко счастья, крохотный кусочек, а завтра придется все забыть. Не место человеку среди стихий, поэтому лучше пускай все думают, что это была минутная прихоть, забава. Может, тогда его оставят в покое сильные мира сего. Главное, чтобы Диего не угадал ход моих мыслей. И я спрятала свое огорченное лицо у него на груди.

Мой мужчина бережно перебирал мои волосы, смешно и щекотно тыкаясь носом в ложбинку за ухом. Потом начал водить губами по ушной раковине. Всегда полагала, что меня такие ласки слишком быстро заводят.

Наивная! Заводят, и еще как! Все зависит от мужчины; смотря кто ласкает. Сколько нежности и любви вкладывает в свои пальцы и губы, сколько готов и хочет отдавать любимой женщине. Насколько горят к ней душа и сердце.

Диего хотел и был готов отдавать, отдавать столько, сколько я смогу выдержать. Он шепнул:

– Мария...

Я отстранилась от него с мягкой извиняющейся улыбкой и покачала головой.

– Диего, ты у меня настоящий мужчина – всегда готов! Но мне нужно в душ. Я потная, грязная, вся в дорожной пыли и...

– Конечно, любимая, я сам туда тебя отнесу. – Он стал срывать с меня и себя одежду еще быстрее, чем только что переставлял мебель, – с фантастической скоростью.

Так что если я и хотела тихонько поплакать в одиночестве, то номер не удался.

Тогда будем улыбаться и радоваться жизни! От предвкушения у меня пересохло во рту.

Мужчина занес меня под теплые струи душа и медленно-медленно намыливал мое тело, предоставив мне делать с ним то же самое. Это было самое эротичное мытье в моей жизни, клянусь!

Декорированный хром со вставками перламутра – смесители. Черная плитка под мрамор, пар и тонкий, свежий запах геля-душа. И на этом фоне – обнаженный Диего с влажными вьющимися волосами, отражающийся во всех ракурсах в трех зеркалах. Нет, МЫ в трех зеркалах!

С ума сойти! Я с этим ненормальным испанцем скоро извращенкой стану! Хоть закрывай

глаза! Смуглые руки, скользящие по моей груди. Гордый мужской профиль, смешавшиеся черные и белые волосы...

В общем, мылись мы в этот раз до-олго. Больше часа.

Единственное место, где мы в ванной не побывали, – это на полу. Замечу, не то чтобы я сильно сопротивлялась... просто Диего побоялся, что я могу простудиться.

Чистые мы были... невероятно! До скрипа. Особенно в некоторых отдельных местах, указывать которые я из стыдливости не буду.

Завернув меня в пушистое банное полотенце чуть ли не до ушей, мой пылкий любовник принес меня в комнату и уложил в кровать. Кровать у Диего была таких размеров, что на ней целый отряд первоклашек мог бы смело играть в прятки. Натуральный гоночный автодром. Когда я вспомнила, сколько однодневок тут перебивало, у меня сразу испортилось настроение.

Диего заметил мое внезапно изменившееся состояние и начал игриво покусывать пальцы на моих ногах. Вяло отбрыкиваясь от неугомонного, я закрыла глаза. Просто нет сил. Спать. Хочу спать!

Кое-кто отстал от меня и притих. В изнеможении улегшись на подушки, я приготовилась упасть в объятия Морфея.

Дважды наивная! Это, оказывается, было только начало. Мой любимый мужчина сначала долго мне нашепывал извинения насчет того, что он в прошлые разы слишком волновался и торопился, а теперь он мне покажет... И водил своими волосами и легким перышком снизу вверх от стопы до самого бедра.

Я молча ужаснулась. И так после ванной ноет каждая косточка! Сжальтесь над бедной замученной девушкой!

Но все оказалось не так плохо. Мой заботливый мужик сначала призвал Натку и выудил у нее перекус, потом напоил меня прекрасным фруктово-ягодным вином – почти черным, с терпкостью ежевики и вкусовыми оттенками черники и малины... На сердце стало хорошо и тепло, а от его флиртованных словечек щеки вспыхивали жаром. Диего твердо усвоил: женщины любят ушами. На пять! Нет, двенадцать! На все СТО!

После утоления первого голода, вина и словесной прелюдии оказалось, что я и сама к продолжению готова. Очень даже! Инициатором буду!

Не хочу спать! Хочу этого мужчину! Много. Страстно. Не отвяжется! Пощады будет просить!

И я запустила пальцы в его густую гриву, притягивая для поцелуя. Руки мои отпустили его волосы и скользнули вниз...

Но этот подлец, этот обманщик сбежал! И не просто так сбежал, а вытребовал у Натки и принес взбитые сливки с клубникой. Он размазал по мне сливки и жадно слизывал их, попутно угощая меня клубникой.

До конца дней своих буду смотреть на клубнику с подозрением. Очень сомнительный в плане нравственности продукт.

Я передумала узнавать.

Моя огненная природа проявила себя весьма экзотично: в объятиях Диего я горела и плавилась, брала прохладу и возвращала долг пламенем.

Огонь ведь страшный собственник, он забирает свое и не отдает. Всем телом, всем своим существом я хотела забрать Диего и не могла себе этого позволить. Я любила его и запрещала себе это. И со слезами боли и радости, скрежетом зубным, разрываясь напополам, запрещала себе принять последствия его любви – готовность беречь и охранять, рисковать жизнью не по должности, а по праву любящего. Не возьму! Не надо.

Это состязание между умом и сердцем забрало все время.

Что скажу: Диего пощады не запросил, но заездила я его капитально.

Полночи мы кувыркались, сами смущаясь громких вскриков и стонов, царапаясь, кусаясь, хохоча и меняя верх и низ. По-моему, у нас внутри и снаружи точно есть что-то нечеловеческое. У обоих. Авторитетно заявляю: любой нормальный орган бы стерся! До основания.

А нам хоть бы хны. Только приговорили двухлитровую бутылку легкого ягодного вина и опустошили блюдо с бутербродами. Еще пострадали запасы минералки – вот все неявные потери.

К утру мы спали как убитые. Продрыхли приход Натки на кухню затемно, несмотря на то что она показательно грохотала кастрюлями. Пропустили уборку и то, как хранительница пылесосила под дверь. Не слышали волейбола и футбола в холле в исполнении юных террористов – эфиров и сынишки Вольдемара. Игнорировали их совместные жалобы, призывы и угрозы у нас под окнами. Мы спали.

Разморенный Диего так и уснул, обхватив одной рукой меня за бочок, а другой – бутылку с минералкой. Молодец! Запасливый.

Я во сне прижималась к Диего спиной – от него исходила приятная прохлада. Мой партнер через некоторое время, видимо, перегрелся и начал отодвигаться и отпихиваться. Я во сне догоняла его в попытке остыть. Короче, обычная семейная идиллия.

Потом мы поменялись ролями. Диего замерз и норовил подгрести под себя, мне было жарко, и я удирала по всей необъятной кровати.

Победила дружба. Любимый мужчина взял меня в клетку из своих рук и буквально подмял под себя. Чтоб от него не сбежала, наверное.

Но тишина и благодать царили недолго. Все имеет начало и конец. Даже наши иллюзии...

«Скажи мне правду, атаман!» – заорал мерзкий аппарат, вырывая меня из состояния блаженного сна.

– Ежика тебе в пудру! – выругалась я шепотом, выползая из-под Диего. Нашупала телефон. – Слушаю, Лёна. Но если ты... ЧТО?!!

Глава 22

Ты меня на рассвете разбудишь, Попытавшись тихонечко смыться. Ты меня никогда не забудешь, Если хватит минут помолиться!

– Что случилось? – подскочил Диего, с тревогой глядя на меня. Потом пошарил под кроватью и достал огнетушитель.

Очень вовремя. У меня от злости пламя чуть через уши не вырывалось.

За окнами отгорел рассвет. Стало светло.

– Повтори! – потребовала я, обращаясь к подруге. – Я, кажется, уже проснулась на всю жизнь!

– Вольдемар забронировал билет на завтрашний вечер, – послушно повторила Лёна. – На фальшивый паспорт. В Испанию.

– Где он? – выплюнула я клуб дыма. – Где этот гад, эта жаба пузырьчатая?

Диего шустро открыл окно.

– В заброшенной деревне Кузюкино, во втором доме после колодца, – доложила Лёна. – Отсиживается и домой глаз не кажет.

– Лёна! – рявкнула я пламенем. Любownik немедленно принес мокрое полотенце. – Переведи деньги на жену и аннулируй все его счета! Пусть эфиры хакерами поработают!

– Это противозаконно, – заметила юристка, впрочем не особо сопротивляясь.

– Мне это до лампочки, – так же индифферентно ответила я, отфыркиваясь в полотенце. – Вольдемару они уже не понадобятся!

– Да, мой генерал! – отрапортовала шатенка. – Сделаю все, что в моих силах! – И отключилась.

– Диего, – повернулась я к мужчине, отодвигая от лица мокрую тряпку. Решительно приказала: – Через три часа отвезешь Максима домой.

– Я поеду с тобой! – воспротивился испанец. – Мальчишку домой могут и эфиры отвезти. Или Натка.

– Конечно, любимый, – ласково улыбнулась я и... уложила Диего мощным хуком справа. Прошептала, наклонившись: – Прости, но я пойду одна.

Такой подлости бодигард от меня не ожидал, поэтому свалился как подкошенный.

Понимая, что долго он в отключке не пробудет, я предприняла экстренные меры безопасности. Заткнула рот полотенцем и связала руки и ноги поясами от халатов.

Тоже очень хлипкая преграда для здорового злющего мужика. Но тут больше психологический расчет. Пока будет грызть кляп и освобождаться от пут, а потом рвать их – чуть-чуть поболеет. Пар выпустит. Во всяком случае, я на это очень надеюсь... Если, конечно, не лишится зубов. Тогда озверееет окончательно, а я, если останусь в себе, рискую остаться без... себя.

Потом быстро оделась и выскользнула из дома. Завела «мерс» и рванула в нужную сторону.

Мой горячо любимый Вольдемар выбрал идеальное убежище для своей смерти. Даже если он решит поиграть в игру «Догони злодея», все равно мы никому не помешаем. Прежнее население Кузюкино перебралось в другое место или поумирало. Тут никого больше нет.

Я оставила «мерс» за углом и прокралась мимо повалившихся заборов к нужному дому.

Точно! Кто-то там есть. Протопанная тропинка на траве. Ведро рядом с дверью, не покрытое ржавчиной. У завалившейся на один угол баньки развешены трусы и носки.

Ладно. Подождем. Гоняться за бывшим по незнакомому дому – себе дороже. Мало ли, может, эта предусмотрительная селекционная «редиска» подпол оставила открытым. Или ухват за углом гаденыш прислонил. Или пару носков нестираных заныкал и бережет как ядерное (ядренное!) оружие.

Я прислонилась спиной к колодезному срубу и приготовилась ждать. Кстати, ждать пришлось недолго... часа два. Не успела я пересчитать все одуванчики, как распахнулась покосившаяся дверь и на пороге нарисовался кот Бразилио... извините, Вольдемар.

В белой шляпе, светлом костюме и летних туфлях сей дегенерат... пардон, вырвалось, – ренегат бодрой походкой от бедра направился «до дому, до хаты». Фигли! «Живите богато» его проскочило стороной.левой.

– Милый, – выразительно пропела я, привлекая его внимание, – не ко мне ли ты, сокол ясный, полететь собрался?

Вольдемар сразу посерел, как-то весь скукожился и стал ниже ростом. Медленно-медленно повернулся. Узрел, что я одна участвую в торжественной встрече, и внезапно осмелел.

– Чего тебе?... – фыркнуло дитя вне разума. – Никак мужик срочно понадобился?

– А то! – кивнула я, соглашаясь. – Без тебя прям белый свет немил стал! Солнце – и то восходит на востоке. Прикинь?

Пока Вольдемар соображал, где же взаправду должно всходить солнце, я отлепилась от колодца и пошла к нему навстречу.

– Отстань от меня, – предупредил мужчина, оглядываясь, чем бы меня приложить по темечку. – Мне некогда!

– Естественно, – широко улыбнулась я, делая еще несколько шагов. – Тебя ж, касатик, в Испании заждались.

– А ты откуда знаешь? – насторожился Вольдемар, напрочь забыв о презумпции невинности. Мокрица! Как есть мокрица! Не боюсь, но брезгаю. Хотя эта отдельно взятая особь для нормальных людей смертельно опасна.

– Я, цыпленок мой бройлерный, все про тебя знаю, – ласково заверила я его. – Даже то, что ты, жертва птицефермы, своего собственного ребенка бросил. И жену.

– Выживут, – фыркнул мужчина, поворачиваясь ко мне спиной. – Уйди по-хорошему, или мне придется принять меры.

Я затеплила на ладони свои шесть огоньков.

– Повернись, – приказала Вольдемару. – Пора встретить свою участь лицом к лицу, как мужчина!

– Да отстанешь ты, надоеда! – взвизгнул мерзавец, оборачиваясь и доставая оружие.

– Он ваш, – стряхнула я с руки огоньков, которые тут же воплотились в огненные фигуры и двинулись к застывшему человеку. Медленно. Загоняя жертву в ловушку, из которой нет выхода.

Они играли истекающим ужасом, испуганно скулящим Вольдемаром, как кошка с мышкой. Упивались его криками. Питались агонией разума.

– Пощади! – заорал Вольдемар, падая на колени и утыкаясь лбом во влажную траву. – Я все отдам! Все!

– Конечно, – наклонилась я к нему, приподнимая его голову за волосы. – Ты отдашь мне жизнь, а остальное возьму я сама!

– Будь ты проклята! – заорал Вольдемар, отбиваясь вслепую, нелепо и отчаянно, словно и не мужчина передо мной вовсе, а хилый ребенок. – Проклята!

– Ты опоздал, – ласково ответила я, давая знак помощникам закончить дело. – Я УЖЕ проклята. И теперь мы будем прокляты вместе!

Как он горел! Просто загляденье. Внутри поднялась мощная волна удовлетворения и злорадства.

«Ты чувствуешь это? – шептал вернувшийся голос. – Месть – это не холодное блюдо. Горячее. Месть разжигает кровь и будоражит чувства!»

– Уйди, противный, – отмахнулась я. – Не до тебя!

«Нет, – хмыкнул голос, набирая силу. – Уже нет!»

В это время ко мне вернулись уже семь огоньков. Они впитались в кожу...

«Ты моя! – загремел голос, проявляясь. Передо мной возник призрачный Рошан, довольно скалясь и протягивая на ладони семь огоньков. – Семь и я! Семья!»

Все произошло быстро. Очень быстро.

Ифрит мгновенно впитался в меня, и... меня не стало. Где-то на окраине своего сознания я испытала дикую боль. Выворачивались и трещали суставы. Рвались мышцы. Дробились кости. Земля удалялась, как будто я становилась выше ростом.

Я запрокинула отяжелевшую голову, чтобы закричать, но из моей груди вырвался громкий полурык-полурев.

Кто я?

«Ифрит! – засмеялся Рошан. – Теперь ты – это я!»

Мое маленькое, крошечное «я» в окружении ближайших врагов горько заплакало. Но никто снаружи меня не услышал.

Тогда я разъярилась.

– Нет! – прорычала я, поднимая... руки?... Эти когтистые лапы – мои руки?! Господи, прикопай меня сразу под березкой. – Нет!

Лапы раздирали грудь. Я знаю, я там, внутри. Просто нужно найти, нужно вытащить, дать моей настоящей сути свободу.

«Смешная! – веселился Рошан, уверенно занимая разум. – Маленькая смешная девочка. С кем ты борешься? Со мной? Мне тысячи лет!»

– Да хоть миллионы! – рычала я, не обращая внимания на внешнюю и внутреннюю боль. – Иди на пенсию.

«Подергайся, – милостиво разрешил мне Рошан. – Это пройдет. Я точно так же бесился, когда получил этот бесценный дар. А потом, как видишь, все прошло. И мне даже понравилось».

– Если тебя обратили, – свирепела я, вгрызаясь когтями в собственную плоть. Кровь летела брызгами. – Зачем ты делаешь это со мной? Отступись!

«Никогда, – нежно улыбнулся Рошан, барственным жестом поглаживая мою сущность за ушком. – Я хочу жить. И ты мне в этом поможешь. Правда, быть женщиной для меня внове, но я справлюсь. Научусь. Ифриты способные. Представляешь, как я буду медленно убивать всех, кто тебе дорог, чтобы освободиться от досадных глупых привязанностей?»

– НЕТ! – Вокруг меня разгорелось яркое пламя. Языки огня пожирали все, до чего смогли дотянуться. Уже загорелись ближайший забор и колодезный сруб. Скоро искры перекинутся на дома. И здесь начнется огненное пекло...

«Да! – радовался Рошан, протягивая призрачные руки к огню, впитывая силу. – Да, моя драгоценная оболочка! Чем больше ты будешь сопротивляться, тем сильнее я стану в итоге. Отрицай, борись и корми меня, девочка! Я так голоден!»

У меня опустились руки. Куда ни кинь – везде клин. Бороться – подпитывать Рошана. Сдаться – потерять себя. Что мне делать? ЧТО?

Рошан немедленно воспользовался моментом растерянности и загнал меня в метафизический угол. Сковал цепями, пришил к стене.

– Видишь, – ухмылялись мне в лицо алые глаза с огненными зрачками. – Видишь, как все просто. Нужно просто отпустить.

Сознание медленно гасло. Бытие воспринималось как что-то далекое и совершенно ненужное. Мне хотелось лишь закрыть глаза и погрузиться в длительный и глубокий сон. Я так устала. Мне больно и страшно.

Простите меня, любимые... Прости меня, Диего... Прости. Я оставляю те...

– Мария! – раздался крик. – Любимая, не сдавайся! Я помогу!

– Поздно! – проревел Рошан, забирая все полностью себе. – Ее уже нет!

Темнота сознания. Пыль сердца. Пепел души.

И только «кап-кап-кап» нарушает мой прочный покой. Только эта настойчивая звонкая капля разбивает окружающую темноту, позволяя мне надеяться, что я еще жива.

Кап-кап-кап! – поет вода, омывая меня прохладой, освежая запекшуюся душу. Кап-кап-кап – звенит ручеек, пробираясь в сознание и принося облегчение. Кап-кап-кап – журчит речка, вымывая горький пепел забвения. Кап-кап-кап – это жизнь или смерть?

Кап-кап-кап...

Глава 23

Течет ручей, бежит ручей, Гони взашей, зови врачей...

Мерное капанье воды прервал тихий мужской голос. Смутно знакомый. Проникающий под кожу.

– Я хочу рассказать тебе одну сказку, – раздается в моем воспаленном мозгу. – Вернее, не сказку, а быль. Хотя, может быть, и не быль...

Хочется прийти в себя, встать и дать скучному рассказчику по шее за такое изнуряюще нудное вступление. Еще бы начал: «Давным-давно, в одном тридевятиом царстве-государстве жила-была...»

– В общем, – продолжил голос, – давным-давно, в одном далеком королевстве...

Возникла мысль: до тридевятого не дошел. Сморило раньше.

– Так вот... – Мы все же перешли это долбаное королевство! Пешком по пустыне, наверное. – Жила-была семья...

О! А тут уже явный стереотип. Если сейчас про Золушку расскажет – я разочаруюсь во всем человечестве.

– Папа, мама и двое сыновей, – поведал мне рассказчик статистику переписи населения. Добавил: – Это я про своего друга рассказываю. Близкого.

Ни фиги се! Это один тут, а другой в далеком королевстве? Не в Испании, случайно? И дружили они по Скайпу. Ой, нет. Это же было давно. Ага, тогда они слали письма с уведомлением. Гонцами слали. Гнали, в общем. Жу-у-у-уть!

– Папа у них был водный элементаль, – сообщил мне мужчина.

Я задержалась. Почему-то упоминание про элементалей мне сильно не понравилось. Как-то отозвалось дрожью по телу.

– Хорошо-хорошо, – торопливо сказал сказочник. – Не элементаль. Пусть будет... тритон.

Тритон у меня плохих ассоциаций не вызывал, и я молча согласилась на него.

– Тритон был не человек, – осторожно сообщил мне мужчина.

Серьезно? А я бы даже не догадалась. Это ж теперь принято такие имена людям давать. Хотя что с них возьмешь в «прекрасном далеке»?

– Он был несотворенный, – пояснил мужчина и замолк, будто ожидая моей реакции.

И чего он от меня ждал? Лекцию о непорочном зачатии?..

– Его жена, мама моего друга, – голос стал глуше, – была человеком. Тритонами рождаются только мальчики...

Спасибо тебе, Господи! «Тритониха» даже для моего перегоревшего разума уже перебор. Это слишком! Она там просто не помещается!

– ...и тритоны женятся на человеческих девушках, – продолжил лекцию по биологии сказитель. – И у этого тритона родилось двое...

«Тритонят», – мысленно закончила я, сожалея, что не могу выйти из комы и войти в раж.

– ...мальчиков, – уточнил мужчина. – Один старший, другой – младший.

– «Гуси, мои гуси», – процитировала я в отместку за издевательство над мною-«растением».

– Мой друг был старшим братом, – доложил рассказчик, – и уже достиг возраста передачи дара от отца. Его же младший братишка был тогда слишком мал и слаб

для такого испытания. Их родители решили подождать, когда он окрепнет, но...

Но?! Сейчас точно начнутся кровавые подробности. Ну почему, лежа «овощем», нужно обязательно слушать пересказ фильмов ужасов? Зачем такой садизм и жестокость? Типа чтобы со страху встать и уйти?

– ...но тритон попал в расставленную недругом ловушку и погиб, – грустным голосом сказал мужчина. – Его жену схватили и продали в рабство, откуда она попала в бордель и вскоре умерла.

Хочу плакать! Мне всех жалко! Я всегда плакала, когда смотрела фильм «Формула любви», на словах «В общем, все умерли...».

– Братья успели спрятаться и не попали к работорговцам, – успокоил меня мужчина. – К тому же стихия...

Я заволновалась.

– ...тритонов нельзя поработить.

– Ты совсем охренел! – Трагическое повествование прервал звонкий возмущенный голос. – Ты зачем ее к раме примотал?

– Так нужно, Сапфира! – с нажимом ответил мужчина. – Иначе она может себя поранить.

– А почему она тогда бледная? – подозрительно спросила знакомо-незнакомая Сапфира. – На мумию похожа!

– Ты имела в виду мумию? – поправил девушку рассказчик.

– Кого я имела, тебя не касается! – высокомерно ответила Сапфира. – А вот почему Мария выглядит как поганка?

О! Меня зовут Мария. Как приятно познакомиться с самой собой. А почему «поганка»? Я ей что, любимую мозоль с корнем вырвала?

– Мария так выглядит, – заявил мужчина, – потому что ей требуется избавиться от лишнего огня.

– Диего, – фыркнула Сапфира, – по-моему, ей уже следует избавиться от тебя, пока ты ее не ухайдакал!

– Брысь отсюда, эфиристка! – рявкнул уже представленный мне Диего.

И снова звук воды из брандспойта.

– Водные обливания полезны для здоровья! – откуда-то далеко крикнула Сапфира. – И я вернусь! Это тебе Сапфира Шварценеггеровна Сталлоне обещает!

– Мелкая пакостница с золотым сердцем, – сообщил Диего, подходя к кровати. – С ней беспокойно, без нее скучно. – И вылил на меня пару ведер воды.

«Процедуры с ледяной водой закаляют волю к убийству тренера», – уговаривала я себя, замерзая и стуча зубами.

– Прости, – с непонятной болью в голосе сказал Диего и погладил меня по руке. – Но только вчера, на десятый день твоего пребывания здесь, вышел первый огонек. Трудно все выходит.

«Не выходит у тебя, Данила-мастер, каменный цветок, – пожалела я сама себя. – От напряжения можно и очи выпучить, как у тритона. И будет вам новый вид: Мария обычная, тритонообразная. Руками не трогать! – стреляет глазами на поражение».

Заскрипел рядом стул или кресло.

– Мой друг выбивался из сил, стараясь поднять младшего брата, – завел свою шарманку по новой Диего. – Но в этом была и хорошая сторона. Оттого что он много и напряженно

работал, парень успешно развил свой дар и стал одним из первых мастеров в своей стихии.

Я там в самом начале про Золушку вспоминала? Так тут у нас целый рояль! Золушок называется! Не хватает крестной феи и тыквы в репу. Или это из другой сказки?

- В парах, где один из супругов - человек, есть такое явление: стихия их детей нестабильна. До старшего подросткового возраста им необходим контроль и подпитка стихией старшего родителя.

Теперь мы переключились на другую лекцию. У меня будет разностороннее развитие дебилизма.

- Но младшенький... Отец ушел слишком рано, некому было подпитать ребенка. Старший брат старался вовсю, часто просил взрослых тритонов помочь младшему, но все это не спасало. Сила братика начала сворачиваться и чахнуть.

Вот это уже точно печально и страшно. Честное слово, наблюдать, как твой единственный родной человек чахнет и сворачивает тычинки - приятного мало.

Зря я кого-то пожалела. Зря! Потому что на меня снова опрокинули несколько ведер ледяной колодезной воды под уговоры:

- Потерпи, солнышко. Скоро должно стать легче!

Интересно, а это «скоро» об этом знает? Чтобы прийти и облегчить мои муки. Или, в крайнем случае, замочить моего мучителя. Я на оба варианта согласная. А то трясет как в лихоманке. Никакого адреналина. Один холестерин!

Не знаю, чего он там подумал или углядел, но на меня сверху свалилось что-то очень тяжелое. Но теплое. По зрелом размышлении я решила не протестовать и погреться на халяву. К тому же какая-никакая защита от холодного душа.

- Тебе нельзя дергаться, - ласково прошептали мне на ухо. И погладили скулу. - Ты можешь пораниться.

Точно! А когда на мне валяется такая туша, то я могу только раздавиться. Ага. Тонким слоем. Легче покрасить, чем отковырять.

Тут все же кто-то слишком заботливый... до смерти заботливый... До моей смерти!.. С меня слез и снова уселся рядом. Помучил физически, теперь будет насиловать морально. Присесть мне на уши вкупе с семейной сагой о да-а-а-алеком королевстве.

- Когда Ми... - Тут он запнулся и откашлялся.

Была бы в себе - предложила бы водички попить. Хорошо, что я вне себя, а то бы снова утопил, гад, под предлогом поправки здоровья.

- Когда младший брат подрос, он решил найти способ подкрепить стихию и для этого с потрохами сдался Совету, - сообщил мне Диего, поскрипывая стулом и моими еле шуршащими мозгами. - Поступил на какую-то мелкую должность, связанную с охраной и сопровождением.

Ну да! Мы ж, блин, благородные кобельеры, нам негоже кого-то там охранять. Нам их резать надо! Только так благородные и поступают. Ага. Наступят на горло - и чик! - ножичком.

- К несчастью... - продолжил нагнетать обстановку мужчина. И замолчал.

Я поняла! Это к моему несчастью!

- Так вот, к несчастью... - повторил вслед за моими мыслями Диего. - Он надолго выпал из поля зрения старшего. И это была непоправимая ошибка моего друга.

Ой, че счас буде-эт! Мексика прям утрется слезами и высморкает слезы!

- Младший брат стал употреблять сииту для поддержания своих сил, - глухо продолжил

мужчина. – Сиита – особое вещество, временно дающее власть над родной стихией. Оно является наркотиком и со временем, супротив желаемого, совсем иссушает того, кто его употребляет.

После этого наступила долгая пауза. Такая трагическая, что я даже мыслями не решилась ее нарушить.

- Если бы я знал... - прошептал мужчина. - Кто мог подумать, что он такой идиот...

Я насторожила свои ушки.

- Старший узнал об этом, - голос рассказчика выровнялся, - только после смерти младшего. Непонятной, необъяснимой смерти.

Жалко, конечно. Ничего не скажешь. А он хоть раз видел щиты «Пропал без вести»? Там вообще хана! Я никогда мимо спокойно пройти не могла. А куда я ходила? Не помню...

Я ощутила дуновение ветерка.

- Не, ну ты точно охренел! – заявил уже другой девичий голос. – Чего она у тебя в таком виде валяется?

Понятно. Здесь живут по принципу «приходи кто хошь, матери кого хошь и получай куда хошь».

- Что ты имеешь в виду, Марика? – абсолютно спокойным тоном поинтересовался Диего, но пересел ко мне под бок.

«Привет, Марика! – мысленно помахала я рукой. – Было бы приятно познакомиться, но, боюсь, я сейчас плохой собеседник».

- Ты ее связал! - с упрёком фыркнула девушка.

- А он боится, - ехидно сообщила Сапфира. - Думает, развяжет - и она от него смоемся. Так-то надежней!

– Дура! – рыкнул мужчина. – Как ты ее еще удержишь? Если у нее внутри активированный ифрит?..

Ой, какой ужас! Тут еще кроме меня кто-то есть? А я в таком виде. Без мозгов и педикюра. Впрочем, я смотрю, ифрит не спешит навязываться в компанию. Тоже, наверное, холодной воды не любит.

- И только потому, что Мария гостеприимно пустила погостить бездомную сущность, - выдала Марика, - ты ее примотал к этой решетке над открытой проточной водой? Огненную?

- Проточная вода, как ты выразилась, - ответил Диего, невесомо поглаживая мою ладонь, - помогает вывести из нее этих приживальцев и ослабить ифрита.

- Точно! - ядовито вмешалась Сапфира. - Давай ее уморим из лучших побуждений! Только учти! Я буду с тобой бороться! Я ее люблю.

- Я тоже ее люблю, - поддержала подругу Марика. - И издеваться над ней не дам!

- Я не издаваюсь! – повысил голос мужчина. – Я пытаюсь ее спасти! Если ее не избавить от ифрита, то мне придется ее ликвидировать!

- Тебе? - прошептали девчонки.

Я тоже насторожилась.

- Я - ликвидатор, - тихо признался Диего. - Палач палача. Последний суд и приговор.

О-па! Вот так и узнаешь о человеке интересное между делом. А то «в дале-э-э-эком королевстве»... Тьфу! Тут айнзатцгруппа из одного человека. Теперь понятно, почему он меня мочит. У него культпоход за расширение площадей для проживания. И он почему-

то начал бороться за мою. Не подскажите, как снять свою кандидатуру?

- Козел ты! – убежденно заявила Сапфира. – Мало того что Марией попользовался, дак еще и наврал ей с три короба. Порядочные люди... тьфу, стихiali... так не поступают!

- Он же водный, – сказала, будто выплюнула, Марика. – Что с него возьмешь? Просочится между пальцев – и потом будет всем рассказывать, что мы с тобой страдаем страшной болезнью. «Дырявые пальцы» называется.

- Я хочу ей помочь! – упрямо стоял Диего на своем... Нет! Уже, кажется, на моем! Жизнь-то моя, если на то пошло! – Я должен ее вернуть. Понимаете, должен!

- Понимаем, – хмыкнули девушки. – Еще как понимаем. Вот как видим ее синие запястья – так и понимаем, что тебя надо наградить. Кувалдой. Двойной!

- Так это ты по всему дому стаканы с водой расставлял? – вдруг прозрела Марика. – Шпионил? Нездоровое любопытство удовлетворял? А естественным способом это сделать было нельзя?

- Естественным способом – это как? – полюбопытствовал мужчина, подвигаясь ко мне еще ближе.

Пользуется гад, что я не могу встать и уйти! А перед тем, как уйти, еще и в глаз дать!

- Это спросить, – нравоучительно пояснила Сапфира. – Жалко, что я тебе в эти стаканы перекиси водорода не налила. Хоть бы удовольствие получила от твоего призового бега на скорость.

- Вы делаете свою работу, – нимало не смущаясь, заявил Диего. – Я свою.

- Прямо видно, как ты ее сделал, – прошипела Сапфира, пытаясь меня отвязать. – Такой из себя отличник трудового садизма. Сделал из Марии тренажер – «каждому по потребностям» и пыжится! – Передразнила: – «Я свою!» Ха! Перетрудился, болезный!

- Всё! Вы меня достали! – рявкнул мужчина, резко вскакивая и оттаскивая от меня девушку. – Вы все же на моей территории!

- Тоже к кровати привяжешь? – хмыкнула Марика. – Меня тогда не на голую раму, я комфорт люблю.

- Мария тоже, наверное, любит, – погрустнела Сапфира.

- Я вам сейчас... – начал изображать из себя Ивана Грозного Диего, но договорить не успел.

Один из моих огоньков, видимо, так заинтересовался разговором, что пошел наружу посмотреть, а может – и поучаствовать. Только пошел он не один, а прихватив все свое барахло. Почему за свое имущество он принял мои кишки, я не в курсе, но тянул он их из меня знатно.

- А-а-а! – зашлась я в крике, выгибаясь почти на мостик.

- Видите?! – заорал Диего. – Чего стоите? Держите ее, пока она себе руки не оторвала!

На меня сверху шлепнулись два легких, но очень костлявых тела.

- Мария, – прошипел кто-то из девчонок мне на ухо, – ты держись. Мы за тебя!

- Что здесь происходит? – раздался возмущенный голос. – Почему вы пытаетесь перед утоплением раздавить мою лучшую подругу?

- Лёна! – воскликнуло одновременно три голоса, пока меня выгибало, плющило и колбасило. – Это не то, что ты думаешь!!! И даже не то, о чем ты подумаешь потом! А третий вариант – вообще для тех, кому за двести!

- Почему? – допытывалась Лёна.

- Потому что, когда за двести лет или двести грамм, - пробухтела Сапфира, оседывая меня, - глазам уже все равно! Они ничего не видят!

- И все же. - Звук голоса приблизился. - Я требую ответа!

- А-а-а! - заорала я, потому что огонек решил: наверное, мало взял. И прихватил еще и печень. Мою. Мне стало совсем радостно и весело. Прямо-таки до плясок на горячей сковородке.

Глава 24

Издалека долго текут мозги бойко, Текут мозги бойко – конца и края нет...

– Тебе уже отвечают, – заявила Лёне Марика, обхватывая мое бьющееся в конвульсиях тело. – И очень громко.

– То, что вы Марию тут пытаете, – рявкнула девушка, – я уже поняла. Не поняла только – зачем?

– У нее эти... – В этот момент меня выгнуло особенно высоко, и Сапфиру, скорей всего, подбросило вверх, поскольку чуть позднее она приземлилась на меня снова и вышибла весь мой боевой дух. Правда, вместе с огоньком.

Тот так перепугался погрома, что бросил все нажитое нечестным трудом бесхозное имущество и выскочил наружу.

– Вот ты где, гаденыш! – Я так понимаю, квартирант попал в руки Диего, и тот теперь будет у него требовать возместить аренду помещения.

– Ш-ш-ш-ш-ш, – зашипело что-то. – Пф-ф-ф-ф!

– Уф! – вздохнул мужчина. – Еще один. Пять осталось.

– Их-то пять осталось, – резонно заметила Лёна. – А вот от Марии скоро ничего не останется! – И я с ней согласилась. Тихо и молча. Как положительная девушка. Лежу же, значит, положительная!

– И мы про то же! – поддержали нас девчонки. – Этот рентгеновский снимок нельзя считать за полноценную Марию.

– Пойду-ка я поспрашиваю в клане Знающих, – решила Лёна. – Вдруг есть менее садистский способ избавиться от этих огоньков.

Я подумала и решила: есть! Выковырять напрямую. Будет больно, но меньше.

– И мы тоже пойдем, – сообщили девочки. – Послушаем, что носится в эфире.

– Хорошо, – согласился Диего, обливая меня холодной водой. – Будут новости – сразу сообщайте.

– Ты бы с ней поосторожней, – вмешалась в процесс закаливания Марика. – Смотри, у нее уже кожа синяя, как небо. Мы же все-таки не в «Аватар» играем. В смысле в мини-«Аватар» или «Аватар» на строгой диете.

– Я вижу, – проскрипел мужчина сквозь зубы. – Но если я не буду подавлять ее водой, эти нахлебники быстро восстанавливаются и начинают питать ифрита.

– Дипломированный врач-садитолог, – с невольным уважением произнесла Сапфира.

На какое-то время наступила тишина.

– Прости меня, родная! – Теплые сильные пальцы погладили мою ладонь. – Но я не могу тебя отпустить. Только не тебя.

У меня на это признание слов не нашлось. Да и произнести их я бы не могла. Зачем тогда напрягаться?

– Не могу смотреть на тебя такую, – хрипло признался Диего. – Бледную и неподвижную. Давай я лучше дорасскажу историю.

Можно подумать, я могу отказаться!

– Получив известие о смерти младшего брата, – начал мужчина, – старший пытался выведать подробности дела. Но вся информация была засекречена Советом. Все, что удалось узнать, – младший был рядом с сотворенным молодым огненным. Ничего более,

ни за какие деньги.

Сочувствую, амиго. Но ваша история уже сделала сквозную дырку в моем мозгу и теперь подбирается к сердцу.

– Старший брат сдался, – прошептал Диего с угрызениями в голосе. – Сдался под уговорами жены.

Точняк, Мексика! Теперь еще и жена откуда-то выплыла. Скоро полезут внебрачные дети от троюродной бабушки пятиродного кузена с претензиями на наследство, потому что они самые близкие родственники. Остальные были удочерены и усыновлены в возрасте трех дней от зачатия.

– За несколько лет до трагической гибели брата старший... э-э-э... тритон нашел себе пару по душе, – пояснил Диего ровным голосом, каким говорят в минуту сильнейшей душевной боли. – Очень слабенькую воздушную, такую же, как его младший брат, почти потерявшую стихию полукровку. Милую, ласковую, скромную... одним словом, «воздушную» – этим все сказано.

Во-во! «Милая, ласковая, скромная» – на кухне, беременная и босиком! Прямо вижу эту идеалистическую картину! А потом «милая» обкладывает «ненаглядного» словами, которые он в жизни не слышал, даже подрабатывая грузчиком в порту. «Ласковая» подсыпает в борщ пургену. «Скромная» выкатывает в ссоре список любовников длиной с Великую Китайскую стену. Может, лучше не подгонять женщину под свой стереотип, чтобы потом не погнались тебя?

– Мерседес практически ничего не умела, поэтому приравнивалась к людям, – продолжил мужчина с необычной нежностью. У меня начался приступ ревности. С чего бы это? – Ее основным умением было вызывание бриза. – Мне показалось или в интонации появились отзвуки теплой улыбки? – На самом деле весьма ценное качество в южных районах.

Жалко, что я этого не умею! А то бы ка-ак дунула! Чтоб ты с моего прокрустова ложа слетел километров на десять в длину и двадцать в глубину! Ревнивая женщина – это бульдозер без тормозов! Выкопает вину и закопает виновника!

– У них родились два очаровательных мальчика, – еще нежнее сообщил Диего. – Антонио и Алехандро.

Я мысленно промолчала. А что тут скажешь?

– Тритон подозревал, что у его семьи есть тайный враг, – начал разворачивать интригу рассказчик. – Только не знал, кто и почему. Враг был жестокий и беспощадный...

На меня сверху вылилась ледяная вода. Теперь я знаю, у кого стажировался Диего. Небось отличником был! Маркиз де Гад!

– Извини, Мария! – с чувством повинился мужчина, стирая воду с лица мягкой тканью. – Мне так больно видеть тебя такой беспомощной. Ты всегда была моим лучиком. В твоих глазах жило солнце...

Мы оба помолчали. Каждый о своем. Кто-то думал об астрономии, кто-то об анатомии. Но оба устремились в науку!

– Старший брат долго вычислял своего врага, – Диего решил изменить тему и сменить «мылодраму» на мыльную оперу, – но каждый раз промахивался. Недруг постоянно уходил от преследования, грамотно зачищая следы и умело избегая поставленных ловушек. Старший...

Я собралась с последними силами и попыталась застонать. Ну хоть как-то обзови этого «старшего брата»! А то враг – неизвестный, главный герой по Европе призраком коммунизма скачет, ловушки расставляет. Одна бедная женщина – «Я тучи разведу руками». Угу. «Детей тебе я сделал, а дальше... дальше сами».

– Тебе плохо? – с тревогой спросил Диего.

А ты как думаешь? Я сейчас страдаю за все женское население! Думаешь, легко?

– Водички дать? – заботливо поинтересовался изувер. И довел меня до выброса еще одного огонька.

В этот раз прошло все гораздо легче. Я так разнервничалась и распереживалась внутренне, что тот огонек, который был ближе всего к эмоциональному центру, сбежал сам. Пока не заставили отвечать за всех мужиков скопом.

– Какая же ты умничка! – порадовался за меня Диего, заливая иммигранта водой. Кстати, вместе со мной. – Всего-то четверо осталось!

Господи, дай мне силы все это забыть! Если я очнусь без амнезии, я его в морозилке месяц буду держать без права переписки! Пусть мороженые пельмени грызет вместе с каменной совестью!

– Тебе нужно отдохнуть, – заявил мужчина. Поцеловал меня в лоб, заставив задуматься о своем статусе в жизни, и ушел. Тихо хлопнула дверь.

Какое-то время слышались негромкие, неразборчивые голоса, но потом стихли и они. Я провалилась в черную, бездонную яму, откуда не было выхода.

Передо мной парили алые укоряющие глаза. С ума сводил непрерывный шепот:

– Ты моя! Ты принадлежишь только мне! Я знаю твоё тело изнутри. Я был в твоей душе. Ты такая же, как я! Не отказывайся от меня. Не уходи. Я все равно не отпущу. Мы будем вместе всегда и в жизни, и в бессмертии...

– Нет! – отвергла я его. – Нет!

– Ты безголовая слабая девочка, – сощурились алые глаза. – Я могу не только убеждать, но и требовать!

По телу пробежала дикая боль. Не осталось ни одной незатронутой клеточки. Все пылало огнем, сгорая заживо и тут же восстанавливаясь, чтобы снова сгореть.

– Будь ты проклят! – кричала я, выгибаясь от муки.

– Только вместе с тобой, любимая, – целовал меня огнем Рошан. – Ты не сможешь жить без меня. Этот глупец надеется меня выманить. Но я – это ты. И если я уйду, то что останется тебе? Ты рассыплешься пеплом...

– Пусть! – Была согласна на все, что угодно, лишь бы избежать его ласк.

– Дурочка, – рассмеялся ифрит. – Ты станешь живым пеплом, который будет вечно искать меня. Пепел нельзя уничтожить, пока есть хоть одна мельчайшая крупинка. В ней будешь жить ты до скончания веков. Хочешь такой участи?

Я промолчала, борясь с ним.

– Погасший разум, – алые глаза смотрели прямо в душу, – и плоть, подверженная одному всепоглощающему желанию – воссоединиться со мной...

– НЕТ! – отбивалась я.

– ДА! – хохотал Рошан.

Меня вырвал из этого кошмара шквал ледяной воды. Ифрит исчез, но боль осталась. Мне казалось – по всей поверхности кожи танцует огонь. Чужой огонь – злой и беспощадный.

– Сейчас, – я услышала печальный голос Диего, – сейчас будет легче.

К потоку ледяной воды добавилось что-то еще. Такое же освежающее. Как будто меня поглаживали перышком. Я смогла расслабиться и перевести дух.

– Вот так, моя хорошая, – уговаривал меня мужчина. – Еще немного – и ты будешь свободна от них.

От них буду, а от себя?

Нежные мужские руки прошли по мне, освобождая от клочков сгоревшей одежды, смазывая кремом и успокаивая боль.

Вскоре сверху опустилась легкая мягкая ткань.

– Мария, – присел рядом Диего, – если ты слышишь меня там, где ты сейчас, то знай: я буду бороться за тебя до конца.

Хм, осталось только поинтересоваться – не до моего ли? Просто перетягивание каната! Спортивные соревнования между Рошаном и Диего. Кто больше надо мной поиздевается! Победившему приз – мое замученное тело.

Брр, а не перспектива! Лучше бы свою сагу досказал...

Мужчина как будто услышал мои мысли. Ласково погладил по щеке, поцеловал губы легким касанием и сказал:

– История была не закончена. Луис, так звали старшего брата...

О-о-о! И года не прошло, как мы узнали личность главного героя. Через пару лет дойдем и до описания внешности.

– ...в поисках врага ушел в море...

Пешком? По воде? Круто! А-а-а, он же тритон. У них все не как у людей!

– ...а там его ожидала засада, – продолжил Диего. – Пока он отчаянно дрался в одиночку против полного круга стихий и даже сумел чудом выиграть сражение, его враг наведалься к нему домой, к его семье.

А защиту поставить? Слабо? Ну да, ну да. Перефразируя слова известной песенки – «нам любое море по колено, нам любое дело по плечу». Сколько ж выпил ты, родной, знать я не хочу!

– В это время в гости к Мерседес, – отвлекся от описания боевки мужчина. И как только сумел? – приехали дальние родственники с пятилетним сынишкой и новорожденной девочкой. Родители оба были полукровками и сильной стихии не имели. Жили подобно людям, занимались любимым делом. Ксавер управлял торговой компанией, Кармен владела антикварным магазином и художественной галереей. Жили очень скромно.

Да-а-а? И почему мне в это не верится? Если уж они жили скромно, то как другие живут, те, которые без бизнеса и художественной галереи? Никак?

– Враг убивал семью Луиса долго и жестко. – Голос Диего упал почти до шепота. – С потрясающей изощренностью. Он уничтожил всех, кто был доме. Не пощадил даже детей...

Тихий надрывный звук рыданий.

Я попыталась пошевелиться и открыть глаза, чтобы утешить Диего. Пережить эту муку вместе. Не удалось. Мы плакали по отдельности, но над одним и тем же. Страшно терять близких, но еще ужаснее терять детей. Эта потеря невосполнима.

– Когда тяжелораненый Луис все-таки вернулся домой, – справился со своим горем мужчина, – его встретило пепелище и надрывный крик голодного описавшегося младенца, которого оставили спать в коляске в саду, в тени беседки рядом с фонтаном.

Наступила пауза. словно он вспоминал ту картину, снова и снова переживая потерю семьи.

– Я... – запнулся Диего. Откашлялся и продолжил: – Луис погиб бы тогда. Просто ушел бы в море, полностью отдавшись родной стихии, растворившись в ней. Но младенец... он громко кричал и вопил, требуя воды, еды, ухода. Не он. Она – девочка. Маленькая, хрупкая, надрывно кричащая...

Мое сердце обливалось кровью.

Спустя какое-то время мужчина смог вернуться к рассказу:

– Пару лет назад до Луиса дошли наконец сплетни о том, кто стоял за этой жуткой резней.

А вот с этого момента поподробнее...

– Все темные слухи, все косвенные признаки несомненно указывали на одного огненного, который решил перейти в статус члена Совета и взялся тайком поглощать чужие стихии несотворенных... – Мастерски выдержанная пауза. – Рамона!

При этом имени меня выгнуло от злости и ненависти. Все нутро бушевало от ярости. Зародившийся во мне торнадо прошелся везде и вытолкнул наружу оставшихся огоньков. Я не хотела иметь ничего общего с Рамоном. Мы не хотели!

Раньше это была только моя война. Сейчас сюда прибавилась разделенная мука любимого мужчины. Общий враг...

– Тсс, – успокаивал Диего, удерживая меня на ложе и уничтожая огоньков. – Я раньше хотел убить Рамона любой ценой. ЛЮБОЙ! Но теперь появилось исключение. Ты. Ты мне дороже мести. Я...

– Папа! – раздался детский крик. – Папа, ты где?

У меня открылись глаза. И фигурально, и физически.

Господи, дай мне сил не открыть рот! Я ж тебя, Диего, сволочь, съем и костей не оставлю! Столько лет молчал о дочери! Шлялся со мной. Рисковал со мной. Спал рядом со мной. И ни разу даже словом не обмолвился о ребенке! Все! Когда я встану, то обязательно выйду! Сначала из себя, а потом на тропу войны! И повезет всем, кто не выживет!

Глава 25

Лети, моя крыша, лети В безумно далекие дали. Не вздумай вернуться назад. Экстрима мы тут повидали...

- Папа! - Около моего неудобного ложа нетерпеливо подскакивала маленькая девочка с пронзительно-голубыми глазами, розовыми пухлыми губками и громадным бантом в каштаново-золотистых волосах. - Кто эта страшная тетя?

Диего стоял ко мне спиной.

- Франкенштейн, - разжала я спекшиеся губы, вспомнив Марику. Голос точно был оттуда. Хриплый, сорванный криком.

Диего подпрыгнул, будто сзади подкрался бодун и предложил ему денатурат на опохмелку.

- Мария! - резко развернулся он ко мне. - Как ты себя чувствуешь?

Я показала глазами на любопытствующего ребенка.

- Кара, - вспомнил о своем отцовском долге мужчина, - тебе нельзя здесь находиться. Мария сильно болеет...

- Чем, папа? - озаботилась девочка.

- Э-э-э... - замялся папа, не зная, как правильно обозвать мой недуг. Я бы предложила раздвоение личности и углубленный аутизм. Но решила не загружать присутствующих умными словами.

- Жизнью, - пришла я на помощь мямлевшему Диего.

- Ой! - заволновался ребенок, прижимая к груди ручки с розовыми ноготками. - А это лечится? Я могу градусник поставить или горчичник.

- Не думаю, - засомневалась я. - Но все равно спасибо. Градусник вставь папе, а горчичник я ему сама кое-куда наклею, когда встану. Много горчичников. Очень много!

- Папа не болеет, - не согласилась Кара, расправляя пышные оборки розового платья.

- Болеет, - попыталась усмехнуться я. - Только он об этом еще не догадывается.

- Кара, дорогая, - вмешался в женскую беседу Диего. - Тебе пора идти к няне. Марсела тебя уже наверняка потеряла.

- Нет, - упрямо мотнула локонами девчушка. - Ей сейчас некогда. Она восстанавливает мою комнату вместе с Паоло.

- Что ты сделала на этот раз? - тяжело вздохнул мужчина, трагически поднимая брови домиком. - Рисовала на стенах? Строила баррикады? Натирала полы скипидаром? Делала выкройки из шторм?

- Это уже было, - надула пухлые губки не по годам развитая малышка. - Сегодня я училась владеть твоей стихией!

- И как? - простонал несчастный отец, пока я внутренне хихикала.

- Получилось! - гордо ответила Кара. - Только...

- Что только?... - Судя по голосу, Диего приготовился к самому худшему.

- Только я немного утопила свою комнату, - потупилась девочка, ковыряя пол носком белой лаковой туфельки. - Немного. Всего-то по потолок...

- Мне нужно еще о чем-то знать? - полупшепотом простонал отец.

- Ну-у-у... - замялась девочка. - Еще и твою... и Паоло... и Марселы... и кухню...

Мое настроение улучшалось прямо посекундно. С каждым словом ребенка. Просто бальзам на измученную ледяной водой душу!

- Я не буду тебя ругать, - плюхнулся в кресло Диего. - Но скажи, как тебе это удалось?

- Да все элементарно! - повеселела Кара. - Я просто начала тренироваться в комнате Паоло, потом перешла к Марселе...

- Стоп! - остановил дочь мужчина, делая трагическое лицо. - Последовательность не важна. Меня больше интересует, чем ты это делала?

- Шлангом, - изумилась девочка. - Только у тебя я уже использовала насос.

- Зачем? - обхватил черноволосую голову руками Диего. - Зачем ты взяла насос?

- Вообще-то два насоса, - призналась Кара, смущаясь. - Просто во дворе лежало два шланга для полива, и я решила - зачем им просто лежать? А для двух шлангов нужно два насоса...

- Я понял! - перебил ее мужчина, приподнимая голову. - А теперь иди к себе... Ах да, идти тебе некуда. Тогда ко мне...

- Папа... - начала напоминать забывчивому родителю Кара.

- И ко мне некуда, - немедленно согласился Диего. - Тогда иди... в сад! Там можно пользоваться всеми насосами!

- Иди, дорогая, - поддержала его я, старательно пряча улыбку. - Мужчины всегда всех посылают в сад, а потом нас там настойчиво ищут. Игра называется «ухаживание». Кто поймал, тому и дети.

- Не слушай тетю, - нахмурился мужчина. - Она сейчас не в себе после болезни.

- Скорее в себе, - поправила его я. - Но очень глубоко.

- Кара! - привлек внимание дочери мужчина. Ласково подтолкнул милейшее создание к выходу. - Иди поиграй с дельфинами.

- Папа, - укоряюще сказала девочка, - разве ты забыл, что в связи с военным положением ты отослал дельфинов и притащил акул?

- Забыл, - тряхнул буйной шевелюрой Диего. - С такими дамами, как вы, - энергичный кивок в мою сторону, - и себя забудешь!

- Тебе, пап, для хорошей памяти и крепкого здоровья нужно пить рыбий жир, - посоветовала Кара. - Хочешь, выдавлю?

Диего поперхнулся. Я могла только хихикать.

- Да что за ерш такой! - раздалось в коридоре вместе с сильным шумом.

Диего поднял голову и с тоской уставился на дверь.

Створка распахнулась. На меня пулей взлетел Дарси. Кот потоптался на моих костях, потерял лобастой головой, где смог, и плюхнулся на все чакры разом.

- Чудовище, - нежно сказала я животному. - Все что не растопчу - поразмазываю?

- Ур-р-р! - запел свою песенку Дарси, щуря хитрющие глаза. Вот маленький бомбовоз! Раскормила на свою голову.

- Можно я его поглажу? - радостно захлопала в ладоши Кара.

- Это ты у него спроси. - Я пыталась одновременно дышать и говорить. Получалось не очень. - Он создание гордое и независимое, со своим личным, особым мнением.

- А как его зовут? - приблизилась девочка, с невероятно счастливым выражением красивого личика разглядывая кота.

- Этого монстра зовут Дарси, - ответил Диего, все еще прислушиваясь к шуму, но на помощь не торопился.

- Дарси, - прошептал ребенок, умоляюще складывая ладошки, - можно тебя погладить?

Кот немного поломался, но потом подставил голову под ласки и заурчал еще сильнее, выпуская когти.

- Дарси, - закричала я, - еще чуть-чуть - и ты доковыряешься до магмы. Диего тебе этого не простит. У него свои представления о моей диете.

- Ты не... - начал мужчина.

Но тут в комнату ввалилась Натка, таща за собой акулу за хвост.

- Всем здравствуйте! - поприветствовала нас хранительница. - Чего у вас рыба без присмотра плавает?

- Ой! - воскликнула Кара. - Вы, пожалуйста, не обижайте Немо. А то мне не с кем будет играть!

- Акулы детям не игрушка! - авторитетно заявила Натка, усиленно затаскивая рыбью тушу обратно за дверь и одновременно долбая несчастную акулу крепким кулачком по башке, чтобы та пасть не разевала. - Из них отличная пирушка!

- Папа! - надулась девочка. - Пожалуйста, попроси тетю отпустить Немо. Он так прикольно плавает животом вверх!

- Акулы так не умеют, - поправил ее отец. - Это несвойственно их природе.

- А его природе свойственно! - топнула ножкой девочка. - Когда я бросаю в воду те шарики из твоего сейфа...

Диего снова вцепился в волосы и протяжно застонал.

- ...то он высоко подпрыгивает, потом плюхается в воду и плавает пузиком вверх! - закончила объяснение Кара.

- Шарики? - нахмурилась Натка. - Зачем ты держишь в сейфе нафталин? Ты думаешь, у тебя там моль? Спешу тебя огорчить...

- Не спеши, - остановил ее мужчина. Пояснил: - Это концентрированная энергия водных.

Натка застряла в дверях, хмыкнула, сострадательно посмотрела на акулу и заявила:

- В таком случае гуманнее будет прирезать.

Акула согласилась.

Натка внимательно посмотрела на рыбину, словно прикидывая, как ее можно использовать. Потом повернулась к Диего и поинтересовалась:

- Это все потом. Где Мария?

- Дарси, - позвал мужчина, - слезь, пожалуйста. Натка из-за тебя Марию не видит.

Хранительница насупилась, твердым шагом подошла к моей комфортной дыбе и заглянула под кота.

Я честно попыталась улыбнуться. Ощущение было такое, что лицо стеклянное и от выдавливаемых улыбок вот-вот разлетится на осколки.

В глазах женщины поэтапно отобразились недоумение, ужас и злость.

Она снова повернулась к Диего и зарычала:

- Ты хочешь сказать, что вот ЭТО моя девочка?

- Про девочку не скажу, - с прохладцей ответил водный. - Дело спорное. Но это точно Мария.

- Серьезно?! - прибавила громкости хранительница. - Тогда каким образом моя золотая девочка трансформировалась в эту непонятную мумию?

- Не кричи так, - попросил Диего, держась за виски, словно его мучила головная боль. - Я все могу объяснить...

Натка бросила на него уничтожающий взгляд, скинула рюкзак, бывший до того у нее за плечами, и начала в нем копать.

- Что ты ищешь? - насторожился мужчина. - Марии сейчас ничего нельзя...

- Это тебе нельзя... Ребенок, закрой уши... Кролик-стахановец! - бросила Натка, доставая миниатюрную косу.

Хранительница на что-то нажала, и миниатюрная игрушка трансформировалась в инструмент для косьбы нормального размера. Натка с удовлетворением на него посмотрела и вложила косу мне в руку.

- Подержи, дорогая. - Женщина нежно погладила мой лоб. - Натка тебя поднимет на ноги, когда вырвет ноги у...

- Ребенок, - прошептала я, чувствуя, как по щекам текут непрошенные слезы, - не ругайся.

- Я слегка, - пообещала хранительница. - Сейчас выдам ему по самые уши и больше не буду.

- Зачем Марии коса? - удивился Диего, подходя поближе и отодвигая дочку от акулы. Акуле, впрочем, было уже до того потолка, который не затопило.

- Для антуража! - рыкнула на него Натка. - Без нее синюшный бройлер, а с ней интересная бледность. К тому же предмет полезный в хозяйстве. И для твоего хозяйства, - она выразительно показала глазами, какого именно, - тоже.

- Ты ничего не понимаешь! - взорвался Диего, но на всякий случай отошел подальше. С надрывом - У нее внутри ифрит!

- И что? - удивилась хранительница, доставая из бездонного рюкзака большую шоколадку и протягивая Каре. - У кого-то глисты, у нее ифрит... - Коротко: - Выведем.

- Спасибо, тетя! - обрадовалась девочка. Великодушно разрешила: - Немо можете оставить себе.

- Благодарю, добрый ребенок, - улыбнулась женщина. - Мне как раз нужна цепная акула.

- Только на папу не натравливайте, - посоветовала Кара. - У него от этого настроение портится, и он устраивает шторм.

- Не переживай, маленькая, - Натка погладила ребенка по локонам, - я прекрасно справляюсь со штормом штурмом со штопором. Это мой коронный трюк.

- Покажете? - загорелась девочка, бережно пряча лакомство в карманчик. Пояснила: - Марсела не разрешает мне есть сладкое перед обедом.

- Марселу нужно слушаться, - кивнула Натка. Посмотрела на замершего истуканом Диего и повторила: - И что, что у нее внутри ифрит?

- Он там лишний, - попробовал кратко объяснить мужчина.

- Диего, - укоризненно сказала хранительница, - у тебя тоже много чего внутри лишнего, но ты же не выглядишь как сушеный гриб!

- Лишнего у меня нет! - оскорбился водный.

- Поищем? - обманчиво ласково предложила Натка. С нажимом: - Что найду, то мое.

- Нет, - не согласился объект преследования... извините, исследования. - Это сейчас ни к чему.

- Да я найду к чему приделаться, - посулила женщина. - Нам бы только скальпель в руки - посмотреть на кобеля!

- Грубиянка! - парировал Диего.

- Плевок Севильи! - не осталась в долгу Натка.

- Здесь ребенок, - просипела я из-под Дарси.

- Да все нормально, - погладила меня по руке девочка. - Папа иногда гораздо хуже слова употребляет. Правда, потом поясняет, что они иностранные. Но на нашем языке они почему-то обозначают части тела...

- Кара! - возвысил голос отец. - Тебе пора обедать!

- И то, - оживилась Натка. - Всем пора! Мария, я скоро вернусь!

Хранительница закинула свой рюкзак на плечо, в одну руку взяла акулий хвост, другую протянула Каре:

- Пойдем, дорогая. Будем наводить свои порядки!

- С шумом? - обрадовалась девочка, доверчиво вкладывая свою ладошку.

- Конечно, - пообещала хранительница. Многозначительно: - Для того чтобы построить что-то новое, нужно разрушить старое. Иначе это старое будет портить тебе нервы всю оставшуюся ему жизнь.

И под это объяснение они вышли из комнаты. Акула утащилась последней.

Диего захлопнул дверь, вернулся ко мне и присел на краешек рамы.

- Здравствуй, Мария, - улыбнулся он мне знакомой и родной улыбкой.

- Зачем ты это делаешь? - холодно поинтересовалась я. - Зачем тебе это? Зачем меня мучить? Лучше отдай Совету, тебе еще и спасибо скажут, а за ликвидацию выдадут премию. Чистый прагматизм.

- Потому что я тебя люблю, - просто ответил мужчина. В аквамариновых глазах плескался океан.

- Понятно, - прошептала я, устало прикрывая веки. С глухой тоской: - Значит, умирать я буду долго...

Глава 26

О сколько нам подлянок трудных Готовит разум беспробудный...

В заброшенной туземной деревне, построенной над морем на высоких сваях, в одной из расположенных в центре хижин собралось около десятка возбужденных элементарей. До сих пор Диего никогда не пользовался правом ликвидатора созвать членов Совета или прочих элементарей.

Мадхукар, как всегда наиболее просвещенный по поводу повестки дня (экстрасенс-воздушный, что с него взять, неизменно в курсе интересных событий!), лишь загадочно улыбался, изображая просветленного Будду.

Остальных пригнало любопытство. Даже Эйден прибыл и теперь сгорал от любопытства, потому что видел накануне: всеобщее пугало, ручной зверь Совета, проверенный и обычно надежный водный не в себе. Наконец, когда все приглашенные прибыли, в хижину последним просочился из пола Диего.

Подобный фокус могли проделывать со своей стихией только самые сильные, единицы, нашедшие способ не терять себя в стихии. И то, что Диего продемонстрировал свои возможности открыто, можно было трактовать двояко: водный или перестал скрывать уровень силы, или решил кое-кому кое о чем напомнить.

А точнее, главе Совета, что тот слегка, можно сказать – самую малость, – засиделся на своем посту. Должность главы занимал самый сильный в своей стихии. По изначальному замыслу они должны были чередоваться каждые пять лет, но как-то так получилось, что трон Совета Стихий ненавязчиво узурпировал Эйден, как наиболее сильный огненный, а остальные были просто не в силах послать ему вызов. Теперь Диего явно указал на то, что, возможно, это утверждение не очевидно.

Несколько озадаченные происходящим элементарии ждали продолжения скандала. И дождались. Когда приглашенные духи моря накрыли богатый стол и покинули гостей, Диего обратился к присутствующим:

– Здравствуйте. Заранее прошу прощения за причиненное беспокойство, но я созвал вас не ради своей прихоти.

– Да-да, – рассеянно отозвался Эйден, думая совсем о другом. – Тебя и еще трех элементарей беспокоит состояние этой девочки... как ее... Марии. Согласен, милая девочка, чистая. Даже для рожденных огненных довольно редкое качество. А уж для сотворенных – вообще уникальный случай, согласен.

Все покивали.

– Но я должен тебя огорчить, – обратился Эйден к Диего. – С тех пор как она подцепила сущность могущественного ифрита, у нашей милой девушки один путь – в перерождение. И как бы мне ни было ее жаль, другого способа разрешить проблему я не вижу. Мне искренне жаль...

Диего заскрипел зубами. Он ненавидел лицемерие во всех его проявлениях.

– Так ты поэтому приготовил для девочки трех маньяков подряд? Углядел ифрита и решил закрыть вопрос? Чтобы материал зазя не терять – еще неизвестно, какого нового палача найдут? – напрямую спросил он огненного.

Тот пожал плечами:

– Можно и так сказать... Ифрита такой мощи ей Рамон подсуропил... с ним не справился бы даже я. Куда уж сотворенной...

– Ты же знал, знал, что остальные пойдут довеском к ифриту, не мог не знать! – яростно дожимал Эйдена водный. – Зачем же?..

– Знал, – не стал отпираться глава Совета. – Я уже сказал тебе: как только в нее вселился ифрит – считаю, ее жизнь кончена. Второй раз. Это и комару понятно. С этой сущностью

не справишься даже ты. Уж больно в нем намешано кровей. По-моему, и демоническое туда приклеилось. То ли инкуб вмешался, то ли суккуб... Не зря дух пустыни именно девушек продавал, он их похотью позже питался... я так думаю.

Диего укоризненно покачал головой:

- И ты все это знал и спокойно отправил девчонку на смерть вместо того, чтобы собрать полную руку стихий?!

- Ну, это же не особенный случай... - пошел на попятную Эйден. - Она всего лишь бывший человек, перерожденная. Не одна, так другая... ничего особенного...

Мадхукар, услышав речь главы, брезгливо поджал губы и отодвинулся. Часть гостей к речи своего главы отнеслись индифферентно, а остальные - весьма неблагосклонно. Среди последних были воздушница Лёна и земляная Лана.

Дамы буквально кипели гневом, до такой степени, что у них вырывались исключительно междометия:

- Да ты!..

- Ах, гад!..

Спустя пару минут они обязательно бы выдали некошерному поведению своего главы полную характеристику, но начавшийся гвалт пресек Диего:

- ТИХ-ХА! Тихо, я сказал!

Гости замолкли.

Единственный в их компании водный взял себя в руки и произнес с расстановкой:

- Значит, так! Или мы все вместе ищем пути решения этой проблемы и я веду себя тихо-мирно и, никого не беспокоя, занимаюсь морским сельским хозяйством. Или... - Он выразительно посмотрел на Эйдена. - Я занимаюсь другим хозяйством. И если я кем займусь, то спрятаться в бункере не выйдет и засада в танке точно не поможет - танк утонет!

- Но... - попробовал вклиниться самый сильный огненный.

- «Но» было еще тогда, до ифрита... - отрезал Диего. - Теперь начинается «А»! Если вы мне совместно не поможете избавить Марию от ифрита, то... Для начала Совет сменит главу, и это не обсуждается...

Эйден сделал движение рукой и побледнел. Что-то у него с огненной стихией не получилось. Впервые за тысячи лет.

Диего продолжал рисовать картины ненастного будущего:

- А следом я вам устрою одну большую Японию в момент цунами. Причем цунами будет везде, где есть хоть ведро воды! ДАЖЕ В ПУСТЫНЕ! - Он ласково ощерился равнодушным огненному и воздушнику. - Любите соленую водичку?..

Такую воду любили только избранные. И уж никак не в пустыне.

- Что вы на меня все смотрите?! - взорвался Мадхукар, превращаясь в сильно помолодевшую ипостась и нервно вращая хвостом. - Я ему мешать не стану! Наоборот, еще сам помогу в кое-чьих владениях! - Он указал пальцем на Эйдена. - Вы от меня и на острове не спрячетесь, такую девочку загубили! Хотя... - Человек-обезьяна внезапно задумался. - Пока не загубили. Есть один способ... непроверенный, правда... но исключительно сильный.

- Какой? - К индийцу подскочила тройца обнадеженных стихиаблей - Лана, Диего и Лёна.

- Ну-у... - задумчиво сказал единственный в своем роде летающий огненно-воздушный, рассеянно потирая переносицу. Сообщил: - Ее можно спасти, если сделать универсалом. Тогда даже ифриту ее не переломить.

Компания дружно отпрянула. Лана возмущенно протянула:

– Издеваешься?!!

– Нет, – мягко отозвался Мадхукар, и все как-то сразу поверили, что действительно нет, не издевается. – Ей всего-то нужно получить частицы добровольно отданной мощи всех стихий в присутствии трансформатора сил.

– Нет, ты точно измываешься над нами! – прошипел Диего, а Эйден разочарованно хмыкнул. – Да легче в огненном воду поселить, а в водном зажечь огонь, чем найти это самое мифическое существо! – С рубящим взмахом руки: – Оно не существует!!! Его нет в природе!

– Ну почему же – нет, – вальяжно отвечивал Мадхукар, снова становясь моложе и возвращая обезьянью голову и хвост. – Очень даже есть. Мало того, оно уже пару лет тихонько существует рядом с вами, и вы его... – Обвел лукавым взглядом знакомых Марии. – Прекрасно знаете.

– Но... – Диего был вне себя от изумления.

Мадхукар, тонко улыбаясь, продолжал:

– Эти тварюшки в общем-то неразумны. Очень любят чистоту души, отображенную в стихии. Чем больше фонтанирует стихияль, тем для трансформера заманчивей кусок.

– Где?!! – Как одна, рывкнула дюжина глоток.

– Так вам все и скажи, – весело прищурился обезьян. Намекнул: – Ищите получше, он совсем близко. – И вышел сквозь дверь хижины.

Когда остальные стихияли выскочили наружу, на дощатые помосты, то увидели, как Мадхукар быстро от них удаляется, заложив руки за спину и переступая с облака на облако, словно конькобежец на коньках.

После этого показательного выступления растерянное собрание покинуло приморскую деревню. Всем было над чем поразмыслить.

В числе последних были озадаченный Эйден и Диего с фанатично горящими глазами.

– Если надо будет, огнем я поделюсь... – неожиданно произнес Эйден, отчего Диего удивленно вскинулся. Что-то резкое рванулось с языка, но водный прикусил губу и впервые за целый вечер смолчал. Встал на грудь своей гордости и придавил горло каблук ради Марии.

Поразмыслив, испанец негромко сказал:

– Хорошо, будешь нужен – позову. – И, словно для себя, прошептал совсем тихо: – Хотя вряд ли. Пока она сплошной огонь, куда еще больше...

– Сколько вышло? – негромко спросил глава.

– Три, – мрачно отозвался Диего, прекрасно понимая, о ком речь.

– ЗА ВСЕ ВРЕМЯ? – поразился Эйден. – У ТЕБЯ? – Подавленно: – Да... Теперь я понимаю... – И, больше не говоря ни слова, телепортировался из селения на воде.

– Но трех из четырех оставшихся она вытурила сама, – задумчиво произнес Диего вслед главе Совета, хотя его уже никто не слышал.

Я второй час грызла веревку на правом запястье под звонкий голосок Кары. Не то чтобы у меня не хватало зубов. Просто я постоянно прерывалась сначала на безмолвный хохот, а потом на то, чтобы отдышаться от этого хохота.

В результате работа по освобождению продвигалась крайне медленно, хотя и вполне продуктивно.

Началось все с того, что я лежала, разглядывала высокий, идеально белый потолок и раздумывала: так скончаться от пролежней или чуть-чуть помучить окружающих?

По зрелом раздумье решила – ничего в жизни не дается легко. Пусть всем об этом тоже станет известно.

После вдумчиво изучила путы на запястьях. Хорошая такая веревочка. Толстая, пеньковая и, блин, зачарованная от огня.

Ну... можно, конечно, предусмотреть все... кроме сумасшествия. Вот его я и буду использовать!

Только я открыла рот, чтобы попробовать оковы на вкус, как в дверь просочилась Кара, на этот раз в белом платье с голубыми кружевными оборками и с книжкой в руке.

– Привет! – прохрипела я, сделав вид, что у меня внезапно зачесались зубы. – Как дела?

– Плохо, – вздохнула девочка, бесстрашно присаживаясь на край рамы. – Папа куда-то ушел строить всех для удобной позы...

– Э-мм, – удивилась я обширному лексикону Диего.

– Это он так тете Натке сказал, – пояснила Кара, болтая ножками в белых туфельках. – Пойду, говорит, поставлю свои условия, а если не согласятся, то поставлю их в удобную позу. Пусть, сказал, вазелином запасаются.

– Кха-кха, – закашлялась я от неожиданности.

– Ты простудилась? – обеспокоилась девочка. Поковырялась в карманах и вытащила мятный леденец и банку с вазелином.

– Это зачем? – удивилась я, показывая на пластик.

– Вдруг у дядь своего не будет, – простодушно ответил ребенок, разворачивая конфету и запихивая мне в рот. – Так я им подарю.

– Добрая девочка, – заметила я, хрустя леденцом. – Только ты не дядям подари, им и без него будет хорошо. Ты папе отдай. Ему будет нужнее.

– Думаешь? – Кара поставила вазелин на столик рядом. – Ладно, папа важнее всех дядь!

– Умница! – похвалила я ее, одновременно крутя запястьем и расширяя веревку. – А остальные?

– Остальные тоже заняты, – печально сказал ребенок, водя пальчиком по обложке книги. – Тетя Натка показывает Марселе дальний путь, куда все ходят только пешком. А Паоло пытается сходить туда первым, потому что беспокоится за Марселу.

– Какая у них насыщенная жизнь! – позавидовала я. Попросила: – Можешь меня развязать? Пожалуйста!

– Не могу, – покачала голубым бантом в волосах девочка. – Папа сказал, что если кто-то дотронется до тебя или веревок, то он лично сделает с ним странную гимнастику для животных.

Я недоуменно заморгала. Побыла немного в шоке. Мне там не понравилось, и я вернулась обратно.

– Папе точно понадобится вазелин, – констатировала я. – Не убирай далеко.

– Но папа ничего не говорил про то, что ты можешь освободиться сама, – наивно хлопнула пушистыми ресницами Кара. – Такой вариант он не предусмотрел.

– Да я как бы тоже, – призналась я, с тоской косясь на веревки. – Твой папа такой щедрый... на вазелин. Веревок намотал от души. Мне хватит на завтрак, обед и ужин.

– Тогда чего ты ждешь? – поинтересовалась девочка, открывая книгу. – Папа говорит:

раньше начнешь – раньше получишь удовольствие. А я тебе пока книжку почитаю.

– Твой папа слишком разговорчивый, – пробормотала я, приглядываясь к путам – с какой стороны начать жевать. Оказалось, без разницы. С любой стороны одинаково противно. – Ты умеешь читать?

– Нет, – хихикнула Кара. – Но я очень хорошо пересказываю картинки.

Ребенок поднял книжку и показал мне обложку.

– Смотри! В книге написано о куче неумных людей, вцепившихся в ботву, когда рядом куча плодовых деревьев.

Я подавилась веревкой.

– Кха-кая... оригинальная трактовка сказки «Репка». – Вцепилась в путы и начала остервенело мусолить.

– И поскольку аграрий был слишком пожилой для Интернета, – продолжила умненькая Кара, – то не знал, что не надо пихать в землю столько удобрений и пестицидов...

У меня началась внутренняя икота от смеха. Теперь веревку я грызла с перерывами.

– В результате его отвратительной деятельности, – на полном серьезе рассказывала мне девочка, – вырос какой-то мутант величиной с одноэтажный дом. Кстати, выглядел этот овощ тоже по-мутантски!

– Почему? – выплюнула я волокна, чтобы не подавиться.

– Потому что тут репка розовая в желтую пятнышку, – показала мне картинку Кара. – Ни разу не видела такой. Я даже Марселу попросила через Интернет проверить. – Возмущенно колыхнула кудряшками. – Такого сорта – нет!

– Может быть, продвинутый дед-агроном новый сорт вывел? – подала я идею, одновременно раздумывая, чьи бы челюсти приспособить вместо моих. Или где взять бензопилу.

– Нет, – категорично отвергла мою идею девочка. – Тогда бы он изобрел трактор и не пахал бы папой Карло на плантации!

– Это тоже папа сказал? – полюбопытствовала я.

– Ну да, – кивнула девочка. – Все умные мысли только от него.

– И остальные тоже! – согласилась я, намереваясь в подробностях высказать Диего о его талантах воспитателя.

Мы продолжили: я – жевать, она – рассказывать.

– Дедушка все же сообразил, что его эксперимент вышел за рамки разумного, – уткнулась в книгу девочка. – И позвал на помощь бабушку. – Девочка возвела очи горе и заявила, скорей всего, подражая Марселе: – Вот так всегда! Сначала напакостят, а убирать зовут женщин!

– И жевать тоже, – поддакнула я, улыбаясь.

– И когда бабушка пришла и напилась валерьянки вместе с корвалолом... – углубилась в детали Кара, покачивая ножкой.

Я обалдела настолько, что даже веревки грызть перестала, слушая маленький образец недетской рассудительности. Было ужасно интересно, что же будет дальше.

– ...и дала дедушке по лысине поленом, – продолжила мелкая.

У меня началось спирание дыхания.

– Вон оно, в ботве валяется, – резонно заметила малышка. – А лысина у дедушки

красная...

- Вообще-то драться - нехорошо, - наставительно пробормотала я, с новыми силами вгрызаясь в оковы.

- И это мне говорит огненный палач! - закатила глаза малышка.

Я вообще с помоста чуть не рухнула. Если б не привязали - точно бы рухнула!

- Кто тебе такое сказал?! - подскочила я теми местами, которые не были привязаны. - Папа?

- Не-а, - ухмыльнулась девочка. - Папа сказал, что он за тебя динозавра на пупсиков порвет. А тетя Натка порадовалась за динозавра, получившего вторую жизнь, и предостерегла папу от потери головы в результате каких-то игрищ с разъяренным палачом.

- А почему ты решила, что это я? - спросила я, когда смогла членораздельно говорить.

- А папа соглашается играть только со мной, - бесхитростно ответила девочка. - И с тобой. Но я точно знаю, что я не палач!

- Карочка, - ласково сказала я, заглядывая малышке в лицо, - папе не хватит этой банки вазелина! Точно-точно!

- У меня еще крем есть от зуда. - Девочка вытащила из другого кармашка тюбик и положила рядом с банкой. - Подойдет?

- Ну, если ничего другого нет, - хмыкнула я, возвращаясь к прерванному занятию с новыми силами и огромным запалом.

- Есть, - откликнулся отзывчивый ребенок. - Перекись, марганцовка и спирт.

- Спирт папе не давай, - предостерегла я ее. - Иначе все вышеперечисленное не подействует!

- Хорошо, - покладисто согласилась Кара. - Все равно его уже выпил Паоло, когда собирался в разведку вместо Марселы.

- И как ты собиралась в таком случае отдать спирт папе? - любопытствовала у нее, сраженная детской логикой.

- Вместе с Паоло? - наивно спросила девочка. - Или это не считается?

- Смотря что считать приоритетным, - укусила я веревку, стараясь не ржать в голос. - Спирт или Паоло.

- Давай дальше почитаем, - поерзала на раме девочка. - Смотри. Бабушка, вмазав дедушке, прикинула, что в хозяйстве все сгодится, и заставила тащить этого мутанта домой.

- Для чего? - потерялась я.

- Не знаю, - пожалала хрупкими плечиками девочка. - Может, у бабушки камень для гнета, чтоб капусту квашеную делать или оливки мариновать, украли. Или дедушку в погребе нечем придавить.

- Добрая девочка, - ржала я в веревки.

- В общем, когда бабушка поняла, что дедушка плохо ел и у него нет сил, - продолжила Кара, - то рассердилась и дала ему по лысине вторым поленом, которое сейчас валяется за репкой. И стала ему рассказывать, что он ни на что в хозяйстве не годен как мужчина. - Ребенок показал мне, уже воющей от смеха, картинку. - Видишь, она ему в штаны тыкает?

- Вижу-у-у, - рыдала я, поливая веревки слезами.

- Дальше бабушка взяла дедушку в свои руки и приспособила того к делу, - перешел ребенок к следующей картинке. - Но у них ничего не получилось. Потому что поленом нужно бить после, а не до!

- Это кто сказал? - провыла я, задыхаясь от ржача.

- Тетя Натка Марселе, - сообщила мне Кара. - Когда та стукнула Паоло сковородкой по голове. Потому что он выпил спирт и не пришел ремонтировать ее комнату в час ночи...

- У-у-у, - выла я, подергиваясь.

- Так, может быть, Паоло был занят, - защитила мужчину девочка. - Он у Люции кровать ремонтировал. Она у нее так сильно скрипела, что мешала Паоло спать. Хотя... очень странно. У них комнаты в разных концах дома...

- Он - принц со скрипом, - умирала я в корчах от хохота. - Все поломки определяет по звуку.

- А-а-а, - протянул ребенок. - Надо ему беруши подарить.

- Лучше каску, - выдавила я между приступами смеха. - Или сразу скафандр.

- А как он в скафандре будет чинить Амалии кухонный стол? - не поняла девочка. - У нее он почему-то всегда ломается под утро. Правда, в последний раз ей помогала его сломать Марсела. Она так распереживалась из-за этого, что бегала за Амалией с ножкой от стола и пыталась ее отдать. Но почему-то всегда попадала в голову, а не в руки. Наверное, тяжело сосредоточиться на бегу?

- Наверное, - выла я, уже истерически икая и полностью забыв про веревки. Задала важный вопрос: - А папа тоже что-то чинит?

- Не-э-э, - покачала локонами девочка. - Он не умеет. И так стыдится этого, что всегда закрывается в своей комнате на ключ, когда за ним приходят ночью, чтобы что-то починить.

- У-у-гу, - выразила я восхищение разумной предусмотрительностью Диего, катаясь по своему ложу. - А-ха-ха-а!

- Хорошо, - поняла меня Кара. - Буду рассказывать сказку дальше. Бабушка не нашла больше способов убеждения дедушки и позвала на помощь внучку. - Тут девочка оторвалась от картинки и задумалась: - Никак не пойму, как такая маленькая девочка может им помочь вытащить того монстра, которого они вскормили на плодородной почве? Если только кричать: «Раз-два, дернем! Три-четыре, если закопает, выроем обратно!»

- Это папа говорит? - сумела я все-таки спросить между икотой и судорогами.

- Не-а, - тряхнула кудряшками девочка. - Это Педро орет в саду, когда наблюдает, как Паоло прокладывает для Марселы новые дорожки, а та не хочет ему уступить.

- Я-а-а-асно, - выговорила я с четвертой попытки. - Расскажи мне лучше сказку, дорогая.

- Так вот, - уткнулась в книжку девочка. - Внучка не была потомком Терминатора и ничем, кроме дельного совета - «бросить эту дрянь, сама сгниет» - помочь не могла...

- Что здесь происходит? - В комнату стремительно ворвался Диего.

Догадываюсь, какое зрелище я собой представляла: красная, встрепанная, в слезах, бьющаяся в корчах и икающая.

- Тебе плохо? - озаботился мужчина, склоняясь надо мной.

- Мне хо-хо-хо-хорошо, - ржала я. - Я поняла, что детскими сказками можно убить! Испробовано на себе-бе-бе...

- Кара, - обратился к дочери встревоженный Диего, - что ты ей дала?

- Ничего, папа, - возмущенно ответила девочка, выпячивая нижнюю губу. - Кроме пищи для мозгов! - И потрясла книжкой.

- «Репка»? - углядел на обложке название Диего. - Теперь от этого плющит?

- А-а-а! - надрывалась я.

- Папа, ты ничего не понимаешь! - обиженно сунула книжку под мышку девочка, поцеловала меня в щеку и направилась у двери. У порога повернулась и сказала, обращаясь ко мне: - Я потом вернусь и расскажу тебе, почему мышка подержалась за кошку... с моей точки зрения!

- А-а-ау-у! - откликнулась я согласием.

- Мария! - потряс меня Диего. - Успокойся! - Тут его взгляд упал на измочаленные веревки. - Это что такое?

- Вербки, - заикала я.

- Вижу, - проинформировал мужчину. - Почему они в таком виде? Тебя кто-то развязывал?

- После твоей угрозы сделать неприличную зарядку, - хмыкнула я, - желающих не нашлось. Хотя очень странно. Судя по тому, как в вашем доме все ломается по ночам и как необходима женскому населению твоя мужская сила.

- Рад, что тебе весело, - заметил Диего, перевязывая путы наново.

- Нет, сладкий мой, - показала я зубы. - Весело будет тебе, когда я дотянусь до вазелина!

- Ты должна мне верить, - не отреагировал на мое обещание Диего, накрывая меня сползшим одеялом.

- Ты тоже, - кивнула я в сторону баночки и тюбика.

- Это для твоей же пользы! - повысил голос мужчина, смахивая крем со столика.

- Мяу-у-у! - В комнату ворвался Дарси и, вскочив на меня, выгнулся дугой. - Фр-р-р!

- Вот что об этом думают честные коты, - заметила я, успокаиваясь и закрывая глаза. Все силы ушли на хохот.

- Завтра будем пробовать изгнать ифрита, - тихо сказал Диего.

- Да? - приоткрыла я один глаз. - Никак завтра я избавлюсь не только от него, но и от тебя? Приятное известие.

- Почему ты мне не веришь? - нахмурился мужчина, сверкнув аквамариновыми очами.

- Потому что когда любишь, - шепнула я, - отпускаешь. А ты тянешь к себе и мучаешь.

- Я надеюсь, - еще тише сказал Диего.

- Прекрасно, - со вздохом сомкнула я веки. - А вот надеюсь ли я?

Глава 27

Разъединение внутри меня.

Наедине теперь я... и снова я.

– Мария, открой глаза! – тряс меня этот... который ничего делать не умеет. Нормально.

Я пребывала в состоянии глубокого, почти летаргического сна, и разбудить меня было просто нереально, легче лох-несское чудовище на поверхность загнать.

– Отстань, зачаток человечества, – сонно пробормотала я. – Все у тебя с выкрутасами!

– Где? – опешил Диего.

– Руки мне выкрутил? – процедила я сквозь зубы. – Выкрутил. Значит, с выкрутасами.

– Прекращай зубоскалить, – попробовал приказать мне водный.

Угу, уже бегу и спотыкаюсь!

Пошевелила привязанными ногами. Бежать не получится. То есть напрягаться не будем.

– Не могу, – зевнула я, все еще не открывая глаз. – Это все, чем я могу двигать. – И опять впала в кататонию.

Но поспать в тот день мне было просто не суждено.

– Будь серьезной! – повысил голос мужчина. – Нам нужно поговорить!

– Серьезно?! – приоткрыла я один глаз. – После всего, что между нами было, ты хочешь поговорить?

– Ну да, – не понял моего тонкого намека на толстые обстоятельства Диего. – А что?

– Ничего, – вздохнула я. – Говорить нам уже не о чем! Требую свободы души и отдохновения тела! – Категорично: – Без тебя!

– Скоро все соберутся, – не обратил внимания на мой выпад мужчина, расхаживая по комнате.

– На поминки? – обрадовалась я.

– Для ритуала освобождения!!! – почему-то заорал Диего.

– В смысле ты меня уже сам замочить не можешь? – обиженно опешила я. – Силенок маловато и позвал всех на помощь? Или призвал как свидетелей? Так я вроде никуда не убегаю. Лежу себе, медитирую о вечности... – И закрыла глаза, опять засыпая. Утренний сон всегда самый сладкий.

– Замолчи! – выверился он на меня. – Как ты смеешь так говорить о себе, а?

Я молчала, потому что мирно спала и никого не трогала.

– Я тебя спрашиваю! – подскочил он ко мне.

Нет, ну неугомонный какой! Сплю я, сплю! Иди к другим приставай!

– Мария!!!

От его воплей сна уже не было ни в одном глазу. Я отвернула от него лицо и задумчиво пожевала веревку.

– Тебе совсем себя не жалко? – Диего оббежал раму и попытался выяснить у меня подробности.

Я проигнорировала и пожевала веревку на другой руке.

- Почему ты молчишь? – проявил завидную логику водяной.

Я лениво подумала: «Что бы еще пожевать?»

Лучше всего получалось жевать его нервы. Я решила не отвлекаться от столь упоительного занятия.

- Неужели в тебе нет ни капли сострадания? – О, мы уже перешли на личности. Причем мне незнакомые!

- Сострадания к кому? – вяло полюбопытствовала я. – Если ко мне, то я отпускаю тебе все грехи, иди с миром! А если не ко мне, то мне на всех плевать, главное, дай выспаться!

Диего точно палач! Сначала будит дикими воплями, потом спать не дает, водой обливает... гнусная личность, однозначно.

- Папа, тетя Натка сказала, – в дверь просунулась головка Кары, – что если ты ее и дальше будешь обливать водой на подходе к Марии, то она за себя не ручается. И будет распускать руки туда, куда ей захочется!

- Доброе утро, малышка! – поздоровалась я.

- Доброе утро, Мария! – обрадовалась девочка. Приложила к губам пальчик: – Меня тут нет. Папа сказал, что если...

- КАРА! – заорал Диего. – У меня сегодня очень важная миссия!

Мы уставились на него в недоумении, переглянувшись.

- ...чтобы я сегодня к тебе не ходила, – громким шепотом сообщила мне девочка. – Потому что у него важная миссия, которую он непременно хочет проводить в твоей комнате. Ты не знаешь, о чем он?

- Догадываюсь, – так же шепотом ответила я, косясь на жутко злого водяного. – Ему нужно прополоскать мозги. И кроме меня, он их никому доверить не может.

- Как вставные зубы? – округлила красивые глазки девочка.

- Угу, – подтвердила я. – Вставные мозги – явление редкое и малоизученное, поэтому хрупкое и ломающееся от небольших усилий...

- Девочки! – заорал Диего, сообразив, что наша беседа ушла от него в другую сторону. – Это серьезно!

- Это печально, папа, – нахмурилась Кара. – Что ты так орешь на своих любимых женщин! В следующий раз я ключ от твоей двери отдам всем, а не только Карлетте!

- КАРА! – У отца малышки пошел пар ушами. Как в сауне.

- Смотри, дорогая, – подмигнула я ей. – Автоматическая мойка мозгов с отпариванием.

- Все вон! – почему-то заблажил мужчина, направляясь к двери.

- Мне тоже уйти? – вставила я свои пять копеек.

- Увидимся! – крикнула Кара, исчезая. – Я передам тете Натке, что ты ее ждешь! Тогда она вплавь с подносом доберется. Только папу очень жалко...

- МАРИЯ! – привлек мое внимание красный от ярости водный. – Ты можешь быть хоть немного серьезной?

- В свой последний день? – подняла я брови. – Ни за что! Умирать надо под аккомпанемент воплей выведенных из себя людей! – Подумала немного и уточнила: – И сущностей!

Диего проскакал галопом по периметру помещения, словно призовой конь на гонках

колесниц в амфитеатре. Пару раз хлопнул дверью. Вылил на себя ведро воды, видимо приготовленной для меня. Еще раз сделал пробежку по кругу. Наконец до чего-то додумался и подошел.

Посмотрел на меня своими аквамариновыми океанами и проникновенно сказал:

– Я тебя люблю.

Я не повелась:

– Поздравляю и сочувствую. Венок можете себе пригрести с моей могилы. Мне не жалко.

Диего не отреагировал на мой выпад и продолжил:

– Ты и Кара – все, что у меня осталось. Поэтому я сделаю абсолютно все, костями лягу, чтобы вытащить из тебя ифрита, даже если после этого ты меня возненавидишь.

– Успокойся, – криво улыбнулась я. – Не возненавижу.

– Правда? – расслабил плечи Диего, присаживаясь рядом.

– Ага, – предельно искренне подтвердила я. – Ненавидеть будет некому. Рошан предупредил: вытащишь его – я сгорю дотла.

– Он просто пугает, – не слишком уверенно сказал Диего.

Я попыталась пожать плечами:

– Вот и проверим.

– Ты... – начал какую-то очень проникновенную фразу мужчина.

– Привет, Мария! – В комнате возникли бодрые эфиры. Сейчас начнутся фейерверки.

– Привет! – с фальшивой бодростью отозвалась я. – Считайте, что я вам помахала ручкой.

– Диего, – надулась Марика, – ты бы ее отвязал, а? Чего она у тебя на колбасу похожа?

– Это не обсуждается! – отрезал мужчина, заботливо прикрывая меня одеялом.

– Отчего-то мне кажется, – заметила Сапфира, – что Мария голая!

– Это не кажется! – мрачно скривилась моя персона и чихнула. – Я – голая!

Девушки прищурились и посмотрели на Диего, что-то себе в уме прикидывая.

– Эй! – вскинул он руки. – Я же не виноват, что она все на себе сжигает! И вообще, в таком виде она мне больше нравится.

Эфиры на меня внимательно посмотрели. Марика тяжело вздохнула, прикладывая ладонь к щеке:

– Вот так и разбился еще один миф о мужчинах...

– Какой? – наивно попался на наживку озабоченный коллективной безопасностью Диего, в сотый раз проверяя мои веревки.

– Я еще не проголодалась, – заверила я его.

– Что мужчины не собаки, – хмыкнула Марика. – Тут же одни кости остались.

– О-о-о! – закатила глаза Сапфира. – Мы будем звать тебя Догелино!

– Заразы! – беззлобно обозвал их мужчина. – Я потом с вами поговорю...

– Не надо, – поежилась Сапфира. – Мне еще рано знать о всяких половых извращениях! Я еще хочу пожить моральной девственницей.

- Всем привет! - С порывом ветра в комнату ворвалась Лёна. Завела по новой: - Почему Мария привязана и голая? Никак не можешь удовлетворить свой вуайеризм, Диего?

- О как! - озадачилась Марика. - Так у него несколько заболеваний, не одно? Прямо ходячий букет...

- Приветствую всех! - К нам на огонек заглянул Эйден. Он был немногословен: - Хорошо выглядишь, Мария.

- Купите ему очки, - пробормотала я. - За мой счет.

- Для твоего состояния - хорошо, - поправился огненный. - Сейчас дождемся Мадхукара, и можно начинать.

- Слушайте, - попыталась я воззвать к коллективному разуму. - Может, не будем проводить эксперименты? Давайте пришьлем меня по-тихому, и все...

По-моему, коллективный разум отупел и оглох.

- Нет! - дружно отвергли мою инновационную идею эфиры. - Мы не можем так поступить. Мы недавно вступили в партию защиты людей от окружающей среды!

- Я в этом случае кто - человек или среда? - безрадостно поинтересовалась я, внутренне раздражаясь.

- И не проси, - поддержала их Лёна. - Ты моя подруга, и я просто обязана сделать тебе гадость в благих целях.

- Так и знала, что подруг лучше не иметь! - фыркнула я, скрипя зубами.

- Подруг вообще иметь не рекомендуется, - улыбнулась воздушная. - Лучше иметь друзей. На ориентации плохо не сказывается.

- Только через мой труп! - категорично заявил Диего, чем вызвал загадочный взгляд Эйдена.

- Ну вы-то... - набросилась я на главу Совета. - Вы-то понимаете все последствия его, - кивок на Диего, - доброжелательной глупости?

- Конечно, желание дамы - закон, - усмехнулся огненный под рычание водного. - Но в этом случае, Мария, ты не дама.

- А кто? - нахмурилась я, начиная тяжело дышать. - Трансвестит?! - Так меня еще не оскорбляли!

- Ты - палач, - напомнил мне начальник.

- Тогда развяжите меня для харакири! - категорически потребовала я. - Если уж у вас всех кишка тонка меня прикончить!

- Кто ж тебе нож в руки даст, убогая?! - раздалось из коридора. - Ты ж мне все орудия производства своими попытками угробиться угробишь!

- Натка, - крикнула я, - это уже тавтология!

- Тетя Натка, - послышался голосок Кары, - говорить не может. Она убежала прятать все острое и режущее!

- Кара! - рявкнул Диего. - Быстро к себе в комнату! Здесь тебе не место!

- Хорошо, папа, - покладисто согласился замечательный ребенок. - Тогда возьми вазелин и перец. Я с собой принесла. Тетя Натка сказала, что такая работа должна пройти гладко и с огоньком! Ничего другого в нашем доме в помощь я не нашла!

Диего выругался и выскочил за дверь.

- Слушайте, - попыталась я уговорить Эйдена. Последняя попытка. - Давайте прикончим

меня по-быстрому, пока его нет, и скажем, что так и было! Надоело лежать распятой в рассоле, так и воспаление легких недолго подхватить!

- Я в общем-то не против, и даже обеими руками «за», да свидетелей больно много, - хладнокровно отказал огненный. - Не выйдет.

Я взвыла. Еще раз огляделась по сторонам.

- Это соучастники, - поправила его я. - Пойдут прицепом по мокрому делу.

- Счас! - рявкнула Лёна. - Без подстрекательства мне!

- Шри Рама нам в помощь! - В воздухе соткался Мадхукар.

- Как вы вовремя! - обрадовалась я. - Объясните этим ослам...

- Можно начинать? - К нам снова присоединился Диего.

- Ничего объяснять уже не надо, - вздохнула я. - Пришла глушилка умных мыслей.

- Деточка, - ласково сказал мне индус, - все будет хорошо, если ты не будешь нам мешать.

- Я?!! - возмутилась жертва творимого произвола. - Я вам всем помогаю не натворить глупостей.

- Тогда приступим! - потер ладошки довольный Мадхукар. - Глупости двигают прогресс!

- Да?!! - поразила я, испытывая непреодолимую потребность спрятаться под одеяло. - А я думала - мозги! Какое разочарование!

- Вот сейчас и проверим, - сообщил мне глава Совета с ласковой улыбкой матерого садиста. Мне заранее стало нехорошо.

- Мы тут. - В комнату вошла Лана с сыновьями. Вырядились они так, словно не в приличное общество пожаловали, а проводить земляные работы. Рабочие штаны, фартуки, огнеупорные пожарные рукавицы... Еще бы оранжевые костюмы надевали и нацепили пожарные шлемы! - Простите за опоздание, к вам очень тяжело добраться.

- А может, не надо? - попыталась я воззвать к тому, к чему еще не взывала до этого. К разуму. Наивная.

- Надо, Мария, надо, - зловеще навис надо мной Диего.

И я окончательно поняла, что попала...

Глава 28

Будет все, как ты замочишь, Будет труп у ног твоих. Будут ноги рук короче, Только б нам хватало их.

– Последнее слово приговоренного? – поинтересовалась я между делом, пока эти умалишенные окружали мое ложе. Вякнула: – Мне чего-то положено сказать?

Но мои друзья и... не совсем друзья были настроены весьма решительно. Поэтому поностальгировать мне под занавес не дали.

– А надо? – усомнилась Марика. – Ты как скажешь что-то жалостливое, мы размякнем, все затянется. А так... раз-два – и в дамки!

– Раз-два – и в белые тапки! – возмутилась я. – У меня, может, назрело наболевшее и прет!

– Тогда потом скажешь, – сообщила мне Лёна. – Когда отболит. А то заразишь всех ненароком.

– Зараза к заразе не пристанет! – задергалась я в своих путах. – Вы все потом пожалеете, но будет поздно! Мне уже будет нечего вам сказать!

– Никак мы доживем до светлого праздника? – обрадовался Диего. – Молчаливая Мария – это недостижимая мечта любого мужчины!

– Так то мужчины! – огрызнулась я, прикидывая, смогу ли его укусить. – А по тебе вазелин плачет! Во-о-отакенными слезами!

– Начинаем! – сообщил Мадхукар и завел мелодичный тихий речитатив на незнакомом мне лично языке.

– Вайух! – рывкнул Мадхукар спустя какое-то время.

Лёна вытянула вперед руки ладонями вверх. Над ними поплыла голубоватая дымка и закружились мини-смерчи.

– Ты отдаешь свою силу добровольно, дочь воздуха? – спросил индус, прикладывая правую ладонь к сердцу Лёны.

– По доброй воле и велению разума, – кивнула моя подруга. – Для светлого разума.

У меня нашлись и возражения, и замечания, но я умудрилась промолчать. Угу. Когда на тебя так зыркают, легче языком подавиться, чем что-то высказать!

Мадхукар щелкнул пальцами, что-то снова пропев.

Дымка сорвалась с ладоней Лёны и зависла надо мной. Я видела, как свиваются в тугие кольца смерчи.

– А?.. – открыла я рот, чтобы просто спросить: этот вентилятор теперь лично мой или другие тоже могут пользоваться?

Но договорить мне не дали. Кто-то из присутствующих пожелал остаться анонимным, но рот мне насильно запечатал магией.

Счас укушу, а потом найду по отпечатку зубов! И так заткну! Сразу всё!

Рошан внутри начал беспокойно ворочаться и приставать ко мне с неприличными предложениями.

«Плюнь на них, дорогая», – усмеялся ифрит.

«Не могу! – обиделась я на всех вместе взятых. – Мне рот заткнули!»

«Тогда давай отсюда уйдем?» – вынес следующее предложение подселенец.

«Ты, блин, слепой? – возмутилась я. – Не видишь, я привязана!»

«Сожги их», – посоветовал кто-то шибко мудрый, но слабоумный.

«Не хочешь сам выйти и попробовать?» – огрызнулась я.

Пока я наслаждалась перепалкой с личным собеседником, доступным двадцать четыре часа в сутки, надо мной разворачивались действия.

– Аналах! – выкрикнул Мадхукар, кивая Эйдену.

Огненный поднес сложенные лодочкой ладони ко рту и выдохнул лепесток пламени.

Факир, лейку ему на шею!

– Ты отдаешь свою силу добровольно, сын огня? – спросил индус, прикладывая правую ладонь к сердцу главы Совета.

– По доброй воле и велению разума, – кивнул мужчина. – Для горячего сердца.

Я им всем взглядом показала, что для них же лучше, чтобы у меня были чистые руки! Которыми я их всех буду долго и больно бить!

Щелчок, куплет. И рядом с дымкой закружился огонь.

Та-а-ак, личным камином меня тоже обеспечили. Ждем с нетерпением продолжения концерта по заявкам радиослушателей.

«Какая прелесть! – заявил мне Рошан, выбираясь на поверхность. – Чистая сила огня. Ням-ням!»

«Приятно подавиться! – фыркнула я. – Смотри, встанет не в то горло. Я по спинке так постучу, что легкие вылетят!»

«У меня нет легких», – усмехнулся ифрит, довольно щуря алые глаза.

«Зато у меня есть, – мстительно напомнила я. – И без них тебе будет проблематично жить!»

«Тогда я тут посижу», – отреагировал Рошан.

Какой у меня покладистый ифрит. Еще бы был и любознательным... Сходил бы мир посмотреть, себя показать...

Взмыленные ритуальщики восторженно поглазели на две стихии. Обезьяноиндус затаил свою песню дальше.

– Апах! – через пару минут выдал Мадхукар.

Диего поманил облачко, тусовавшееся в открытом окне, и выдавил из него блестящую, кристально прозрачную каплю.

Позер!

– Ты отдаешь свою силу добровольно, сын воды? – спросил индус, прикладывая правую ладонь к сердцу испанца.

– По доброй воле и велению разума, – торжественно заявил Диего. – Для чистой души.

А-а-х ты, селедка недочищенная! Осьминог на все ноги хромой! Омар с тупыми клешнями! Это мне еще и душу мыть?!! Мало тело в ледяной воде полоскали?!!

Мадхукар повторил все под копирку. И надо мной уже закружились три стихии.

А что? Все удобства! Душ тоже свой. Встану, удуш одного гада – и сразу мыться!

«Это мне не нравится, – отреагировал Рошан. – Слишком мокро».

«Мне тоже не нравится, – хмыкнула я. – Но ради тебя возьму все оптом!»

«Пожалеешь!» – предостерег ифрит.

«Только после тебя!» – широко улыбнулась ему, продемонстрировав всю глубину нашей взаимной любви вполне понятным жестом.

Мадхукар, по-моему, уже осип от такого количества куплетов. Поэтому «Кхам!» прозвучало достаточно хрипло.

Эфиры хлопнули друг друга по ладоням и высекли большую искру, заметавшуюся между ними.

Ага! Сейчас кого-то вжарит током, и сила электричества отомстит за меня посмертно!

– Вы отдаете свою силу добровольно, дети эфира? – спросил индус, прикладывая обе ладони на сердца девушек.

– По доброй воле и велению разума, – улыбнулась Марика, подмигивая мне.

– Для мощной ауры! – добавила Сапфира.

Во! Полный набор. Электрогенератор можно уже не покупать.

Мадхукар, напевая, повернулся к земляным.

– Вы отдаете свою силу добровольно, дети матери-Земли? – спросил индус, прикладывая обе ладони на сердце Ланы и одного из сыновей.

– По доброй воле и велению разума, – звонко повторили Лана с сыном. – Для уверенной поступи.

– Притвхи! – шепнул Мадхукар. Из-под ног откуда ни возьмись появился холмик чернозема, который превратился в нечто темное, неосязаемое. Это нечто присоединилось к остальным стихиям.

Все застыли, глядя на пятерку стихий надо мной, пока Мадхукар допевал свою бесконечную сагу.

Наконец индус выдохся. Замолчал. Потом с силой хлопнул в ладоши и заорал:

– Аштадха!

– Мяу! – ворвался к нам Дарси. – Мя-а-ау-у-у!

Я заволновалась. Неужели никто не догадается убрать животное, чтобы не покалечилось?

Рошан вообще прикидывался печенью и активно страдал, как после многодневного запоя.

Кот с разбегу вскочил на меня, царапнув когтями. Припал ко мне, не сводя горящих глаз со стихий, и подпрыгнул, ловя когтями опасный клубок.

В воздухе мое любимое домашнее животное растворилось, чтобы раскрыться прозрачной медузой необыкновенной красоты. МЕДУЗОЙ?! Мамочки!!!

Я закрыла глаза, чтоб не глючилось. Открыла. Медуза не пропадала. Опять закрыла. Потрясла головой. Открыла – медуза никуда не делась.

Я поняла – голод схватил меня за горло своей костлявой рукой и у меня теперь затяжные галлюцинации. Связи не вижу, но звучит красиво. Главное, жалостливо. Надо отрепетировать, вдруг пригодится?

Хрустально-прозрачное тело, посверкивающее разноцветными огоньками. Сияющие внутренним светом щупальца. И мелодичный звон.

С моей отвалившейся челюстью меня примирило только то, что моя челюсть отпала не первая! Справедливости ради нужно сказать, что некоторые вместо челюсти ловили глаза.

Медуза начала со звоном вращаться, втягивая в себя стихии по одной.

Цвет тела бывшего Дарси начал постепенно меняться от темно-голубого до ярко-красного, пока не стал голубовато-розовым в мелкие золотистые пятнышки и не подернулся белой дымкой.

После этого Дарси снова нежно прозвенел невидимым колокольчиком и выплюнул шар такого же голубо-розово-золотистого цвета. После чего опять перевоплотился в кота. И как ни в чем не бывало плюхнулся мне на живот. Попружинил.

И... свалил.

Разлюбезный Мадхукар решил надорвать свои связки окончательно и заорал что-то больше похожее на матерную частушку, в которой неприличные слова на ходу заменяются другими, более принятыми в цивилизованном обществе.

Шар завертелся в воздухе и начал снижаться прямо ко мне.

Тут уж я, перепугавшись до смерти, сумела освободиться от магического кляпа и вернуть голос.

– НЕ-Э-ЭТ! – Это все, что я успела крикнуть перед тем, как на меня обрушилась многотонная тяжесть...

Торкнуло мне та-а-а-ак знатно! Плющило просто не по-детски.

Для начала вырвало куски рамы вместе с веревками и подбросило к потолку. Потом я полетала по комнате спущенным шариком. За мной с одеялом носился Диего, оравший:

– Все быстро отвернулись и закрыли глаза!

Лана, кстати, закрыла, но не себе, а сыновьям.

Хотя старший заявил ломающимся баском:

– Мам, мы анатомию давно прошли. А все остальное можно где хочешь посмотреть.

Семья земляных тут же отрешилась от моего шоу и начала выяснять, кто, где и чего смотрел.

После полета меня начало размазывать по полу. В буквальном смысле. Тонким слоем. Причем этот слой прямо тянулся удобриться и зазеленеть.

Диего резко перестало хватать одеяла.

Только мой ревнивец собрался стягивать с себя футболку, как меня сложило вдвое, и я выпустила пар ушами и ноздрями. Натурально. Как пароварка. И так – раз тридцать.

Дальше все уже происходило в сауне, несмотря на открытое окно.

Когда меня перестало складывать вперед, то немедленно начало сгибать назад рыбкой. Мой затылок и пятки просто породнились.

Честное слово, я бы и это пережила, но тут ко всему прочему прибавилась огненная... пардон, отрыжка.

Замечу, это крайне неприличное действие вызывали у меня только два персонажа: Диего и Эйден.

Вскоре им тоже нечем было прикрыть стыд. И теперь сыновья закрывали маме глаза, заявляя, что папе бы это не понравилось.

Меня уже решили было заткнуть огнетушителем, как вдруг отрыжка прекратилась. Зато

меня растащило в стороны, будто снежинку. Из пальцев рук и ног стали бить молнии. Самонаводящиеся. Попадали всегда в цель... в Диего.

– Это когда-то закончится? – орал испанец, уворачиваясь от динамо-машины в моем лице. – Или она еще чего-то может?

– Кто ж знает? – сверху ответил Мадхукар, наблюдавший за представлением с карниза. – Все когда-то заканчивается.

– Мне бы только хотелось знать, – подпрыгнул и одновременно выгнулся Диего, уходя от двух одновременных разрядов, – что это закончится ДО моей смерти, а не ПОСЛЕ!

– Мочи его! – орали увлекшиеся эфиры. – Это круче, чем в компе в стрелялку резаться! У Диего еще много маны осталось!

– У меня уже ничего нет! – орал практически обнаженный испанец, летая ласточкой, скача зайцем и артистично уворачиваясь от артобстрела по комнате. На минуту он вылетел из помещения и вернулся уже полностью одетый в черные штаны и рубашку.

Жаль-жаль... голый он мне нравился больше...

На Диего опять посыпались молнии. Эйден, кстати, по-королевски стянул одеяло и закутался как в тогу.

– У меня больше нет сил! – признался водный, пятнадцатый раз перескакивая мое лежбище.

– Вставь батарейку, – посоветовала добрая Марика.

Но тут меня снова переклинило. Стреляться я перестала, зато меня начало очень быстро вращать вокруг своей оси и окутывать туманом.

Сколько это продолжалось, я не знаю, но когда комната прекратила вращаться перед глазами, я услышала:

– Ух ты, какой тюнинг! – Это кто-то из сыновей Ланы.

– Да-а-а, результат довольно неожиданный... – выдал аристократичный Эйден.

– Ничего так, живенько. – Радостная Сапфира.

– Клевый причесон! – Это Марика.

– И как мы будем ее легализовывать? – Растерянное от Лёны.

– Слава богу, живая! – с трудом отдышался Диего. Следом: – Нельзя как-то цвет смягчить?

– Ну-у, что-то у нас точно получилось! – с фальшивой оптимистичностью сделал вывод Мадхукар, спускаясь вниз. Прозвучало как «ути-пути» педиатра по отношению к недоношенному младенцу. М-да. Ситуация не вдохновляет.

Я растерянно посмотрела на взъерошенную компанию элементалей и запустила почему-то звенящую руку в шевелюру. Волосы стояли торчком, словно их намазали клеем.

– Никто не хочет мне объяснить, почему у меня такая странная прическа? – поинтересовалась я, ощупывая «хоть что-то стоит» на голове.

– Наверное, волосы торчат от электричества, – робко предположила Лёна. – И воздуха было много. Но вода и шам...

– ВОДА?! – заорала я, протягивая руки к подруге.

Та замерла...

– Второй вопрос на засыпку: почему я синяя? – икнула я от неожиданности, рассматривая бесчисленное количество драгоценных браслетов на темно-голубой

коже. – Это съемки «Аватара-2»?

– Может, просто переутомление? – осторожно высказалась Лана.

Ну да, ну да... Скажи еще – краска для волос некачественная попалась!

Я скользнула взглядом по своему телу вниз, заранее решив ничему не удивляться.

Ну, хотя бы лифчик из листового золота на меня надеть не забыли. Глянула дальше...

ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ! Насчет «не удивляться» – сильно поторопилась! Боже-боже-боже, пускай мне все это снится! Пусть это будет сон, а?

– У кого-то есть предположение, где мои ноги? – в ужасе рассматривая свой дымчатый хвостик вместо нижних конечностей. – Где вы их оставили в процессе... лечения?

– Мне бы тоже хотелось это знать! – присоединился ко мне Диего. – Куда вы дели нижнюю половину тела Марии?

– Это тебя волнует больше всего? – прищурилась я. – Других вопросов нет?

– Есть, – признался Диего. – Но я задам тебе их наедине.

– Мечтай, – фыркнула я. Вперила взгляд в Мадхукара, как самого продвинутого юзера среди всех этих социально опасных ламеров: – Последний вопрос... Я теперь кто?

– Джинния, – радостно, как уезжающей теще, улыбнулся индус. – Добрая и универсальная.

– Такого просто не может быть, – растерянно выпалил Эйден, обводя глазами собравшихся экспериментаторов от слова «худо». – Это мифические существа!

Он спрашивает или утверждает? По-моему, не знает сам.

– Серьезно? – вытаращилась я на него. – И это мне говорит глава Совета Стихий? Огненный стихияль?

– Стихияли есть, а джинний нет! – отрезал Эйден, поддевая одеяло. Твердо: – Этого просто не может быть!

– Да?!! – залучился счастьем прыгающий вокруг меня Мадхукар и поманил огненного пальцем. – Не хочешь взглянуть на это?

Эйден осторожно подошел ко мне, глянул мне на затылок и... потерял одеяло.

– Упс! – присвистнула я, оценив глазами ракурс. Одобрила: – Хороший размерчик. От природы достался или помог кто?

– Прекрати пялиться на чужих мужиков! – рявкнул Диего, оказываясь рядом и отделяя меня от остолбеневшего Эйдена.

– Этого просто не может быть! – в тысячный раз простонал глава Совета, вырывая целые клоки из своей шевелюры.

– Но это есть! – еще больше радовался индус, тыкая в меня пальцем. В шею. – И это подтверждает мою теорию, что именно стихии решают, могут ли молодые...

– Чего в меня пальцами тыкаете? – возмутилась я, передергивая плечами. – Проткнете же! Мало того что ног лишили, так еще и дырок понаделаете!

– Кстати, а как ей можно вернуть ноги? – встрял в непонятный научный спор испанец, все еще отгораживая меня от Эйдена.

– А чего это тебя так интересует? – подозрительно скривилась я.

– Ну, для мужа – это вполне естественный вопрос, – пришел ему на помощь индус.

– КО-О-ГО?! – Я испытала потрясение. В который раз за день! Это уже становится дурной

традицией, надо менять шаблон. – Каким образом?

– Мужа, – снова ткнул мне в шею сзади пальцем Мадхукар. Широко улыбаясь, подтвердил: – У вас обоих супружеские татуировки. Твоя со знаком воды, его – огня. Обе синие, по цвету стихии мужа...

– Давно, говоришь? – сощурилась я. Посмотрела на свои руки – пальцы уродовали отросшие немаленькие когти. Эх, не стучать мне пальцами по столу, коготки не позволят! Ой, лучше туда не смотреть, одно расстройство. Хм, каламбур!

– Мария, – начал по новой свою шарманку Диего... то есть муж, – я потом тебе все объясню...

А я... смирла Диего придирчивым взглядом сверху донизу и заявила с обидой:

– Кажется, мне пора сменить семейный статус! Вдова – это звучит коротко и гордо!

Глава 29

Любите, джиннии, простых обманщиков, Случайных летчиков и моряков...

- Ты не можешь так думать всерьез! - подошел ко мне Диего, пытаясь положить руку на плечо.

Угу. Рука прошла насквозь.

- Класс! - обрадовалась я. - Это будет моя маленькая мстя! Исполнять супружеские обязанности мне просто нечем!

Диего как-то прямо расстроился от такой новости и повернулся к Мадхукару:

- Ее можно каким-то образом стабилизировать?

- Ноги уже делать не будем? - ехидно осведомилась я, подплывая к парочке. - Руки - это наше все?

- Главное, что ты живая и неопасная, - уныло утешал мою душеньку испанец, настойчиво сверля взглядом индуса. И опять закурылкал: - А все остальное мы постепенно восстановим...

- Протезированием? - хмыкнула я, пристально рассматривая экзотический маникюр. Мои ногти... когти были примерно сантиметров десять, и кончики закручивались вниз. Цвет - темно-синий с перламутрово-черным отливом.

- Вообще-то, - задумчиво сообщил нам Мадхукар, - если сосредоточиться, то можно перейти в другое состояние.

- Мария! - подскочила ко мне Лёна. - Давай сосредоточься и напрягись!

Я честно попыталась.

- Ну как? - спросила меня подруга минут через пятнадцать. - Чувствуешь изменения?

- Угу, - кивнула я. - Чувствую сильные позывы посетить дамскую комнату задумчивости.

- Это физиология! - фыркнул индус. - А ты на духовном уровне попробуй.

- Что, и там тоже нужно испытывать позывы? - ужаснулась я.

Эйден попытался дать мне подзатыльник. Ударил ладонь об стену и получил шоковую терапию электрическим разрядом.

- Мария, - подступился ко мне Диего и занялся подстрекательством, - представь, что ты хочешь обрести материальную форму и дать мне в глаз.

- Это всегда пожалуйста, - обрадовалась я, прикрывая веки.

Через пару минут...

- Я лучше пойду свежим воздухом подышу, ик! - остро занервничала Марика.

- Я с тобой, - поддержала подругу Сапфира.

- Что такое? - удивилась я, распахивая глаза и выпрямляясь.

Бэмц! Макушка поздоровалась с потолком.

- Больно! - прорычала я, разглядывая всех с высоты трехметрового роста. - Ой! Ноги!

Ноги у меня теперь были. В синих газовых шальварах. Правда, сами ноги не такие, как ожидались. Угумс. Симпатичные когтистые лапки шестидесятого размера, украшенные шипами и шпорами. О! И с дорогими кольцами на пальцах. Наверное, для утешения.

Бедный, бедный Диего! Его догнала... догнал... нет, не северная лисичка с пушистым хвостом, а самый настоящий разрыв шаблона.

- Забираю свое предложение обратно, - пробурчал Диего, косясь с опаской на мои хрупкие ручки бодибилдерши с необъятными бицепсами. - Иначе свою голову я буду искать на другом конце земного шара.

- Зато все есть! - обрадовала его я. Покрутилась перед глазами. - И много!

- Согласен получить немного поменьше, раза два или три, - пошел на попятный мужчина. - Я нетребовательный. И вообще, минималист.

- Давай ты попытаешься еще раз, - бесстрашно подступила ко мне Лёна. - Только представь, что ты маленькая и тоненькая. Без клыков. И рогов.

Рога? РОГА?!! Только их для полноты картины мне и не хватало! Их и копыт!

- О-па! - пощупала я череп. И чуть не присела. Хорошо, что не упала.

Точно. Загнутые, как у горного архара, огромные рога. Мама! Я съела несвежих ананасов! Мне это мерещится!

- Диего... - интимно наклонилась я к... мужу и тактично придержала его плечо двумя пальчиками. Больше там просто не помещалось. С намеком: - Ты ничего мне сказать не хочешь?

- Я тут ни при чем! - категорически отверг мою внезапную догадку новоявленный муж. - Это у тебя генетическое наследие. От Рошана.

- Да?!! От Рошана? - почесала я «наследие», стараясь не выдать раздирающей внутренней тоски. Усмехнулась: - А что? Вельми удобная вещь. Бодать можно, не дожидаясь корриды. - Невинно заметила: - И тебе, как испанцу, зрелище привычное... Сыграем сценку «Быки в Памплоне»...

- Мария, - отчаянно взмолился Диего, - попробуй стать собой. Я, конечно, тебя в любом виде люблю и приму, но хотелось бы без экстрима.

- Ну мало ли чего тебе хотелось, - протянула я ласковым басом, нежно поглаживая его пальцем по голове. - Свои желания нужно обуздывать!

- Счас! - зло буркнул Диего и трансформировался в... тритона. Синенького и большого. Очень большого. С умильными глазками и шикарным рыбьим хвостом. Кому-то повезло, что среди нас рыбаков нету! А то любители рыбалки отпилят этот роскошный хвостище и будут показывать сфотографированный трофей. А про голову скажут, что в объектив не уместилась.

- Теперь я точно буду знать, - почесала я рога, - что ты не употребляешь аллегории.

- Гр-р-р! - сказал тритон, распахивая зубастую пасть.

Я внимательно посмотрела, погрозила когтистым пальцем и обратилась к присутствующим:

- Никто не знает - это так и должно быть?

Все неопределенно пожали плечами.

- Понятно, - подергала я себя за оттопыренное ушко. - Выражаю протест! Вот с этим земноводным, даже зная, что там внутри мужчина, находиться в кровати отказываюсь! По двум причинам. Первая: крокозябристость - это не экзотика, а фильм ужасов с доставкой на дом. Вторая: я все равно не помещусь в кровати...

Тритон натурально плюнул на каменный пол и трансформировался в Диего.

- Я надеялся, что ты испугаешься и немного съежишься, - признался он.

- Спят! - ласково поинтересовалась я, поучительно постукивая когтем ему по лбу.

Ткнула перстом в потолок. – А если бы я подпрыгнула от неожиданности? Кто из вас готов ловить головой потолок?

Наши горе-волшебники переглянулись и попятились.

– Папа! – раздался за дверью голос Кары. – Кто там у тебя так кричит? Как будто ему занозу вытаскивают? Мне тут тетя Натка посоветовала вам скипидару принести, чтобы дело двигалось быстрее...

– Не входи, дочка! – заорал Диего, набрасывая на меня многострадальное одеяло, сдернутое с Эйдена. – Мы тут делами занимаемся!

– Да?!! – не поверила я, стаскивая этот слюнявчик с груди. – А я думала – дурью маемся. – И показала взглядом на обнаженного главу Совета.

– Черт! – взорвался Диего и вернул одеяло огненному. – Прикройся, сделай милость.

– Да-да, – подтвердила я. – А то ребенок очень любознательный. Скипидар может использовать...

– Мария, – подлетел ко мне муж и потащил за мизинец к раме, – спрячься пока туда, чтобы ребенка не испугать!

– Ты думаешь, она не испугается меня, стоящей на четвереньках с рамой на рогах? – озадачилась я, потирая подбородок. На минуту представила эту картину, после чего уже не знала – мне ржать или рыдать? Прямо-таки сложно выбрать.

– Тогда, может, вы ее загородите? – обратился несчастный отец к присутствующим.

Те покрутили пальцами у виска.

– Ее можно загородить только пирамидой Хеопса, – едко пробурчала Лёна, суммируя мнение окружающих. – И то не факт. Зная Марию, могу предсказать, что она из вредности еще подрастет.

В общем, пока кто-то очень заботливый метался ошипанной курицей... петухом по всему помещению и путался у меня в ногах, девочка беспрепятственно вошла.

Ребенок внимательно осмотрел всех присутствующих, задержавшись взглядом на мне, покачал головой и заявил:

– Папочка, ты, как всегда, в своем репертуаре! Совершенно не умеешь обращаться с женщинами. Посмотри, до чего ты Марию довел!

– Это не я! – открестился Диего, краснея до ушей. И уши тоже покраснели. До свекольного оттенка.

Эхма! Оказывается, мой герой умеет краснеть. Не совсем пропащий, значит, муж мне достался.

– Что-то мне в это не верится, – хмыкнула Кара.

Девочка бесстрашно подошла ко мне, обняла тоненькими ручками мою ногу и попросила:

– Ты бы не могла стать поменьше? А то мне тебя целовать будет неудобно.

Я прямо вся растаяла и размякла.

– Можно я буду называть тебя мамой? – поднял на меня ясные глаза ребенок.

Что-то щелкнуло в моем мозгу. Екнуло в сердце. Сжалось. И...

– Конечно, маленькая, – присела я рядом в своем натуральном виде и размере. – Я буду счастлива.

– Спасибо, мамочка! – Девочка обхватила меня за шею и чмокнула в щеку под тихие

умиленные рыдания дамской половины собрания. Мелкая радостно затарахтела: – Я пойду, у меня уроки. Но завтра вернусь и почитаю тебе сказку. Договорились?

– Безусловно, родная, – обняла я ее, укачивая в объятиях хрупкое тело и смаргивая набежавшие слезы.

Кара еще раз чмокнула меня в нос и щеку, выкрутилась из моих рук и, победно взглянув на отца, убежала.

– Теперь твою форму нужно стабилизировать! – поднял вверх палец Мадхукар. Деловой какой! Признался: – Я еще не знаю ка-ак...

– Я знаю, – отрезал Диего, приближаясь ко мне с горящими глазами. – Но вам всем нужно уйти!

– А почему? – воспротивилась Марика, когда понятливая Лёна потянула ее на выход.

Диего быстренько показал «почему», впиваясь мне в губы поцелуем.

– А-а-а, – дошло до девушки. – Поня-атно...

И она, подхватив застывшую Сапфиру, перестала сопротивляться воздушной. Троица вымелась наружу быстрее самума.

Мужчины ушли еще раньше – по-английски, не прощаясь.

– Мы еще с тобой не решили, – оторвалась я от Диего, поправляя бюстье джиннии, – что мы будем делать с нашим браком.

– Испытывать, – сообщил муж, запихивая шаловливые руки мне в шаровары. И тут же получил по рукам.

А нечего свои конечности куда попало совать! Я его еще не простила!

– И ты был большим засранцем в последнее время. – Я вытащила его руки, но они устремились к моей заднице. – И поэтому я не уверена, что хочу с тобой прожить всю оставшуюся тебе жизнь!

– Отомсти мне, – внес предложение мужчина, одновременно целуя мою шею и подталкивая меня к раме.

– Ну не здесь же! – возмутилась я.

Он бы меня еще на пыточный стол колючей проволокой прикрутил и ножики для эротической прелюдии достал, идиот! Тогда я уж точно захочу – но уже не секса! И не примирения, отнюдь.

Диего снова пытался меня соблазнить, но место было очень неподходящее. Мне казалось, хижина насыщена моими страданиями. Ничего хорошего для меня по определению тут быть не может.

Я озвучила претензию:

– У меня тут карма сморщилась и чакры скукожились. И вообще, я соскучилась по нормальной кровати!

– Не вопрос, любимая, – понятно ухмыльнулся Диего, прижимая меня к себе и откидывая раму. Под рамой открылся странный источник. Весело заявил: – Для тебя – все, что пожелаешь! – И прыгнул со мною вниз.

Мы ухнули в воду, как в колодец. Я громко визжала и отплевывалась, этот гад смеялся. А нежные руки и осторожные, исполненные заботы объятия говорили, что мой... муж – никак не привыкну к этому слову! – не издевается.

– Желаю! – орала я, выныривая и снова погружаясь с головой. – Никаких обливаний, купаний и закаливаний! Жара, море, солнце, песок – и я в ста метрах от воды! О! Желаю о-такие пальмы! – Буль-буль-буль!

– Как скажешь, любимая, – произнес Диего и... подло обманул.

Потому что прежде, чем мы очутились там, где я загадала – море, солнце, песок, – мы пару раз нырнули и вынырнули. Теперь я на собственном горьком опыте знаю: высшие водные предпочитают строить порталы исключительно водным путем!

Пальмы... пальмы были. Шикарная вилла в средиземноморском стиле на побережье Доминиканы. На всей территории – никого. Даже слуг. Только мы.

Диего провел меня по дому с экскурсией. Холодильник, полный разнообразной еды; любые напитки – ладно, это нормально. В конце концов, пару лет со мной рядом жил. Хотя еда вся моя любимая, включая тончайшие кружевные блины с горькой черной икры, сельский салат с помидорами, сладкими перцами и огурцами, творожные налистники и овощное рагу с молодой картошкой, укропом и кабачками (блюдо совсем не для богатых гурманов!).

Но шкафы, полные одежды моего размера? Когда успел-то! Это ж явно не один день собирать! Интерьер, оформленный целиком по моему вкусу? Копии моего любимого кресла. Камин, тютелька в тютельку как в нашем съемном доме. Бесчисленные мои фотографии. Аромат белых пионов и голубых ирисов – откуда, кстати, узнал? Я никогда не афишировала свои обонятельные предпочтения. Даже сама я не смогла бы обустроить свой дом лучше.

– Я ждал тебя долгих три года, – тихо ответил Диего на мой безмолвный вопрос, погрузив лицо в мои волосы на затылке. – Все время ждал. – В ход пошли убийственные аргументы – его пальцы и губы.

На пару минут я выпала из реальности. А зря. Этим сразу кое-кто воспользовался.

С меня стянули полупрозрачные, соблазнительные, но мокрые насквозь одежды джиннии и закутали в шелковый халат.

Я как-то совершенно перестала понимать происходящее и следила за мужем округлившимися глазами.

Когда Диего достал веревку, я очнулась, насторожилась и всерьез приготовилась его убивать. Только решила выждать немного – вдруг что-то не так поняла. Мало ли... муж веревку бельевую повесить решил, а бедолагу супружница сразу, как таракана, взяла и прибила ни за что ни про что. А вот когда он завел меня в комнату с точно такой же рамой, какая была в той хижине, я поняла, что вдовой сейчас буду становиться долго и вдумчиво.

Но я ошиблась. Неправильно поняла цели Диего. Он стянул рубашку и лег на раму.

– Ты хотела отомстить? Вот он я. Жарь! – И протянул мне моток альпинистских тросов.

Я потрясенно застыла, крутя в руках веревки, словно клубок ядовитых гадюк – с ужасом и опаской.

А Диего раскинулся привольно на этом страшном сооружении и ласково мне улыбался.

– Не хочешь привязывать – не надо! Не бойся, не убегу. Хотела отомстить – жарь!

Я на мгновение растерялась. Рот открывался и закрывался, а я все не могла найти что сказать. Шок.

Диего уверенно продолжал:

– Я тебя мучил, чтобы спасти, но для твоего разума и души нет сейчас никакой разницы. Ты останешься с душевной раной по жизни, если это не изменить. Поэтому вот он я, на раме. Я тебя топил, медленно убивал водой – теперь зажигай огонь и жарь! Я целиком в твоей власти. Даю слово, что не убегу, что бы ты со мной ни делала!

Мне стало нехорошо.

– Смелее, любимая. Один Первоэлемент знает, как я того не хотел, но ведь надо было!

Поэтому ты в своем праве. Давай не мешкай. – И он опять солнечно улыбнулся.

У меня в глазах стала накапливаться предательская соленая влага. Диего, словно не замечая моего подавленного состояния, вскочил.

– Забыл! Веревки перегорят, ничто не сравнится с огнем джинна! У меня есть наручники, вот! – Он достал откуда-то из ящика четыре комплекта титановых наручников и легко пристегнул сначала ноги, потом руки. Связку ключей швырнул мне. – Лови!

Я зарыдала. Беззвучно, но не таясь. Присела рядом с ним на корточки.

– Мария? Что случилось, милая? Почему ты плачешь? – всполошился Диего. И против логики попытался оторвать руку от рамы, чтобы меня погладить.

А я нарушила молчание, горько всхлипывая и неприлично утираясь рукавом нового шелкового халата:

– За кого... за кого... – Спазм не давал договорить фразу. – За кого ты меня принимаешь?!

Я рыдала взхлеб, мне трудно было объяснить что-то любимому мужчине, у меня просто не было слов. Он дал мне выговориться, не перебивая.

Когда я немного успокоилась, сказала ему:

– Знаешь, Диего, я только что поняла... а ну его этот комфорт, пошли в воду! – и отстегнула наручники, увлекая полуодетого испанца на улицу.

Он, предельно заинтригованный, молча следовал за мной, пока я тащила его к берегу. Мы разделись и обнаженными зашли в море так глубоко, что я смогла касаться дна только кончиками пальцев. На одиноком пляже, в лагуне, огражденной со стороны моря новой пластиковой сеткой (я так поняла, исключительно ради меня и моего спокойствия!), под вечерним южным солнцем, в море мы заново познавали друг друга.

– Люблю тебя, – шептали его губы и пело сердце.

– Люблю тебя, – вторило море.

– Люблю, – шептал ветер.

И моя душа оттаяла...

Глава 30

Скажи, Диего, ведь не даром меня, спаленную пожаром, Судьба тебе дала? И будут схватки боевые... Учти! Все женщины такие...

– Мария, ты выйдешь за меня замуж? – Учитывая синие пятнышки татуировок, предложение запоздалое, но зато какое сладостное!

– Да...

В этот раз вода была не мокрая и не холодная, а теплая и ласковая, как парное молоко. Не убивающая, а животворящая. Не отнимающая силы, а милостиво дарующая их. Целый океан могущества, водных жил и подводных течений, Марианских впадин и лагун, тончайших родничков, рек и озер, оберегающий нас от любого зла. Тот, кто дает поддержку и защиту. Кто бежит в небе облачком и проливается на землю дождем, кто в гневе сворачивает мосты и щедро кормит леса и поля.

Отец и мать, синяя планета живой водяной мощи, мы посреди нее, словно Адам и Ева в колыбели человечества.

Вверх-вниз, вверх-вниз...

И мы с Диего парили в неопишуемой невесомости над водной гладью, а вода принимала и гладила нас, умиротворяюще баюкая мелкими гребешками бриза. Набегала на плечи, целовала спину, тихо шипела на шее и волосах.

Вверх-вниз, вверх-вниз... Мы прижимались друг к другу, как сиамские близнецы. Входили друг в друга, как сабля и ножны. Скользили телами. Рожденные друг для друга, единые плотью, самим Творцом для того созданные. Не было жаркой безудержности огненной страсти, была ласка и нега, нежность и любовь. Сердце одно на двоих.

Вверх-вниз, вверх-вниз... Руками я обняла любимого за шею, а ногами обхватила за талию. Он так прижимал меня к себе, словно боялся, что украдут. Я ощущала гулкие удары его сильного сердца: тук-тук, тук-тук. И мое сердце, срываясь на бешеный бег, вторило ему.

Мой, только мой. Никому не отдам. Мой. Не потому что умный, сильный или красивый, хотя Диего сильный, умный и безумно красивый тоже. А потому что родной и близкий. Единственный. А его сердце отвечало: тук-тук, тук-тук.

Нельзя настолько сильно любить мужчину, сходить по нему с ума, настолько сильно хотеть его! Неправильно это. Неразумно! А сердце, мое сумасшедшее пламенное сердце мчалось загнанной лошадью, грохоча копытами: тук-тук-тук!

Это неменяемое выстраданное желание полностью поглотило мой разум. До Диего я никогда – никогда! – не знала, что такое сходить с ума от страсти. Теперь знаю. Ошеломляюще безумная жажда обладания. Ослепляющее желание почувствовать его внутри своего тела. Жажда близости именно с этим мужчиной.

Я согревала его тело мощью огня, нам было тепло, даже жарко. Он освежал меня силой воды, овеивал лицо мельчайшими капельками.

Вверх-вниз, вверх-вниз...

Мимо нас проносились дельфины и летающие рыбы, внизу под ногами хороводили удивительные представители моря. Не знаю, было ли причиной их появления банальное любопытство или Диего специально позвал, чтобы сделать мне приятное...

– Диего, скажи, а у тебя есть хвост? – По-видимому, я тоже бываю неприлично любопытна.

– Любимая, у мужчины должны быть какие-то секреты, – проговорил запыхавшийся Диего. – Надо же мне тебя потом еще чем-то удивить!

Я рассмеялась в ответ. На душе была удивительная легкость. Она взрывалась внутри меня лучами света и радости, будоражила ум и подпитывала любовью душу.

Алел закат. Нас окружало безоблачное небо – с одной стороны, пылающее остаточными отблесками алого, с другой – стремительно чернеющей звездно-лунной пеленой, россыпью горящих алмазов далеких светил.

Вверх-вниз, вверх-вниз... Свидетелями и судьями нам были далекие уютные звезды, которые освятили наш союз. Их светящаяся пыль припорошила фосфоресцирующее море.

В тот вечер мы породнились с водной стихией, а она приняла нас как своих детей.

В конце купания я все-таки замерзла. Когда мы вылезли, уморительно цокала зубами, а Диего кутал меня в махровый халат, разжигая огонь в камине, после чего усадил к себе на руки, отогревая. Меня, огонь! – вот умора-то! И отогрел ведь.

Мы поздно поужинали при свечах, сидя на террасе. Насекомые слетались и бились о стекло уличных фонарей. С моря дул приятный бриз.

Диего по случаю первого официального семейного ужина приоделся в строгие штаны и шелковую рубашку с длинным рукавом. Я сидела в развевающемся летнем платье-сарафане и чувствовала себя сказочной принцессой.

Природа дышала тишиной и покоем. В воздухе стоял сладкий запах цветов. Под апельсиновыми и лимонными деревьями терпко пахло цитрусом. Я влюбилась в спелые лимоны, честное слово! Никогда бы не подумала, что спелые лимоны сладкие – сладкие! – представляете!

На дорожке время от времени появлялись ушлые гекконы. Эти веселые поскакуны меня ужасно забавляли своей шустрой деловитостью и ненасытным аппетитом. Еще удивляли крабы, которые умудрялись очутиться под ногами в самый неподходящий момент. Но больше всего поражали летучие мыши, которые в охоте за насекомыми проносились над нашими головами, как истребители в бреющем полете. На мой взгляд, они тут водятся в неимоверном количестве.

В саду изредка покрикивали какие-то тропические птицы – или то были жабы? Не знаю кто, но звуки были довольно резкие, и не сказать чтобы очень уж мелодичные или приятные.

Диего подсовывал мне немыслимые сочетания мороженого с фруктами, образцы фруктовых салатиков с кокосовым молочком, необычные «отвертки» и другие коктейли. Ох и будет у меня завтра болеть голова!

Я перепробовала кучу экзотических фруктов с таинственными названиями и пребывала в неизменном восторге. А от легкого алкоголя меня чуточку повело и действительность для меня колыхалась в легкой радужной романтической дымке.

И почему я никогда не интересовалась экзотическими вкусами раньше? Ведь могла же купить себе в тех же больших супермаркетах, их там полно. Все это давно уже там продается. Или для того, чтобы интересоваться такими вещами, должен вернуться глубинный вкус жизни? Наверное.

Муж недоуменно водил ладонью над золотистыми огоньками, лучистыми шариками света, и следом блаженно шурился. Как для меня сегодня состоялся брачный обряд единения с водой, так для него – с огнем. Его ладонь осталась без малейшего следа ожогов даже после пребывания в огненном средоточии камина.

Сам себе не веря, Диего разглядывал абсолютно целую и невредимую руку. Переворачивал ее, шевеля пальцами. Подносил к глазам. Исследовал. Я на это только сыто улыбалась. Огонь и не то может. И он исключительно ласков. Ничуть не хуже воды.

– Ты сказал, что ждал меня три года? – решила я задать весьма интересующий меня вопрос. – Как так?

– А что именно тебя поражает? – удивился муж, усаживая меня на колени и притягивая к себе.

– Тебя в какой школе учили отвечать вопросом на вопрос? – фыркнула я, прижимаясь

щекой к гладкой смуглой коже. – Сроки меня интересуют! Сроки!

– То есть ты окольными путями пытаешься выяснить, когда я тебя полюбил? – хмыкнул Диего, зарываясь пальцами в мои волосы и не давая мне заглянуть ему в глаза с праведным негодованием.

– Ну... – прикусила я нижнюю губу. – Я все же женщина...

– Представляешь, я заметил, – сообщил мне муж, начиная поглаживать шею. – Трудно было не заметить в свете последних событий.

– Сейчас отращу рога и забодая! – пригрозила я, вредничая и подбираясь к его ребрам. Не сгрызу, так потыкаю!

– Не надо! – пошел на попятную Диего, ловя мои конечности и целуя пальчики. – Ты мне в уменьшенном объеме дорога гораздо больше. Слышала поговорку – мал золотник, да дорог?

– Не заговаривай мне зубы! – выпрямила я спину. – Я четко поставила вопрос и хочу получить такой же четкий ответ на него!

– Какой именно вопрос? – начал выкручиваться мужчина, ярко поблескивая аквамариновыми глазами со смешинками.

А руки Диего – те вообще жили отдельной жизнью, и, если бы на территории находились слуги, мне было бы сейчас очень стыдно!

– Почему три года?! – взорвалась я.

– Потому что, как только я тебя увидел в первый раз, – осторожно взял меня за подбородок мужчина и заглянул в глаза, – сразу все для себя понял.

– Да?! – безмерно удивилась я, хлопая ресницами и чувствуя себя дура душой. – А почему я о том не знаю?

– Да, – усмехнулся Диего. – Ты помнишь нашу первую встречу?

– Э?... – задумалась я. – Смутно. Это было как раз после Наткиной попытки сварить самогон из кофе. Я немного усугубила...

– Я помню, – скривил губы муж, безмолвно порицая женское пьянство. – Когда Лёна привезла меня к твоему дому и позвонила в дверной звонок... Сначала послышался громкий шум, потом не менее громкий ма... оглушительное оповещение, а потом... Потом ты открыла дверь и...

– И?... – уставилась я на него, нахмурясь и одновременно пытаюсь покопаться в памяти. Та молчала, как дохлый скунс.

– И ты предстала в мужских трусах в горошек, в футболке, длиннее, чем эти трусы, но тем не менее в них заправленной. И халате наизнанку. Почесала свою спутанную гриву и, не открывая глаз, сообщила хриловато-сексуальным голосом: «Кто бы ты ни был, путник с отмороженными инстинктами, беги скорей отсюда, ибо страшна я в гневе и невыспавшаяся!»

– Ну-у, это чистая правда, – чуть покраснела я.

– Когда Лёна сообщила тебе о новом телохранителе, – прикусил губу Диего, сдерживая смех, – ты все же открыла свои прекрасные очи, окинула меня придирчивым взглядом с головы до ног и сообщила: «Ради этого стоило падать с кровати!»

– Я всегда такая непосредственная спросонья, – еще сильнее покраснела я.

– Да-да, – подтвердил мужчина, ласково поглаживая мою щеку большим пальцем. – Особенно когда впустила нас и процитировала: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

– Оставил? – полюбопытствовала я, млея от его нежности.

- Сразу же, - признался Диего. - Все мои планы рухнули, погребая себя под обломками. Я понял, почему... - Он запнулся.

У меня защемило сердце.

- Ты понял, почему Мигель меня полюбил? - подсказала я, грустнея и отворачиваясь.

- Да, - крепко обнял меня муж, прижимая к такой надежной груди. - Тебя нельзя не любить. Видимо, это семейная черта.

- Я тоже его любила, - призналась я, не собираясь отказываться от своего прошлого. - И его смерть стала для меня страшным ударом. Мне... Мне было очень трудно пережить его.

Объятия стали еще сильнее.

- Если бы я могла, - продолжила я, смагивая слезы, - я бы ушла за ним, но...

- Я знаю, - остановил меня Диего. - Знаю, мой лучик. Вода хранит секреты и рассказывает мне. Я с ума сходил, будучи рядом с тобой, потому что ты все время была мыслями где-то невероятно далеко, с ним.

- Шпион! - обвинила его в шутку. - Должны же у меня остаться хоть какие-то тайны и секреты... для загадочности образа.

И уже мои пальчики начали диверсию, расстегивая пуговицы рубашки и выдергивая ее из штанов.

- Ты для меня и так вечная загадка, - польстил мне главный мужчина моей жизни. - Никогда не знаешь, что ты выкинешь в следующий момент. Каждую секунду - как на вулкане. А уж твоё упрямство - просто притча во языцех!

- Чего это? - обиделась я и попыталась сползти с его колен.

- «Чего это?» - передразнил меня мужчина, естественно, никуда не отпуская. - Я три года ждал, когда ты наконец меня заметишь...

- Ну-у-у, - протянула я, перебивая. - Наконец, - поерзала у него на коленях, - я тебя все же заметила.

- Провокатор сейчас окажется голый и на полу подо мной, - строгим голосом сообщил мне муж. И прижал меня к своей голой груди. Остальные доказательства его заинтересованности упирались в мою пятую точку.

На этом ужин внезапно закончился. Муж решительно взял меня на руки и понес в тихую обитель на втором этаже. Балдеж! Никогда меня еще так на руках не носили! Нет, вру. Носили. Но это тоже был Диего. Только у него наблюдается странное и неумное желание все время таскать меня на руках.

Я расширила глаза в притворном удивлении:

- Где этот подлый подстрекатель? Покажи этого непорядочного негодяя! Я ему!!!

Мы как раз добрались до спальни, и меня бережно уложили на кровать, аккуратно расстегивая молнию на спине и одним махом освобождая от одежды и заодно от белья.

- Сейчас я тебе покажу, - пообещал Диего и снова показал мне небо в алмазах, искры и все, что прилагается к любимому мужчине в интимной обстановке.

- А теперь, - навис надо мной мужчина, когда все закончилось, - я хочу услышать, как ты меня любишь!

- Угу, - кивнула я, рисуя у него на груди узоры. - Сначала я хочу услышать, зачем ты ко мне навязался в телохранители.

- Ты была причиной гибели моего брата, - честно ответил Диего. - Я должен был посмотреть на тебя и попытаться через тебя добраться до Рамона.

- То есть, если бы не почувствовал ко мне симпатию, - сделала я резонный вывод, - ты бы положил меня на алтарь своей мести?

- Наверное, - не стал спорить муж. - Не имеет смысла загадывать... Как только мы встретились, у меня возникло только одно желание - положить тебя на любую поверхность и вдумчиво изучить...

- Маньяк, - хихикнула я, впечатленная чистосердечным признанием.

- Возможно, - согласился мужчина. Его шаловливые губы прошлись легким мазком вдоль груди, снова пробуждая во мне желание. Ну точно, маньяк! - Как ты догадалась о Мигеле?

- Я знала практически сразу, - неохотно призналась я. Взглянула в смуглое лицо. - Вы очень похожи внешне, у вас одинаковая фамилия. Вряд ли такие совпадения возможны в нашем деле.

- И ты молчала? - изогнул он черную бровь.

Я загрустила. Слишком болезненная тема, слишком глубоко личная... жуткая...

- Зачем растравлять незаживающие раны? - тихо сказала я, поглаживая его мускулистую спину. - Боль иногда нужно оставить внутри, не вытаскивая наружу, чтобы она не разорвала твое сердце.

- Я знаю, - так же тихо согласился Диего, целуя меня.

- Ты любил ее так же? - задала я вопрос, когда мы оторвались друг от друга.

- Нет, - сжал зубы муж. Надолго замолчал. Потом все же произнес: - Мерседес... она была моей тихой гаванью. Ты - моя жизнь со всем проблемами и радостями, взлетами и падениями. Ты - мое дыхание и мое сердце. Без гавани тяжело жить, очень трудно, но можно. Без сердца... вряд ли.

- Я... - начала я говорить, но меня оборвали, приложив палец к губам.

Диего приподнялся и насторожился, к чему-то прислушиваясь. Его брови сошлись на переносице. На скулах заходили желваки. Губы плотно сжались. Выражение лица стало суровым и непреклонным.

Неожиданно он вскочил на ноги одним прыжком.

- Быстро одевайся! - бросил мне сквозь зубы. На лице попеременно отражались злость и тревога.

Что-то случилось. Что-то весьма и весьма неприятное, Диего не стал бы психовать понапрасну.

Я не стала пререкаться. Быстро стогнала в гардеробную, на ходу натягивая спортивный костюм.

- Готова? - отрывисто бросил муж, опоясываясь кобурами и пряча еще один ствол сзади за ремень брюк.

- Да, - кивнула я, вопросительно глядя на него. - А это не намокнет?

- У меня - не намокнет! Пошли, - протянул он мне руку. Проще всего: - Кара у Рамона.

Во мне поднялась удушливая волна гнева.

Я вложила свою руку в его и, не задавая лишних вопросов, последовала за ним в море.

Кто-то очень хочет поиметь приключения на свою бессмертную задницу?! Он их получит!!! У меня появилась семья, и я никому не позволю ее отобрать!

Глава 31

С врагом мне встретиться – Проблема трудная: Мерзавец вертится, Как вошь паскудная!

Когда мы вынырнули в фонтане, я была готова поверить в Деда Мороза, в Санта-Клауса и даже в летающих оленей, которых люди видят под Рождество.

Честно говоря, со стаканом не только оленей увидишь. Некоторым удастся увидеть крылатых крокодилчиков, например.

Так вот, поскольку меня все это время таскали из струи в струю, из лужи в лужу и из канавы в канаву, а притащили абсолютно сухую, то я испытывала дикую потребность поглазеть на оленей в небе, чтобы избежать комплекса неполноценности.

Когда мы появились в саду, я никого не разглядела поблизости. Но муж точно знал направление.

– Отпусти ребенка! – приказал Диего, выскакивая из воды и ломясь в кусты. – Давай поговорим как мужчина с женщиной.

– Зачем ты присвоил ему такое гордое звание? – пробормотала я, вылезая на землю самостоятельно. Как боевую единицу муж меня не учитывал. А зря!

Сейчас я приведу себя в состояние аффекта... Выглянула из кустов.

Рамон стоял около обрыва, держа над ним малышку.

Упс! Аффект пришел сам! Не дожидаясь, когда его позовут!

– Ты чего это творишь, душевно убогий! Тебе солнце башку напекло?! Или ломиком с неба прилетело и шандарахнуло? – возмутилась я, вытаскивая себя на свет божий. – Совсем охренел! Уже на детей кидаешься. Нет чтобы со взрослыми дядями и тетями поговорить!

– Смотрите, кто нас посетил! – оскалился Рамон, перехватывая поудобней малышку и подавая Диего знак не приближаться. – Никак у нас Мария восстала из мертвых? А я-то надеялся... – Вздохнул картинно. – Опять разочарование!

– А то! – фыркнула я. – Должна же я хоть что-то сделать в этой жизни хорошего? Отравление тебе радости приравнивается к очистке атмосферы. Так что я борюсь за мир во всем мире путем уничтожения препятствий с длинными загребущими руками.

– Это ты мне так витиевато угрожаешь? – нелюбезно поинтересовался огненный, небрежно встряхивая ребенка, будто неживую куклу.

Кара упрямо сжала губки, но промолчала, несмотря на слезы, бегущие по пухлым щечкам.

– Никогда! – с ужасом отвергла я подобную перспективу. Аффективно всплеснула руками. – Чтобы я, да своему создателю угрожала? – Рывнула: – Не-а! Я тебе прямо говорю – нельзя таких вредителей оставлять в живых. Вдруг ты размножиться соберешься, не приведи господи?

– Пока что я буду диктовать условия, – невпопад огрызнулся создатель. – Стоять! – В сторону Диего.

– Он вообще-то стоит не двигаясь, – хмыкнула я, детально просчитывая ситуацию. – Или ты хочешь, чтобы у него еще чего...

– Мария!!! – Это в два мужских солидарных голоса.

– А что такое?.. – округлила я глаза, между делом потихоньку продвигаясь вперед незаметными шажками. – Если мне это нравится, то и тебе...

– Мария! – гаркнул создатель. – Я шутить не буду! Девчонка полетит на камни, если я не получу желаемого!

- И чего ты желаешь, обрывок невода с травой морскою вместо серого вещества мозга? - полюбопытствовала я. Пушкинскую «Сказку о золотой рыбке» испанцам в школе не преподают, а жаль. Очень поучительная и жизненная история.

- Мне нужен ифрит! - крикнул Рамон, уподобляясь ненасытной старухе. - Ты отдашь мне его силу или я убью вас всех!

Диего стоял на месте, но времени не терял: судя по отрешенному лицу, о чем-то договаривался с водой. Ладно, вызываем огонь на себя.

- А пупок не развяжется, Чморный Бластелин? И я тебе что, золотая рыбка - все желания выполнять? - возмутилась я до глубины души, еще продвигаясь по шажочку. Если тихо, незаметно ступать вперед, долго и громко переругиваясь, - можно успеть.

- Сука! - приласкал огненный. - Отдай чужое, последний раз говорю!

Я не смолчала:

- Да конечно! Счас все брошу и буду из себя ифрита по капле выдавливать!

Рамона не сказать чтобы перекосило, его просто скорчило от злости. Жаль, сразу не сплющило, было бы гораздо меньше хлопот.

А я не умолкала:

- Сущность ифрита ему подавай! А геморрой от натуги не заработаешь? Вдруг застрянет по пути каменный цветок?

- По капле не надо! - отверг злодей. - Слишком долго. Давай целиком!

- Инструкцию, пожалуйста, - оскалилась я, опять делая небольшой приставной шажок. Мы, женщины, терпеливые. Это у мужиков привычка... бац-бац, лобовая атака - и в дамки! А мы добиваемся своего тихо, незаметно, шаг за шагом...

Рамон зарычал.

Я продолжала нести ахиною:

- Когда мне это счастье перепало, оно было недоукомплектованное, без текстового файла приложения. Только пакет программ с расширением!

- Хватит морочить мне голову! - заорал Рамон. Как всегда, невзирая на жару, весь в черном. И все такой же черный внутри, темнее сажи.

- Есть чего морочить? - насмешливо отозвалась я, отвлекая террориста-агрессора. - Покажи - чего. А то та тыква, что у тебя на плечах, никак не похожа на разумную!

- Быстро отдала сюда ифрита! - завопил создатель, брызгая слюной. - Ты всегда была упрямой! Но умной!

- Вот спасибо! - кивнула я, незаметно делая еще шаг. Отвесила шутовской земной поклон. - В кои-то веки похвалил, барин.

- Диего! - обратился к моему мужу Рамон. Угрожающе блеснул глазами в мою сторону. - Уйми свою шлюху!

- Лучше я уйму тебя! - потемнел лицом испанец, поднимая руки для удара стихией.

- А дочь? - Мой треклятый создатель покачал над самым обрывом девочку. Та испуганно пискнула и забилась в его руках. - Про нее забыли?

- Рамон, - проникновенно сказала я, опять делая шаг вперед. - Может, ты все же найдешь в себе хоть что-то хорошее? Хоть раз попытаешься?

- Зачем? - удивился создатель до такой степени, что даже перестал трясти ребенка.

- Ну-у... - почесала я нос. - Чтобы оставить светлое пятно на грязном поле своей души.

Говорят, – ткнула пальцем в небо, – ТАМ помогает.

– Это не ко мне, – ухмыльнулся мужчина. – Я никуда не тороплюсь.

– Жалко, – вздохнула я. Воодушевилась идеей: – Помочь, что ли?

– Чего? – не понял Рамон. Прищурился: – В чем помочь? Искать в себе хорошее?

И красивый же мой создатель мужик! Невероятно красивый. Ярko выраженный брюнет с живыми, подвижными чертами лица, настоящий мачо. Рослый. Гармонично сложенный атлет. Во всем радует глаз эстетичная правильность черт. Ну просто воплощенная мечта женщины! Во всяком случае, внешне. Жаль только, что гнилой внутри. И это все решает.

– Насчет того, что ты никуда не торопишься, – пояснила я. – Потому как и так понятно – в тебе ничего доброго нет!

– Сразись со мной! – решительно влез в наш диалог Диего. Указал рукой на свободную площадку в сторонке и предложил: – Давай померяемся силами!

– Звучит как-то странно, – пробормотала я себе под нос. – Почти как «от забора до обеда».

– Что я, дурак, – с кривой ухмылкой моментально отреагировал Рамон, – драться с высшим водным?

Диего гневно поджал губы и прошипел сквозь зубы что-то, не предназначенное для широкой аудитории.

Мой создатель продолжал изгаляться:

– Ты думал, я не узнаю твой ранг, тритон? За идиота меня держишь? Или за самоубийцу?..

– О-о-о! – закатила я глаза. – Ошиблась! Смотри-ка, все же что-то в тебе есть!

– Неужели после стольких лет ты разглядела? – приосанился огненный.

– Нет, – пренебрежительно процедила я. – Почувствовала. – Демонстративно повела носом. – Тут запашком неприятным потянуло. Думала, ты мужчина, а на самом деле ты...

– Давай ифрита! – взбеленился оскорбленный Рамон, чуть не топая ногами. – Я устал от вас обоих! У меня...

– Утюг дома не выключен? – подняла я брови. Подначила: – То-то я смотрю, ты сегодня с выглаженными мозгами явился и с ошпаренными инстинктами.

– ВСЁ!!! – заорал Рамон. – Отпускаю! – И начал разжимать пальцы.

Диего побелел и бросился к дочери.

– Не успеешь, – злорадно расхохотался огненный.

– Рамон, – хмыкнула я, – если ты уж разыгрываешь здесь злодея, то играй по правилам. Сейчас, например, ты должен выдать нам планы мирового господства, а потом признаться в грехах. Причем во всех и сразу.

– Зачем? – не понял меня создатель.

– Как? – возмутилась я. – Чтобы запугать нас окончательно! Например, мне очень интересно запугаться, почему ты так ненавидишь семью Диего, – любопытствовала я, стремясь еще выиграть время.

Видела, муж что-то делает. Мне, правда, непонятное, но делает. Губы шевелятся, пальцы плетут невидимую паутину. Надеюсь, это он не молитву читает. Тогда нам всем придется ее слушать. В итоге. Зауспокойную.

– Разве я его ненавижу?! – гордо вскинул голову Рамон. – Я его семью в упор не вижу,

а потому уничтожаю!

- И зачем? - настаивала я на ответе. - Не видь себе дальше, Базилио.

- Нет! - выкрикнул Рамон. - Его бабушка предпочла мне его дедушку!

Приехали!

- Вау! - выдохнула я, широко распахивая глаза. - Трындец. У тебя с головой еще хуже, чем я думала. Ага. - Постучала кулаком по своему лбу. - Ее нет вообще!

- Она была моей первой и единственной любовью, - бубнил создатель, закатив глаза в экстазе. - И когда она выбрала эту пиявку с чешуей, то разбила мне сердце!

- Мои бабушка с дедушкой умерли своей смертью давным-давно, - озадачился Диего. - Дедушка в результате несчастного случая потерял силы, а с ними и бессмертие.

- Конечно, своей смертью, - с достоинством ответил Рамон. - Не мог же я мстить любимой женщине?! Но вот ее потомкам - это пожалуйста! Вы не мои, а следовательно - недостойны жить!

- Недолеченный психопат, - сделала я вывод. - Дай уточню: его бабушка тебя когда-то послала далеко и надолго, и ты так обиделся, что уже которую сотню лет вынашиваешь планы мести? Я ошиблась еще раз - ты не Чморный Бластелин! Ты - Блаженный Чмостелин!

- Ты всех убил только из-за этого? - не поверил своим ушам Диего. - Из-за бабушки? Это что - шутка?

- Нет! - сверкнул безумными глазами Рамон. - Это не шутка! Ты никогда не терял любимую женщину, водный!

- Ты убил всю мою семью! - крикнул Диего, вцепляясь себе в шевелюру обеими руками. - Это значит «не терял»? Что же тогда, по-твоему, «терял»?.. - И опять непередаваемые национальные выражения, подробное содержание которых я уловить не смогла. Только в общем.

- Зато она не ушла к другому, - пояснил создатель, перекладывая Кару в другую руку и эмоционально жестикулируя.

Девочка решила воспользоваться моментом и вцепилась в ладонь зубками.

- Это тебе за папу! «Бип-бип-бип»... дядя!

- Мерзавка! - отдернул руку Рамон.

Кара начала падать, отчаянно цепляясь за укушенную конечность.

- Не-э-эт! - кинулась я к ней. - Поймай ее, и я отдам тебе все, что хочешь!

- Ну наконец-то! - удовлетворенно сказал создатель, ловя ребенка в последний момент. - Давай!

- Сейчас! - пообещала я и, сосредоточившись, скользнула вглубь себя.

«Привет, - сказала мне джинния, возникая перед моим мысленным взором. - Слушаю и повинуюсь!»

«Не смешно! - фыркнула я. - Тут один...»

«Я слышала, - кивнула джинния. - Ты знаешь, что это может убить тебя? Что я - твоя единственная основа?»

«Да, - кивнула я. - Но я не могу допустить...»

«Отдай меня ему, - прошептала джинния, беспокойно ворочаясь внутри. - Не бойся, отдай. Я сделаю все, чтобы уберечь тебя, свою часть и хозяйку. А Рамону будет полезно

прочувствовать силу женского начала!»

Я вынырнула наружу, судорожно вздохнула и крикнула своему создателю:

– Я готова обменять ифрита на жизнь Кары.

Рамон расплылся в радостной улыбке:

– Клянись!

– Клянусь сутью своей! – спокойно произнесла я клятву.

Угу. А сути-то как раз и не осталось! Одна джинния.

Рамон передвинул девочку от обрыва и кивнул мне.

– Давай!

– Мария! – предупреждающе выдохнул Диего. – Подумай! Что ты делаешь?!!

– Подумала, – хмыкнула я и сконцентрировалась. Спустя мгновение в моих руках переливалось всеми оттенками пламени огненное сердце джиннии, замаскированное под аналогичный сосуд ифрита. – Пусть подавится, эксплуататор! – И швырнула сгусток в создателя.

– Не переживай так за меня, – глумился испанец, впитывая кожей сущность. – Я не подавлюсь.

– Посмотрим, – оптимистично окоротила его я, чувствуя слабость и падая на колени. Перед глазами все плыло.

– Это я посмотрю, как ты сдохнешь, мерзавка! – захохотал Рамон, брезгливо откидывая Кару к отцу.

Диего поймал дочь. Крепко обнял, чмокнул в макушку и закинул в фонтан. Ребенок с громким хлопком исчез.

Муж бросил на меня предупреждающий взгляд и встал в боевую стойку.

– Ой, сейчас лопну! – захохотал Рамон, показывая унижительные для собеседника жесты и звонко ударяя себя руками по ляжкам. – Какой смешной водный!..

Диего замер, не понимая сути происходящего. А чего тут понимать? Рехнулся мужик на почве дармовой силы. Бывает.

Огненный пояснил издевательски:

– Кретин! Твоя женщина вот-вот умрет, отдав себя взамен чужой дочери, а у тебя на уме одна драка! Нет, я действительно лопну!

– Слушаю и повинуюсь! – четко раздались слова джиннии.

– Это кт... – вытаращил глаза мой создатель. Рамон не смог договорить фразу, потому что его начало раздувать. Как воздушный шарик.

– Отгадай загадку! – Я бы засмеялась над глупым видом огненного, но силы утекали просто со скоростью воды.

Диего проводил недоуменным взглядом начинающего планериста и кинулся ко мне с перекошенным от волнения и тревоги лицом.

– Как ты себя чувствуешь? Что болит?

– Ничего, – прошептала я, еле двигая языком. – Больше ничего не болит...

– Нужно что-то сделать! – бесновался мой муж, хватая меня и не зная, куда бежать. Твердил: – Выход всегда есть!

- Поздно. - Я с трудом поймала его за руку. Попросила: - Положи на землю. - Слова выходили с огромным усилием, словно выдавливались из тюбика: - Побудь. Со. Мной.

- Мам, а что с дядей? - вынырнула из фонтана Кара.

Муж устало провел ладонью по лицу и сорвался.

- Почему ты здесь? - заорал на дочурку. - Уходи домой!

- Не... кричи... на ребенка... - прошептала я, собираясь с силами, чтобы не пугать славную малышку. - Дядя... ест... все... подряд... у него... метеоризм...

Рамонжабль тем временем устремлялся в небо на всех парах.

- Папа, - поллюбопытствовала отошедшая от шока девочка, - зачем дядя наелся метеоритов? Они жесткие. И невкусные. У него сухарей не было?

Ребенок шустро выскочил из воды и подбежал ко мне. Маленькие ручки обхватили мою шею, личико спряталось на груди.

- Я люблю тебя, мама!

- Я тоже люблю тебя, дорогая, - прошелестела я, чувствуя себя немного легче.

Муж сел на землю и положил мою голову себе на колени, сжимая ладонь.

Отпустило чуть больше.

- Пап? - потребовала ответа Кара. - Почему у дяди нет сухарей? Он одинокий?

- Наверное, родная, - вздохнул Диего, зорко следя за набирающим скорость и объем Рамоном и поглаживая меня по голове. - Некому было их ему засушить. А теперь уже поздно. Жадность, возведенная до небывалых высот, до добра не доводит. Видишь, как много ее у дяди? Прямо распирает!

- Надо попросить Марселу достать касторку! - решила Кара, вскакивая. - Пусти, а то потом понадобится, а лекарства не будет! Если у дяди никого нет - то понятно, почему он такой злой и с детьми не умеет обращаться!

Глава 32

Итог к главе сей срочно нужен: Коль хочешь долго жить, так будь хорошим мужем.

- Что здесь происходит? - Рядом с нами возникли взъерошенные запыхавшиеся эфиры. - Мы почувствовали возмущение в пространстве и появление в небе сущности ифрита!

- Мария! - ахнула Сапфира. - Как только ты выпадаешь из-под нашего наблюдения, то всегда оказываешься на спине и рядом с Диего!

- Это традиция, - сцепил зубы муж, стараясь шутить. В аквамариновых глазах билась жгучая тревога. Он пытался вливать в меня свою силу, а мой организм не принимал, упорно выталкивая ее обратно.

- Не надо, - тихо сказала я. - Не мучай меня больше. Если так суждено - я уйду любимой и любящей.

- Ой, - шмыгнула хорошеньким носом Марика. - Так трогательно!

- Я люблю тебя, - прошептала я, не отрывая взгляда от потемневших глаз. - Больше жизни.

- Волнительно! - смахнула слезу Сапфира. - И все же, что здесь происходит?

- Над седой равниной моря ветер тучи собирает, - показала я на парящего Рамона. - Между тучами и морем гордо реет Рамон смелый, синей молнии подобный.

- Опа! - опешила Сапфира. - Чего это его в эмпиреи потянуло?

- Он сказал, что жизнь проходит, - фыркнул Диего, отправляя Кару домой повторно и снабдив угрозами и инструкциями, кому она сейчас должна испортить настроение. - А он еще ничего не видел. Вот решил, не откладывая, осмотреть все с высоты птичьего полета.

- Так надо помочь! - воодушевилась Марика и пульнула в моего создателя эфирным потоком.

Рамон запрыгал мячиком и зафыркал.

- Что это с ним? - всерьез заботилась Сапфира, внося свою лепту током.

- То лицом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, - развивала я дальше свою мысль, - он мычит, и - тучи слышат гадость в громком крике гниды!

- Счас он еще громче заорет! - пообещала возникшая с порывом ветра Лёна в шелковом халате. И запустила в Рамона воздушным потоком.

Тот жалобно вякнул.

Лёна бросила на меня гневный взгляд:

- Сколько раз ты еще собираешься жмуриться?

- Это последний, - слабо улыбнулась я ей. - Честное слово!

- Мерзавец! - запустила Лёна в огненного новый поток. - Ты мне за это ответишь!

Рамон заорал.

- В этом крике - жажда дури! - перевела я невнятные вопли на нормальный язык.

- Если орет, значит, мало досталось! - фыркнула Марика, наматывая на руку еще один эфирный хлыст. - Было бы много - стонал.

- Силу гнева, пламя страсти и уверенность в беде, - кивнула я, соглашаясь, но не забывая прислушиваться к несущимся из поднебесья воплям, - слышат тучи в этом крике.

– Пусть послушают, однако, – влез в мою поэму Диего, осторожно кладя мою голову на землю и вставая. Он призвал вокруг себя водные силы. – Скоро вопль тот надорвется над седой равниной моря!

– И Рамон стремглав умчится в гости к рыбам на халяву? – любопытствовала я, широко открыв глаза. На радостях даже умирать перехотелось.

– Эта, други, жажда дури до добра нас не доводит! – заявила Лёна, вставая рядом с Диего и вплетая в его силу свою. Тут же подключились и эфиры.

Созданный совместными усилиями поток запулили к Рамону.

– Вас вызывает эфир! – подпрыгивала от нетерпения Сапфира, управляя траекторией удара. – Вам пора на покой!

Силовой поток достиг бултыхающегося в воздухе Рамона и влился в огненного. Дальше случилась химическая реакция. Соединение нескольких элементов вызвало большой выброс энергии – и мой создатель лопнул, как воздушный шарик.

– О как! – обрадовалась Лёна, подпрыгивая на месте.

– Вот пример перед глазами – как нельзя хотеть так много! – обнял меня за плечи Диего.

– Слава богу, – прошептала я, радуясь про себя, что одним злодеем стало на земле меньше.

– Что это? – крикнула Марика, показывая на возникший надо мной большой, переливающийся всеми стихиями шар.

– Только не это! – ужаснулась я. – С меня уже точно хватит всяких процедур!

Рядом с шаром соткалась полупрозрачная джинния, постепенно материализуясь и плавно опускаясь на землю. Посмотрела на меня и толкнула шар в мою сторону.

Сверкающая всеми красками смерть стремительно приближалась. Что-то кричал Диего, вопили эфиры, стонала Лёна. В общем, жизнь продолжалась...

Шар врезался в меня с огромной скоростью.

Жар. Боль. Темнота.

Похороны были роскошными.

Море цветов. Проникновенные речи. Океаны слез. Собралась огромная толпа элементарей, которые после моей смерти все – все до единого! – оказались моими близкими друзьями и соратниками.

Все они пришли со мной попрощаться. Стоял, склонив гордую голову, почерневший Диего, поддерживая заплаканную Лёну. Рыдали на плече друг у друга эфиры. Кусала губы всегда такая сдержанная Лана, опираясь на руки сыновей. Сморкалась в любимый фартук Натка.

Торжественно-печальный Эйден произнес над погребальным костром краткую проникновенную речь, вспоминая все мои невероятные заслуги и выдающиеся подвиги. По его словам, мир потерял необыкновенную женщину и героическую особу, профессионала в своем деле.

Я даже сама собой загордилась! На пять минут... Пока не вспомнила, что под профессионализмом подразумевается...

После спича Эйдена люди (элементали!) в толпе еще больше расстроились и зашмыгали носами интенсивнее.

В общем, мне почти понравилось. Честно. Сама чуть не плакала.

Джиннии были возданы всевозможные почести. Ей бы, наверное, тоже понравилось, если бы она могла это видеть из своего Огня-Прародителя.

Когда все произошло...

Истончившая рука в моей. Тихий шепот на грани слышимости:

- Живи за меня...

Мой крик:

- Сделайте же что-нибудь!

Склоненные головы друзей. Ласковые золотистые глаза, в которых уже едва теплилась жизнь.

- Отпусти меня, Мария. Я хочу уйти к Огню-Прародителю и возродиться снова, очистившись от скверны...

Опустившиеся от смертельной усталости веки и безвольная рука...

Огненный дух пустынь покинул нас. Она ушла, осознанно сделав свой выбор, гордая и несокрушимая. Прекрасная. Вот чего не отнять – даже после смерти лицо джиннии сияло огнем редкой красоты. Красоты жгучей и экзотической. Как вышло, что, имея одно тело, мы в итоге получились такими разными?

Я всегда мысленно сравнивала себя с березкой – тонкой и застенчивой, изящной и благородной в любом уборе, весеннем, летнем или осеннем.

Джинния... она блистала. То, что ее волосы были не черными, как у традиционных представителей племени джиннов, а светлыми, только подчеркивало яркую экзотичность ее облика. «Шила в мешке не утаишь» – это как раз про нее. Яркая! Удивительная! Желанная! Только такими словами можно было охарактеризовать новорожденную огненную. И ушла...

На мое плечо легла тяжелая длань. Обернувшись, я увидела мудрые глаза Мадхукара.

- Так должно было случиться, – сказал индус, оттесняя меня от тела джиннии. Поклонился земле. – И так случилось.

- Это неправильно, – плакала я навзрыд. – Она не должна была...

- Должна, – снял кончиком пальца слезу печальный индус. – Она подарила тебе новую жизнь, для которой ты должна будешь умереть!

- Как?! Тоже?! – У меня не нашлось слов. Все напрасно. Бедный Диего!

Громкие крики протеста. Побледневший Диего бросился ко мне, загораживая от Мадхукара.

- Ты не получишь мою жену! Сначала тебе придется убить меня!

- Я на Марию и не претендую, – покачал головой индус, поднимая на руки иссушенное тело джиннии. – Она, – нежно посмотрел он на безжизненное лицо, – будет достаточным доказательством для Эйдена.

Диего замер, недоуменно глядя на Мадхукара и медленно опуская поднятые в попытке призыва водной стихии руки.

- О чем ты говоришь?

Я отупело промолчала, но на уме был тот же самый вопрос: к чему ведет хитрый индеец?

- Подумайте сами! Оба! – довольно резко отозвался человекообразный. Остановился, поворачиваясь к Диего лицом. – Или ты, водный, хочешь жить в вечном страхе? – ядовито

поинтересовался. Напомнил: – Эйден до конца дней своих никогда не выпустит Марию. Ты хочешь ей прижизненной доли палача, ручной зверюшки главы Совета?! Ты действительно для нее этого желаешь?

Диего вздрогнул.

– Он не выпустит ее из своих рук – зачем? – твердо заявил элементаль-перевертыш. – И всегда будет шантажировать тебя ее жизнью, принуждая к сотрудничеству. Нравится тебе такой вид рабства?

Муж тихо охнул и сгорбился.

Мадхукар продолжал напирать, ударяя по больным точкам:

– Эйден сам по себе неплох и вполне на своем месте. Но политика – штука беспринципная! От покорных личных рабов, готовых по твоему первому знаку делать ВСЕ – убивать, запугивать, калечить, – ни один политик по своей воле не откажется.

Я мысленно с ним согласилась. Вольдемар тому прямое подтверждение. Ведь Эйден знал, не мог не знать, что я не имею права заниматься этим делом, но легко наплевал на существующие законы. Власть сильно развращает, да еще такая!

– А тут была она одна, – безжалостно продолжал Мадхукар. – А стало двое, сильных и обученных, готовых ради любви друг к другу на все! Муж и жена, палач и ликвидатор! И оба у него в кулаке. – Покачал головой в традиционной восточной манере, словно фарфоровый китайский мандарин, и поцокал языком, приговаривая: – Как удобно!

– Но это значит... – осторожно начал говорить муж, поворачиваясь ко мне.

– Это значит, – тихо сказала я, принимая окончательное решение, – что мы будем жить скромно и незаметно. Далеко отсюда. И все наши родные и любимые будут навещать нас время от времени, оберегая нашу тайну.

– Ты никогда не сможешь вернуться на родину, – печально предостерег Диего.

– Родина – там, где сердце, – сказала я, обнимая мужа. – А мое сердце с вами.

– Почему ты помогаешь нам? – обратился Диего к Мадхукару. – Что тебе с того?

– Люблю сильных женщин, – подмигнул мне индус, исчезая с джиннией. – Красота правит миром, делая его лучше...

Эпилог

- О чем думаешь, любимая? – склонился надо мной Диего, поглаживая по животу.
- Вспоминаю джиннию, – честно ответила я, прислушиваясь к стуку кастрюльных крышек на кухне. – У Натки снова плохое настроение?
- Наоборот, – ухмыльнулся муж, укрывая мои ноги пледом и присаживаясь на пол около моего кресла. Подсунул под ласкающие руки жены свою кудлатую башку и сообщил с довольным видом, откидываясь затылком на мои колени: – Они с Карой решили приготовить тебе фруктовый сок.
- И как успехи? – засмеялась я, запуская руки в его буйную шевелюру. – Кухня еще цела?
- Пока – да, – поймал мою ладонь любимый и поцеловал каждый пальчик. – Но запас фруктов уже истощился. Наша дочь решила, что в косточках тоже есть витамины, и ломает уже вторую соковыжималку. Первые две благополучно крякнулись, не разродившись соком.
- Не смей меня, – попросила я. – А то я сейчас сама разрожусь.
- Тебе еще два месяца, – успокоил меня Диего, прикладывая ухо к моему животу. – Как там мой сын?
- Почему сразу сын? – фыркнула я, возвращаясь к нашему давнишнему спору. – Может быть – дочь!
- От водных рождаются только мальчики, – в который раз посвятил меня в тонкости воспроизводства тритонов муж.
- А от меня вообще по теории ничего не должно рождаться, – напомнила я ему. – Я – сотворенная.
- Ты – родившаяся заново, – хмыкнул Диего и получил пинок по уху от ребенка. – Драчун!
- Это малыш за маму заступает, – улыбнулась я, поглаживая живот. – Ш-ш-ш, маленький. Папа тебя любит.
- Конечно, люблю, – поцеловал меня в живот муж. – Но ты, как носительница всех стихий, должна знать, что...
- Пока я хочу знать, любимый, – ласково прервала я его, не давая прочесть мне лекцию о совместимости моих водной и воздушной составляющих с его стихией, – что я ношу в себе нашего с тобой ребенка. На данный момент – это предел моих мечтаний. Все остальное – непросто, но... решаемо.
- Я люблю тебя, непросто Мария, – в который раз признался Диего.
- Для тебя – просто Маша, – улыбнулась я ему. – Только никому об этом не говори, чтоб не завидовали.
- И за что мне такое счастье? – тихо спросил Диего, прислоняясь к моим коленям.
- Наверное, за то... – погладила я его кудри, вглядываясь в морскую даль, прекрасно просматриваемую с террасы, где мы сидели. – Что ты понял: для того чтобы преодолеть все невзгоды – нужно кого-то любить...

Сноски

1

Сукина дочь! (*исп.*)

Кинетические игрушки – работы кузнеца и ювелира Дакно Юна из Канзаса. При движении пальцев созданные мастером механические игрушки, браслеты и кольца имитируют взмахи крыльев птиц. Контраст между массивным металлическим основанием и невесомыми крыльями, а также сами движения конструкции способны заворожить зрителя.

И. А. Крылов. «Крестьянин и Смерть».

О времена! О нравы! (*лат.*)

О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

Таксидо – традиционный дресс-код, полный официальный костюм для праздничных событий, включая необходимые аксессуары к нему.

Моя вина (*лат.*).

Все лишнее вредит (*лат.*).

Дословный перевод с испанского – человек, мужчина, но в разговорном контексте его часто употребляют как восклицание, когда собеседник долго не видел этого человека и ему рад. Или, наоборот, если нет доверия собеседнику и ответ идет с иронией. В основном используется при обращении к мужчине, но допускается и при общении с женщиной.

Испанское междометие, выражающее досаду и раздражение. Аналогично русскому, млять, ёперный театр.

Буквальный перевод с испанского – «свинья». *Здесь:* неряха, грязнуля.

Междометие, выражающее досаду: блин, ёкарный бабай!

Янош Саудек – знаменитый фотограф, работающий в стиле ню.

Сучка (исп.).

Игра слов. Попробуйте произнести быстро.

Переводя на русский язык – с запором.

Ежегодно в городе Памплоне с 6 по 14 июля в честь праздника святого Феррина проводятся ритуальные уличные забеги испанских боевых быков наперегонки с невооруженными людьми.

Тонкие блины с начинкой.